

Замеч.

Август. Александров.

ЗАПИСИ.

СВЯЩЕННИК

АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ.

6-ое издание

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 Paris

1990

© by YMCA-PRESS 1978
ISBN 2-85065-185-0

Предисловие

Эта книга никогда не готовилась ее автором к печати — она была задумана и составлена уже после смерти отца Александра, чтобы как-то продолжить и укрепить неоконченное дело его жизни.

В книгу вошли некоторые из его записей, которые он вел для себя, отрывки из писем, имеющие общий интерес, несколько планов и прозрелых проповедей, случайные заметки на отдельных листках, найденные в его бумагах.

Незадолго до своей болезни, о. Александр говорил, что хотел бы написать книгу для молодежи, как бы в ответ на часто обращаемые к нему, типичные для современного юношества, вопросы. Он завел папку с надписью “Письма к молодежи”; но этот план его не осуществился и, только после его смерти, были собраны письма к руководимой им молодежи и из них взято то, что могло бы хоть отчасти его осуществить. Таково же происхождение и главы “К молодым священникам” — она была тоже представлена несколькими отрывочными заметками, но все же помещается в книге, так как затрагивает одну из тем, наиболее ему близких.

Кроме этих глав, намеченных, как мы видим, как бы самим автором, все материалы книги сознательно не приведены ни в какую систему, чтобы не ставить никакого толкования между автором и читателем и предоставить каждому, в меру его внутренней потребности, почерпнуть из этой книги то, что было сущностью духовного облика отца Александра.

Таким образом, эта книга не есть литературное произведение, а подлинный документ человеческой жизни, то, в чем отразилась его душа и что осталось на земле от него.

Конечно, эта книга, составленная из отрывочных и случайных заметок, не исчерпывает его, но, для знавших и любивших его, это некие вехи, по

которым они узнают образ любимого пастыря, услышат еще раз его голос. Не знаящим же его она все же даст о нем некоторое понятие и, может быть, некоторую помощь, утверждение, поддержку — т. е. сделает именно то, что делал всю жизнь для людей сам отец Александр.

Особенно может быть важна эта книга для современного человека, приходящего от светской современной культуры к религии и церкви, так как и сам он пришел к священству через врата светской культуры, через годы общественной и педагогической деятельности и через все трудности русской трагической судьбы.

По своему рождению он принадлежал к многим поколениям военной семьи. Родоначальник ее, рыцарь Алендрок вышел из Литвы на службу к князю Василию Темному и отец Александр любил эту свою коренную связанность с русским прошлым. Но к его рождению ничего уже не оставалось вещественного от этого прошлого и имени их (в пределах которого были истоки Воли) давно уже не принадлежало семье.

Отец его умер рано — когда о. Александру было всего 12 лет. Семья жила на пенсию, и он еще в гимназии зарабатывал уроками и платил за учение свое и брата. Позже он сам себя содержал во время курса учения в Петербургском Университете. По окончании университета он был оставлен при нем для научной работы (по кафедре истории) и в то же время прикnuл, по многим дружеским связям, к представителям верхов русской культуры, достигшей блестящего расцвета в начале нашего века. Это время отмечено движением к церкви и проповедью веры в утерявшем ее русском обществе. Движение это возникло в группе писателей, богословов и церковных деятелей, с которыми усиленно работал и молодой студент А. Ельчинов, предрекая этим путь всей своей жизни.

Его старший друг и наставник о. С. Булаков так вспоминает те годы: “то было светское пастырство, проповедь веры в среде одичавшего в безбожии общества и ей отдавался он, будущий пастырь, ранее своего пастырства. Во всей этой работе собиравши духовных сил против безбожия и равнодушия, он являлся неизменным и незаменимым труженником и сотрудником, смиренным и преданным исполнителем того, что на него возлагалось. Имя его должно быть вписано в историю нашего церковного просвещения, как и новейшего движения христианской мысли в России. Этому содействовали и его личные свойства, особое очарование его юности. Когда он появлялся — со своим лучистым ласковым взглядом — навстречу ему раскрывались сердца и появлялись улыбки.”

Особенная дружба, начавшаяся еще с детства, связывала его с будущим священником о. Павлом Флоренским. Под его влиянием и по собственной склонности, хотя и не имея еще и мысли о возможности для себя священства, он поступил в Богословскую Академию Сергиева Посада и одновременно принял участие в только что основанном Московском Религиозно-Философском Обществе и был его первым секретарем. В это же время в журнале "Новый Путь" появилась его первая статья "О мистицизме Сперанского", а годом позже — книга "История религий". И опять о. С. Булаков отмечает — "А. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах Литературной Москвы и Петербурга и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой и особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать бесконечные творческие беседы".

Также принял он участие в начинаниях, задумавших преодолеть традиционную зависимость церкви от государства и ставивших своей задачей приближение общественного устройства к евангельскому идеалу. Он сам вспоминал, как ночью, где-то в подмосковном лесу, читал и пояснял рабочим Евангелие, за что и получил от полиции штраф в 100 рублей, будучи заподозрен в политической неблагонадежности.

Курс Академии был прерван призывом на отбывание воинской повинности на Кавказе и в Академию он больше не вернулся, увлекшись педагогической деятельностью, став сначала учителем, а потом директором одной частной гимназии в Тифлисе. Эта гимназия была опытом новой школы совместного обучения. Его бывшая ученица М. Зернова так вспоминает об этом времени: "эта гимназия привлекала в свои стены самых талантливых преподавателей, но А. В. Ельчанинов был среди них исключительным и несравнимым. Его преподавание более чем что-либо иное в гимназии осуществляло ее основную идею — школу радости, творчества и свободы. Оно не укладывалось ни в какую систему и перерастало всякую программу. Это время полно для нас, учеников о. Александра, яркими личными воспоминаниями, овеяно очарованием прежде всего личности нашего учителя".

О его педагогическом даре пишет профессор Харвардского Университета Карпович, вспоминая своих товарищей и свою дружбу с о. Александром еще в гимназии, "все самое существенное в нашей жизни было связано с ним. Ему можно было сказать о том, чего никому другому не доверил бы. У него можно было искать разрешения разных сомнений и советов в трудных случаях жизни. Его влияние перевешивало, если не исключало все остальные. Наша привязанность к нему была безгранична, но влиянием своим

он пользовался с исключительной осторожностью. Никому ничего никогда не навязывая, он старался только помочь каждому найти правильный путь в ту сторону, куда каждого из нас влекло”.

Из приведенных воспоминаний видно, что он не был педагогом в общепринятом смысле слова, а скорее, даже еще в свои юношеские годы, он был настоящим духовным руководителем, “пастырем ранее своего пастырства”, повторяя слова о нем о. С. Булгакова.

В эти же годы он читал лекций по истории религий на Высших Женских Курсах, а также частный цикл открытых лекций на тему ему близкую — о

новой русской религиозно-философской мысли и об отдельных ее представителях, которых всех он лично знал.

В годы голода и разрухи он работал в американской помощи (*Near East Relief*), организовывая ремесленные, спортивные и просветительские занятия для детей, которых кормили американцы.

Позже, когда революционная буря рассеяла многих, он оказался с семьей во Франции, в Ницце, где первое время занимался сельским хозяйством, совмещая это с уроками русского языка и истории для русских детей во французском лицее.

Но к этому времени стало ясно, что светская педагогика не могла больше удовлетворять его и другое, более высокое призвание влекло его к себе. Вот его рассказ о том как это произошло:

“Я получил письмо от о. Сергия Б., где он настойчиво советует мне принять священство. Я был поражен. Сначала мне стало страшно, как бывает страшно, когда почувствуешь судьбу, рок. Я понял сразу, что это невозможно, что это моя судьба. В другом я. может быть, пытался бы обойти ее, но тут я почти не колебался — я пошел навстречу, и тогда стало так радостно и ясно на душе. На старых путях (педагогика, лекторство) мне было уже нечем жить, на новом пути я оживаю, возрождаюсь снова. Это мое посвящение во вторую степень. Первое — брак, второе — священство”. И еще: “Меня всегда, особенно последний год пугало быстрое течение времени; это потому, что я стоял на месте. Теперь (с решением принять священство) я пошел в разрез со временем, или, вернее, нырнул в глубину, где время безразлично”.

Принятие им в 1926 г. священства было как бы естественным продолжением и внутреннего его пути и его внешней деятельности. Больше того — в священстве он проявил высшее, к чему был призван, и как бы осуществил замысел Божий о себе. Кто-то из его друзей сказал даже о его внешности в день его рукоположения: “весь его иконописный облик как бы наконец нашел свое подлинное изображение”.

Священство дало новое вдохновение его жизни. “До священства — как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня — возможность говорить полным голосом”.

О том же свидетельствуют и его друзья. Профессор Ильин говорит — “его личность просияла в священстве, которое развязало и раскрыло все заложенные в нем возможности”.

Сам он, в первые дни записывает — “какая радость быть священником! Священство единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе самой серьезной стороной и где сам все время живешь всерьез”.

Его духовник, о. С. Булаков так оценивал его как священника — “не только по своим личным качествам пастырской призванности и одаренности совершенно исключительной, но, в особенности, по своему типу, о. Александр, как священник, представлял собой явление необычайное и исключительное, ибо он воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания”.

“В этой жизни он не был гостем; он был *на* ш, он принадлежал нашей эпохе, нашей культуре, нашему кругу людей и интересов. Поэтому, так живо и так просто можно было беседовать с ним о всех вопросах современности. Но все, что он говорил, было освещено каким-то одним внутренним смыслом, было связано одной идеей и чувствовалось, что многообразие жизни есть для него подлинная и живая риза Божества.

Отсюда та сосредоточенность, та внутренняя строгость, которыми дышали его слова. У него не было предвзятых точек зрения, он легко вживался в любую мысль; но душа его стояла на камне и это придавало его беседе исключительную ценность; он мог говорить обо всем, всегда говоря о том же; шел вместе с собеседником как друг и невольно вел его как учитель”, — говорит о нем профессор Зандер.

Но в нем не было никакого “учительства”, никакой нарочитой строгости. И, может быть, можно считать некоторым недостатком этой книги эту ее строгость, не свойственную ему самому и явившуюся результатом отбора для книги главным образом того, что было им написано на темы аскетические и посвященные вопросам духовной жизни.

Поэтому же в этой книге мало отразились и многие черты его характера — та легкая и светлая веселость, которая так была ему свойственна, его простота и непосредственность, снисходительность к недостаткам других — совершенно естественная и постоянная и, вместе с тем, его склонность к тонкой иронии и юмору, также для него типичные.

Надо отметить, что интересы о. Александра были скорее характера практически-аскетического, чем отвлеченно-богословского. Центром его внимания было применение христианства к жизни и интерес к человеческой душе. “Высший дар отца Александра был дар пастыря и духовника” (проф. Ильин). “Исповедь была основным призванием его священства. Знаменательно, что первый приступ его смертельной болезни свалил его во время исповеди” (монахиня Мария).

Каким он был духовником и чем он становился для людей, подходивших к нему на исповеди, мы видим из многих признаний: “Для меня он был олицетворением Божией правды на земле. Лучшее, яснее, проще и мудрее его я никого не знал. В общении с ним открывался самый короткий путь к Богу... Как часто одна мысль, что придется перед ним каяться, останавливала от греха”. “Разговоры с о. Александром оставались в душе навсегда. Они были этапами духовной жизни”. “Его руководство и наставления иногда почти неуловимы, слова скупы, но каждое обреченное им слово, полное человеческого

понимания, оставляет след на всю жизнь". "У него был дар внимания и любви к каждому и дар забвения себя — в этом была его внутренняя сила и сила его необычайного влияния на людей".

Свое служение он нес также в проповеди. И, как раньше, его уроки и лекции были полны духовной высоты, так теперь, его проповеди отличались ясностью, сжатостью, насыщенностью мысли. Он всегда готовился к тому что он скажет и никогда к тому как он скажет. Поэтому его проповеди носили характер непосредственности и глубокого внутреннего чувства, соединенных с ясностью мысли.

Сам он пишет об этом — "чтобы говорить не приотвистись, надо иметь точную тему, расчлененную на главные мысли. Но главное творчество должно происходить во время проповеди, иначе перегорает, готовясь, и слушающим преподносишь холодный пепел". И еще — "когда я обдумываю что сказать, почти всегда у меня начинается процесс богословского и словесного творчества и сама проповедь, таким образом, становится репродукцией. Значит, надо этот процесс совершать вслух, при людях; но для этого два условия — наполненное сердце и полная простота".

И это наполненное сердце и полная простота делали то, что действие его слов было необычайное.

Одна из руководительниц летнего лагеря дает этому пример: "Отец Александр ведет в лагере беседу, окруженный тесным кругом вдруг изменившихся, серьезных и увлеченных лиц. Тема лекции — трудная аскетическая духовная проблема. Поражает, как у этих, иногда самых легкомысленных и часто кажущихся нам, руководительницам, безнадежно элементарными девушек, вырастает такой глубокой и захватывающий интерес к словам отца Александра. Приехав, он постепенно преображает весь строй лагеря и совершает чудеса".

Одним из больших увлечений отца Александра и особенно близким его духу было "Движение" — Христианское Студенческое Движение Молодежи, к которому он был близок еще в России через профессора Новоселова, принявшего после революции монашество и погибшего в сане Епископа. Новоселов вел в Москве проповедь веры среди студенчества и привлекал его к Церкви.

"Я все больше ценю "Движение", — пишет о. Александр, — как собрание всего живого в церкви, всех тех, кто принимает христианство не как традицию, не как слова, не как быт, а как жизнь". Особенно вдохновляли его большие ежегодные съезды Движения — "атмосфера съездов Движения напоминает мне отдаленно тот горячий воздух тесных христианских общин

апостольского века, в котором дышит Дух святой и совершаются чудеса, без которого христианин задыхается и является только тенью, только слепой христианином”.

На одном из съездов, он встречает своего прежнего ученика, который отмечает — “все прежний он, все тот же знакомый учитель, но чувствуется за этим неведомая глубина”.

С пронизательностью любви, его друзья говорят о нем, встречая его уже священником: “мудрость его смирения, мудрость кротости давали ему особую власть над душами”, “Главное в нем — простота. Но не изначальная простота человека, не знающего сложности мира, а простота зрячая, нашедшая меру в сложности”. “Когда я увидел его священником, я определил для себя самого его особенность — сочетание в нем очень высокой настроенности с веселой жизнерадостностью, временами казавшейся чуть не беспечностью”.

Эта ли беспечность во внешних обстоятельствах жизни или его душевное здоровье были тому причиною, — но он сохранял что-то удивительно молодое во всем своем облике.

Его тесть вспоминает о нем — “разве был в нем хоть малейший признак старости? — он не только оставался все тем же, но становился как будто все моложе и моложе душой. Да даже физически — разве можно было сказать, что это человек уже перешедший за 50 лет тяжелой трудовой жизни, всегда переполненной непосильной работой, ни на минуту не отвлекавшей его от постоянного внутреннего горения”.

Но умер он сравнительно рано, всего 53 лет, полный сил и планов жизни. Только что он был переведен из Ниццы в кафедральный собор Парижа.

Он умер в Париже 24 августа 1934 года от прободения язвы желудка, причинившего сложное внутреннее заражение, длившееся 5 месяцев.

Умер в больших страданиях.

О его болезни и смерти также скорее всего представляется возможным говорить словами его друзей, следивших за этой трагической эпопеей.

“Иногда, помимо общего ощущения ужаса и трагизма смерти, мы чувствуем еще нечто другое. Жизнь окончена, подведена черта. Земной путь весь перед нами и мы видим какую-то внутреннюю логику этого пути, его особую многозначительность и поучительность для нас. Эти мысли остро переживались у гроба отца Александра. Воистину, он был человеком “большой Судьбы”, которая определяется внутренней гармонией пройденного пути, близостью Божьего замысла о человеке к тому, как человек этот замысел

осуществил в жизни. Для знавших отца Александра не могло быть сомнения в его причастности к "большой Судьбе". Он был представителем того культурнейшего слоя русского общества, которое определило собою душойный облик и мысль блестящего начала XX века. Свой жизненный путь о. Александр завершил среди нас и, смею думать, раскрыл его в совершенной полноте христианской смиренной праведности. Через многие годы блестящей педагогической деятельности, через сложные переживания утонченной русской религиозно-философской мысли, подошел он к священству мудрому, зрелому, смиренному и простому. Таковы были мысли о почившем, таким казался подведенный итог этой большой судьбы.

В гробу, в золотом иерейском облачении, с большим медным крестом в руках, с лицом спокойным и кротким, запечатленным высшей мудростью, лежал человек, сумевший раскрыть и осуществить себя перед Богом и людьми, показавший нам, как путь из Афин может привести в наши дни душу к небесному Иерусалиму.

Человечески, смерть всегда трагедия и утрата, особенно для семьи для близких. Но в этой смерти, помимо человеческого, открывалось и Божеское: полномесный плод человеческой праведности и человеческого подвига вручался в руки Творца" (Монахиня Мария).

Таким рисуется образ Отца Александра в изображении его близких и друзей, но лучше и полнее всего, думается, отразился он непосредственно в его книге, которая, несмотря на свою отрывочность и краткость, есть все же обращенный к нам его собственный живой голос.

Т. Е.

О. АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ

24 августа 1934 г. скончался после долгой и мучительной болезни о. А. В. Ельчанинов. Смерть вырвала его в полноте сил, когда он готовился вступить на новое поприще пастырского служения в Парижском кафедральном соборе, куда он призван был митрополитом Евлогием после внезапной смерти о. Г. Спасского. Болезнь, жестокая и неожиданная, поразила его, и, как хищный коршун, выпила из него все жизненные силы. Казалось, отяготела на нем десница Господня, и как Иов на гноище, лежал он на юдре болезни, который сделался для него и одром смерти. Все, что могла сделать человеческая помощь и самоотверженная любовь, было сделано для него, но Господь судил призвать праведника в Свою обитель, и туда возлетела его светлая, чистая и праведная душа, неудержанная человеческими усилиями. Судбины Божии неисповедимы, и не о нем, упокоившемся, в стране живых ныне надо сожалеть, а о себе самих, без него оставшихся. Ибо горькая утрата для живых есть его уход от нас. Я не позволю себе здесь касаться святыни скорби его собственной семьи, но его духовная семья простиралась далеко и широко за пределы этой последней. Он был священник и пастырь, который связан был нитями духовноотеческой любви с множеством душ, которые теперь почувствуют себя осиротевшими, потерявшими кроткого и любящего отца и друга. Эти слезы и эта любовь ведомы только небу, о них не будет рассказано в летописях истории, хотя то, что совершается в сердцах, есть самое важное, что вообще происходит в жизни. Не только по личным качествам, пастырской призванности и одаренности, совершенно исключительной, но в особенности по своему типу о. Александр, как священник, представлял собой явление необычайное и исключительное. Ибо он

воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания. Он был одним уже из немногих в эмиграции представителей старой русской культуры, достигшей перед революцией, в особенности в тех петербургских и московских кругах, в которых он вращался, своего рода зенита. Здесь биография почившего влетает в историю этой русской культуры, о чем пишущий эти строки может быть и историческим свидетелем.

Мое знакомство с студентом, сначала Петербургского Университета, а потом Московской Академии, А. В. Ельчаниновым относится к эпохе примерно 30 лет тому назад в Москве. В это время выделялась и обращала на себя внимание молодая группа мыслителей, писателей и церковных деятелей, связанная между собою не только личной дружбой, но и товариществом по школе. Судьбе было угодно, чтобы на одной школьной скамье в Тифлисской гимназии сидели такие люди, как великий русский ученый и богослов о. Павел Флоренский, безвременно скончавшийся философ Вл. Эрн и будущий священник и педагог А. В. Ельчанинов, которые затем в северных столицах, но преимущественно в Москве, продолжали свою школьную связь. Все они — каждый по своему — определились в новом для того времени, но исторически давно жданном религиозно-культурном типе, который естественно примыкал к более старшему поколению того же характера, плеяды мыслителей, писателей, богословов, поэтов нашего поколения (Тернавцев, Бердяев, Карташев, Вяч. Иванов, Гершензон, Розанов, кн. Трубецкие и др.). К ним же естественно присоединились и их молодые сверстники, как свящ. С. Свенцицкий, Андрей Белый, свящ. С. М. Соловьев, А. Блок и др. А. В. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой, с особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать эти бесконечные творческие беседы. В дружеских кругах его звали Эккерманом при Вяч. Иванове, а затем при о. П. Флоренском, с которым он вместе жил в Сергиевской посаде (кажется он и сам, шутя, применял к себе это название). Начало этого века отмечено в истории русской мысли возникновением так называемых религиозно-философских обществ, сначала в Петербурге, затем в Москве, а позже и в Киеве. В них находили для себя выражение новые борения и искания, с их проблематикой и идеологией. Московское религиозно-философское общество «имени Вл. Соловьева» было основано осенью 1905 года, и первым его секретарем и неизменным сотрудником явился А. В. Ельчанинов, (принимавший участие ранее того и в Пе-

тербургском религиозно-философском обществе), и он оставался на этом посту, пока для этого была внешняя возможность, неся по преимуществу невидимую, но незаменимую организационную работу. Это была, в то же время, активная проповедь христианства, борьба с безбожием интеллигенции в ее собственном стане, — особая задача, выпавшая на долю нашего поколения и разрешавшаяся с посылкой искренностью и энтузиазмом, хотя и без решительной победы, если судить по теперешнему разгулу старого интеллигентского, разлившегося в массы атеизма. А. В. Ельчанинов, вместе с друзьями, служил уже здесь делу христианской миссии, которому позже отдал себя всецело как священник. Одновременно возникали и иные начинания в области религиозно-политической, с которыми А. В. Ельчанинов также был связан через своих друзей. Здесь речь шла об идейном и практическом преодолении традиционной идеологии, сливавшей и отождествлявшей политический абсолютизм с православием. Но собственное признание А. В. Ельчанинова было всегда не литературное, но личное общение с людьми, в частности с молодыми душами. Он был педагогом по призванию, и уже тогда было известно, какой исключительной любовью пользовался молодой студент среди своих учеников. И эта черта — особый интерес к воспитанию и умение установить личную связь и дружбу между воспитателем и воспитываемым, — была особым даром о. Александра. Этой своей потребности он нашел удовлетворение позднее на поприще педагогическом, став во главе частной гимназии в Тифлисе.

Обстоятельства разлучили нас надолго, и наша новая встреча произошла уже в беженстве, в Ницце, где он разделял общую скорбную долю эмигрантского существования. При этой встрече для меня стало ясно, что он решительно перерос уже рамки светской педагогики, которая ограничивается наружными покровами души, не входя в самое сердце. Пришло время осуществить педагогический дар во всей его полноте, — в пастырстве. «К почести высшего звания», — к предстоянию перед алтарем Господним, влекла его одинаково как его личная религиозная потребность, так и эта педагогическая стихия. И желанное совершилось, — с 1926 года о. Александр — священник, занимающий скромное место при Ниццком соборе. Со всей открытостью своей чистой и верующей души внушал он небесные радости предстояния перед престолом Агнца, и с христианским смирением и мудростью этого смирения принимал терния, которые неизбежно встречаются на пути этого служения, как и внешние трудности жизни, его не щадившие. Он отдался работе приходского священника, но мог ли он при этом забыть свою первую

любовь, — воспитание детства и юношества, конечно, уже на церковных началах? И нельзя было не поражаться и не радоваться, видя с какой преданностью относились к нему его молодые друзья. То была какая то простая и крепкая настоящая дружба. В этом совершалась та молчаливая и незримая пастырская работа над человеческими сердцами тех, кто с такой любящей скорбью отпускали его из Ниццы и теперь так глубоко и искренно его оплакивают. В это время в собственной духовной жизни почившего стали преобладать настроения аскетические. Он посвящал преимущественное внимание святоотеческой письменности.

Много даров у Бога, и Бог ведает пути Свои. Но человеческий глаз в редующих рядах старого культурного поколения, а в особенности в пастырстве, — еще не видит новых заместителей опустевших мест, и по человечески становится тоскливо и жутко. Однако не место этим чувствам там, где совершается воля Божия. Сеется семя в смерти, восстает в славе, и славим и благодарим Господа о всем!

Кланяясь отшедшему в вечность и творя ему вечную память, да будет мне дано соединить ее с памятью о всей той отшедшей эпохе, как и о тех друзьях, с которыми Провидение соединяло почившего и нас всех в этой жизни, и прежде всего тех школьных его друзей, из которых «иных уже нет, а те далече», с памятью о великой русской религиозной культуре.

«Если пшеничное зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет плод свой». Слава, и вечная память всем отшедшим и ныне почившему брату нашему!

Прот. С. Булгаков

Отрывки из дневника

До священства — как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня — возможность говорить полным голосом.

Нет другого утешения в страданиях, как рассматривать их на фоне «того мира»; это и по существу единственная точка зрения верная. Если есть только этот мир, то все в нем — сплошь бессмыслица: разлука, болезни, страдания невинных, смерть. Все это осмысливается в свете океана жизни невидимой, омывающей маленький островок нашей земной жизни. Кто не испытал духовений «оттуда» в снах, в молитве! Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни.

Философствовать не есть богословствовать. «Если ты истинно молишься — ты богослов» (св. Ник. Синайский). Необходимо внутреннее совершенство, чтобы понять совершенное.

Что такое постоянное чувство неудовлетворенности, беспокойства, — обычное наше чувство, — как не заглушенный голос совести, говорящий в нас, помимо нашего сознания и, часто, помимо нашей воли, о неправде нашей жизни. И, пока мы живем наперекор данному нам светлomu закону, — этот голос не умолкнет, т. к. это голос самого Бога в нашей душе. Обратное же, то редкое чувство полной удовлетворенности, полноты и радости, — есть радость соединения божественного начала нашей души с общей гармонией и божественной сущностью мира.

Почему всякое «наслаждение», «сладость» — грех? Потому что момент наслаждения есть момент усиления личного самочувствия, и, чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения — к самолюбию, от самолюбия — к разложению гармонии, от разложения — к смерти.

«Опасно плавать будучи одетым, опасно и обуреваемому страстями исследовать тайны Божества» (Лествица), — но из этого не следует, что не надо вообще богословствовать (как многие думают), а следует то, что надо избавляться от рабства страстей и тогда нам могут быть приоткрыты «тайны Божества».

Все размышляю о тексте: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое»... Признак, что мы Христовы — наши страдания; и чем больше мы страдаем, тем больше, значит, мы «не от мира». Почему все святые, вслед за Христом, так страдали? Соприкосновение с миром и погружение в него дает боль последователям Христа, а безболезненными себя чувствуют только дети мира сего. Это — вроде безошибочной химической реакции.

Как бы ин был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не может войти в Царство Небесное, которая должна сгореть; и вот грехи наши горят и сгорают нашими страданиями.

Что умножает в нас духовную силу? — преодоленное искушение.

Присутствие в нас, существах конечных, бесконечного — любви, ведет к желанию смерти, как входу в бесконечность.

Бог не оставляет нас и в нашей темной жизни, — в нашей молитве, в таинствах, в нашей любви к Богу. Любовь к Богу есть доказательство Его общения с нами.

Жизнь — драгоценный и единственный дар, а мы бессмысленно и беспечно тратим ее, забывая о ее кратковременности.

Мы или с тоской смотрим в прошлое, или ждем будущего, когда, будто бы, должна начаться настоящая жизнь. Настоящее же, т. е. то, что и есть наша жизнь, уходит в этих бесплодных сожалениях и мечтах.

Мнение о нас других людей — вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура. Это стремление к обману так велико, что человек в жертву ему приносит, искажая свою природу, даже самого себя — единственное и неповторимое, чем является каждая человеческая личность.

Зато, как пленяет всякий раз встреча с человеком, свободным от этой язвы, и как мы любим в детях, не вошедших еще в полосу сознательности, их полную простоту и непосредственность. Но возможна и сознательная борьба, приход к простоте от этой осложненности. Во всяком случае — осознать в себе присутствие этого зла — половина дела.

Какая радость быть священником! Вчера исповедывал целую семью. Особенно хороши дети, — два мальчика лет 7-8. Я весь вечер был почти в экстазе. Священство — единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной и где и ты все время живешь «всерьез».

Как бы мы ни были слабы и худы порознь, но так радостно чувствовать, что для всех нас — одно самое главное.

«Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... для чуждых закона, как чуждый закона... для немощных я был как немощный... для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9. 20-22) — надпись на могиле старца Амвросия и моя бессознательная тактика.

Гордый глух и слеп к миру, мира он не видит, а только свое во всем отражение.

Болезнь, — вот школа смирения, — вот, где видишь, что нищ, и наг, и слеп (незадолго до смерти).

Как утешить плачущих? — плакать вместе с ними.

Беседа с Х после операции рака, при непрерывных страшных болях («как будто собаки рвут и грызут»), при полной безнадежности положения и внутри и во вне, вот ее мысли: «мне кажется, я поняла, для чего Бог послал нам это несчастье: мы так погрязли в ежедневных мелочах, в мелкой

злобе, раздражении, что Бог захотел встряхнуть нас. Как сейчас все изменилось, у всех открылись необыкновенные свойства души. Вчера со мною ночь провела Л.: что это была за ночь! а она была бесконечно ласкова, терпелива, все делала так тихо, так ловко. Да и все оказались такими добрыми, внимательными». — Вот и смысл страданий! Господь бесконечно жалеет нас, но что делать, если мы можем дать какие-то искры, какой-то святой огонь только, когда нас поражают несчастья, катастрофы. В этом смысл войны, революций, болезней. Все это казалось гораздо многозначительнее вчера, в комнате умирающего человека, чем в этой бледной записи.

Все греховное в нас так живо, полнокровно, что наше обычное вялое покаяние никак не соразмерно с этой стихией греха, нами владеющей.

Обращать свои взоры в образы райской красоты — лучшее средство избавиться от плена ада, не отзываться на его зовы.

Мне часто кажется, что все шипы и тернии нашего жизненного положения точно устроены Богом для уврачевания именно н а ш е й души. В своей жизни я вижу это с полной отчетливостью.

В исповеди слабая память не оправдание; забывчивость — от невнимания, несерьезности, черствости, нечувствительности к греху. Грех, т я - г о т я щ и й совесть, не забудется.

Почти поголовное равнодушие на исповеди, особенно у мужчин. Благодарю Бога, что он почти всегда дает мне переживать исповедь как катастрофу.

Общее обыкновение — не говорить о грехах против 7-ой заповеди, как будто это не относится к исповеди — это, де, моя частная жизнь; многие, живущие в незаконных связях, и не упоминают о них, пока не спросишь, считая это дело вполне естественным.

В исповеди самое важное — состояние души кающегося, каков бы ни был исповедующий. Важно в а ш е покаяние, а не о н, что-то вам говорящий. У нас же часто личности духовника ошибочно уделяется первенствующее место.

Когда тебя охватит чувство злобы к кому-либо, то представь себе, что и ты и он должны умереть, — и как перед этим станет ничтожна его вина и как неправа твоя злоба, как бы она ни была права формально.

Препятствия к молитве — от слабой, неправильной, недостаточной веры, от многозаботливости, суеты, занятости мирскими делами, от грешных, нечистых, злых чувств и мыслей.

Болезнь самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль.

Ставшему на путь духовного совершенствования, последовавшему за Христом, явна, совершенно внутренне для него убедительна делается единственность этого пути. Мало ставших на этот путь, но зато почти нет разставших и возвратившихся назад. Согласно обещанию Христа, всякий ищущий обретает.

Для веры страшна не отрицательная полемика, не испытание ее умом — это испытание она выдержит. Ей страшна в нас слабость духа, «сердечное отступничество» (выражение Киреевского).

Те, кто хотят доказательств для своей веры, — на ложном пути. Вера — свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже от самого себя желание доказательств, — нет веры. Знаки Божоявления не надо принимать, как «доказательства», — этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры.

Чувство своей глубокой греховности у святых — от их близости к источнику света — Христу.

Как затруднено для нас приближение к Богу, для некоторых особенно, где все, — и сама природа, наследственность, весь состав человека ставят стену между ним и Богом.

Вот тип человека, часто встречающийся: в нем соединение трех черт — 1) гордость, вера в свои силы, упоение своим творчеством, 2) страстная любовь к земной жизни и 3) отсутствие чувства греха. Как такие люди могут подойти к Богу? Таковы, как они есть, — они безнадежно изолированы от

Бога, лишены даже потребности в Нем. И этот тип культивируется современной жизнью, — воспитанием, литературой и т. д. Идея Бога вытравлена в его душе и какие нужны катастрофы, чтобы такой человек мог возродиться!

Три ряда впечатлений: евангельское чтение о гадаринском бесноватом, наблюдение в Соборе за одним сумасшедшим и чтение главы о зле и свободе у Бердяева («О назначении человека»), «Свобода не сотворена Богом», «Она первична и безначальна». С Бога Творца снимается, таким образом, ответственность за свободу твари. Человек одновременно дитя Божие и дитя хаоса (свобода); небытие свободно согласилось на бытие, но оно же отступило в ад и хаос. Вот истоки греха и безумия — хаотическое своеволие, вместо добровольного и свободного подчинения светлomu закону. «Я пришел, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ио. 10. 10.).

Есть религиозность тесно спутанная с эмоциями эстетическими, сентиментальными, страстными, легко уживающаяся с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника, исповедь их очень трудна, так как они приходят на исповедь, чтобы пожаловаться на других, поплакать, они полны собой, легко обвиняют других. Недоброкачественность их религиозной экзальтации лучше всего доказывается легким переходом к раздражительности и злобе. Люди этого типа дальше от возможности настоящего покаяния, чем самые закоренелые грешники.

Постоянный упрек христианам — «ни по чему не видно вашей веры. Если бы вы действительно верили в такие изумительные, потрясающие вещи, вы жили бы иначе».

Ответ — «вы ведь верите в неизбежность своей смерти? Не только верите, но знаете наверно. Ну и что же? — сильно ли это отзывается на характере вашей жизни? — нисколько не отзывается».

Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, не на здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона — закона любви. Все остальные законы ничто перед любовью, которая не только руководит сердцами, но «движет солнце и другие звезды». В ком есть этот закон, тот живет, кто руководится только философией, политикой, разумом, тот умирает.

Вера — от любви, любовь — от созерцания. Невозможно не любить Христа. Если бы мы Его увидели сейчас, мы бы не оторвали от Него глаз, мы бы «слушали Его с услаждением», мы теснились бы вокруг Него, как теснились евангельские толпы. Надо только не противиться Ему, отдаться созерцанию Его Образа — в Евангелии, в святых, в Церкви — и Он возьмет в плен наше сердце.

Отчего так важно чтение житий святых? — Среди бесконечного спектра путей к Богу, раскрытого в различных житиях, мы можем найти свой путь, получить помощь и указание, как из дебрей нашей человеческой запутанной греховности выйти на путь к свету.

Ответ умирающей, но не знающей о близости своей смерти, на ее недоумение: «ни к жизни не готовлюсь, ни к смерти».

«Нельзя жить истинной и достойной жизнью з д е с ь, не готовясь к смерти, т. е. не имея постоянно мысли о смерти, о ж и з н и в е ч н о й».

Смерть, самое страшное для человека, верующему не страшна, как не страшны для крылатого существа все бездны, пропасти и падения.

...мое жизненное правило — менять место жительства только когда обстоятельства гонят, ничего в житейской области не предпринимать самому, а рыть шахту вглубь в том месте, куда привел Господь...

Как мы жалки в нашей успокоенности этой жизнью! Хрупкий островок нашего «нормального» существования будет без остатка размыт в загробных мирах.

Советы близким умершего: оторвать свои чувства и боль от телесности, которая пойдет в землю, не терзать себя воспоминаниями земных чувств и земных радостей, связанных с умершим, а перешагнуть, хотя бы мысленно, с умершим в тот мир, утешаться любовью близких и совместными молитвами, дать отдых своим нервам и своему телу.

Разница между Иовом и его друзьями. Иов — это честная, правдивая натура, ищущая «дела», а не слов, а те — люди религиозной фразы, шаблона,

традиционных формул. Иов вопит о «неправде», о непонятности страданий, о благополучии грешников, о безвинных муках — и не только своих; а его друзья отвечают ему общими и лживыми фразами, для них все ясно, и, установив порядок в словах и мыслях, они считают, что установили гармонию и в мире. Этого типа люди слишком часто встречаются повсюду, включая и духовенство и людей науки.

Бывает такое «стянутое» состояние души, когда трудно улыбаться, никакой мягкости, нежности ни к кому, одним словом — «окамененное нечувствие». Только молитва, особенно церковная, разгоняет это состояние. Оно — обычное для гордых, унылых, самолюбивых, распутников, скряг; но в некоторой степени свойственно всем вообще — это состояние греха и безблагодатности, обычное состояние человека. Для души — это уже ад на земле, смерть ее при жизни тела, и оно есть естественное следствие греха, который буквально у б и в а е т душу.

«Как трудно имеющим богатство войти в Царство Божие» (Лк. 18, 24). Но не только богатство материальное мешает вхождению в Царство Божие; еще больше — богатство душевное, талантливость, специальные способности, воля. Как трудно не увлечься всем этим, не впасть в тщеславие, гордость.

Нормальный план нашей души: 1) Таинственная, внутренняя, неведомая нам жизнь духа — настоящая гарантия нашего спасения, то, что от св. Крещения, от таинств, от дыхания Духа Святого в нас.

2) Облако псевдо-добродетелей, изуродованных, объединенных, как кислотой тщеславием: наши будто бы добрые дела, наша будто бы молитва, наша правдивость, прямота; это облако закрывает нам истинную жалкую картину нашей души и мешает покаянию.

3) Тучи действительных грехов, о которых мы не помним, которые себе с легкостью прощаем: ежеминутное осуждение, насмешки, пренебрежение, холодность, злоба.

4) Наконец, подо всем этим — глубокие, старые пласты, сливающиеся с родовыми и общечеловеческими, — основные, глубокие грехи, от которых, как смрадные испарения, поднимаются богохульные мысли, побуждения, всякая нечистота, чудовищные извращения...

Думаю об очищающем и освящающем значении пота, слез и крови — труда, покаяния и мученичества. В них тело освобождается от своей душевно-животной стихии и духовная настроенность, не встречая препятствий, охватывает всего человека; в этом смысл того, что Церковь так высоко ставит мучеников, подчеркивая именно пролитие крови, а также, почему в народе так почитают убитых на войне.

Нам надо быть в постоянной связи со страдающей частью теперешней России, с Россией чудес, подвигов, мученичества. Связь эта возможна в создании здесь той же напряженной религиозной жизни — продолжения здесь нашей родины. Это, может быть, выведет взрослых из их политических разделений, а молодых приблизит к Церкви и покажет им то, что было сутью России.

Из 36 гл. сына Сирахова можно сделать прекрасную молитву о России. Вот отрывки: «Помилуй нас, Владыко, и призри... Возобнови знамения и сотвори новые чудеса... Ускори время и да возвестят о великих делах Твоих... Умилосердись над градом святыни Твояе, воздвигни пророчества от Имени Твоего...»

До чего могут довести ложные идеи! Так погубили свою душу многие революционеры, которые, исходя из правильной (но ограниченной) идеи народного блага, пришли к сатанинской злобе, лжи и человекоубийству. Это же ждет и служителей национальной идеи, пока они ее не подчинят идее высшей.

Вся наша внутренняя жизнь движется любовью к Богу. Но откуда взять эту любовь? Всякая наша любовь питается впечатлениями от любимого объекта (к миру, родным). Как может удержаться и не завянуть наша любовь, а с нею и наша вера, если она не питается никакими впечатлениями? Но какие же впечатления от Бога, которого «никто не виде нигде же?» Мы имеем Христа. Размышления о Нем, молитва, чтение Евангелия — вот пища, питающая нашу к Нему любовь. Но бывает, и очень часто, что для этого сердце наше оказывается слишком грубым, невосприимчивым. Тогда надо пытаться обратиться к житиям святых, к писаниям отцов — у них тот же свет Христов, но в смягченном, ослабленном виде, уже прошедший сквозь призму, хотя и святой, но человеческой души.

Вернее жить, приходя от собственного опыта к известным идеям, чем обратное — судить только словесно о чужом опыте, а именно к этому, к сожалению, обычно сводится весь наш интерес к вещам духовного порядка.

Если даже стать на точку зрения самого яркого безбожия, то и тогда позиция верующих тверже и вернее позиции безбожия, которое есть открытое банкротство. Не лучше ли все же иметь надежды и обещания, чем не иметь и этого.

На всеобщей, особенно если я не служу сам, мне определенно трудно и даже скучно. Мне скучно и за всех «предстоящих и молящихся», мне кажется, что они предстоят то предстоят, но молятся плохо; мне хочется большей близости с ними, действительно о б щ е й молитвы, уничтожения этих квадратных метров блестящего паркета между нами, чуждости друг другу. И обратно — как легко служить молебам или панихиде хорошо знакомым людям или таким, в которых чувствуешь добрых богомольцев, когда они стоят близко около аналая, вникают в слова молитв. Но почему мне легко молиться когда я активен и много труднее молча участвовать в чужой молитве? не тщеславие ли это? не флуоресценция ли под влиянием чужих лучей?

О ненужности делать усилия в молитве, в любви к Богу могут говорить только люди, не имевшие опыта в этом. Всякое, даже самое слабое, даже вынужденное устремление к Богу дает живой и неопровержимый опыт Его любви. Тот, кто имел этот опыт, уже его не забудет. То же и в любви к людям. Всякая любовь несет удовлетворение и награду в себе самой. В этом о п ы т и о е подтверждение слов «Бог есть любовь».

Равнодушие верующих — вещь гораздо более ужасная, чем тот факт, что существуют неверующие.

Кроме прямого вреда для душевного здоровья, занятия теософией, оккультизмом, спиритизмом вызываются любопытствующим желанием заглянуть в закрытую дверь. Мы должны смиренно признать существование Тайны, и не забегать с заднего крыльца, не подслушивать у дверей. Кроме того, нам дан верховный закон жизни, прямо ведущий нас к Богу — любовь, путь трудный, тернистый и по нему мы должны нести свой крест, не сворачивая на окольные дороги.

Смерть близких — опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему — утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающим доходим до границы двух миров — призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считали призрачным и призрачность того, что считали реальным.

Человек, отвергающий свое родство Богу, отказывающийся от сыновства Ему — не настоящий человек, ущербный, только схема человека — т. к. это сыновство не только дается нам как дар, но и задается, и только в выполнении этого задания, в сознательном облечении себя во Христа и Бога и может быть полное выявление и расцвет каждой человеческой личности.

Грех — разрушительная сила — и прежде всего для своего носителя; даже физически грех потемняет, искажает лицо человека.

Что больше всего страшит в себе? — это состояние нечувствия, духовной лени, слепоты. Какую боль и раскаяние должен был бы вызывать грех, какую жажду покаяния и прощения должна была бы испытывать душа! Ничего же этого обычно нет. Да и кругом жизнь так идет, как будто и впрямь все благополучно на свете. Это равнодушие может быть и есть результат того духовного разрушения, которое является последствием греха.

Часто огорчаешься, замечая, что близкие тебе люди поблекли, постарели. Но ведь это есть истлевание человеческой душевной стихии, которое открывает путь подниманию из глубины сил благодатных, духовных. То цветение, умаление, которого мы с болью в себе и других видим — блеск глаз, румянец щек, грудные мелодичные голоса — все это цветение нашей плотско-душевной стороны и оно не ценно. Чем больше внешний человек теряет, тем более внутренний возрождается. Но хорошо если так, если старение не ведет к унынию, страху старости и смерти, к духовному упадку.

Полезь послушания: душа освобождается для внутреннего, когда внешнее берет на себя другой — военная служба, монастырь, семья (послушание мужу, родителям).

Есть путь брака и путь монашества. Третье состояние — девственников в миру очень опасно, соблазнительно и не всякому посильно. Кроме того, такие и для окружающих представляют собой опасность: сияние и красота девственности, которые ведь в некоторой степени — «брачное оперение» (когда не имеют прямого религиозного смысла) влекут к себе и возбуждают несчастные чувства.

Брак — посвящение, мистерия. В нем полное изменение человека, расширение его личности, новые глаза, новое ощущение жизни, рождение через него в мир в новой полноте.

Но индивидуализм нашего времени создает в браке особые трудности. Преодоление их — сознательными усилиями двух над созданием брака, «хождением» перед Богом (только Церковь по настоящему, до конца разрешает все проблемы). И еще, — самое, казалось бы, простое, но и самое трудное — решимость занять в браке каждому свое место: жене смиренно стать на второе место, мужу — взять тяжесть и ответственность быть главой. Если есть эта решимость и желание — Бог всегда поможет на этом трудном, мученическом («Святити мученицы»... — во время хождения вокруг аналоя), — но и блаженном пути.

Ни мужчина, ни тем более женщина, не имеют в браке друг перед другом абсолютной власти. Насилие над волей другого, хотя бы во имя любви, убивает саму любовь; а тогда вопрос: надо ли подчиняться такому насилию, раз в нем опасность для самого дорогого? Бесконечное количество несчастных браков именно от того, что каждая сторона считает себя собственником того, кого любит. Почти все трудности брака — отсюда. Величайшая мудрость брака — дать полную свободу тому, кого любишь: брак наш земной — подобие брака небесного (Христос и Церковь), а там полная свобода.

О женщине сказано — «немощный сосуд» — «Infirmior vasa». Эта «немощь» состоит главным образом в подвластности женщины природным стихиям в ней самой и вне ее. В силу этого — слабый самоконтроль, безответственность, страстность, слепота в суждениях. Почти ни одна женщина от этого не свободна, она всегда раба своих страстей, своих антипатий, своего «хочется». Только в христианстве женщина становится равной мужчине, под-

чиняет высшим началам свой темперамент, приобретает благоразумие, терпение, способность рассуждать, мудрость. Только тогда возможна ее дружба с мужем.

«Не придет Царствие Божие с соблюдением — се Царствие Божие внутри вас есть». Не то же ли самое можно сказать о геенне огненной? Не настал ли уже ад и теперь для многих людей.

Жить надо не «слегка», а с возможной напряженностью всех сил и физических и духовных. Тратя максимум сил, мы не «истощаем» себя, а умножаем источники сил.

Женщину «имевшую духа немощи», по словам Христа, «связал сатана». Здесь указывается еще один источник болезни — дьявол. Вот что можно ответить тем, кто говорит (и я в том числе), что надо радоваться болезням, как всякому несчастью, и не надо просить об исцелении.

Мы видим мир не таким, как он есть на самом деле, а таким, каким его делает наше воображение, наша воля. И каждый видит его по иному, по своему, часто ставя центром своего мира вещи ничтожные и вовсе не давая места тому, что единственно важно.

В том, как избегают люди одиночества, мне видится скрытый страх смерти.

Читаю сейчас Исаака Сирина и очень он мне пришелся по сердцу. Я давно хотел почитать его, но считал, что это чтение для самых совершенных. Оказалось, что у него много мудрых советов и для начинающих, каковыми мы останемся, вероятно, до самой смерти.

Убедить кого-либо в существовании Бога совершенно невозможно, т. к. все, что можно словами сказать о вере, ни в какой степени не может передать того, что вообще не сказуемо и что в ней главное. Доводы веры не против разума, а помимо него. Только в свете любви разум принимает видимые абсурды веры.

Почему трудна вера? До грехопадения люди з и а л и; грех скрыл от них Бога и вера есть преодоление этой пелены греха между нами и Богом.

Очищение от греха приводит от веры к знанию.

Сребролюбие, казалось бы, грех второстепенный: на самом деле это грех чрезвычайной важности — в нем одновременно фактическое отвержение веры в Бога, любви к людям и пристрастие к низшим стихиям. Оно порождает злобу, окаменение, многозаботливость. Преодоление его есть частичное преодоление всех этих видов греха.

В чем соблазн и яд театральности для зрителя, но главным образом для актера? — привычка жить, и притом напряженно и остро, иллюзорной жизнью, часто много острее своей настоящей будничной жизни; создание в себе «паразитических» личностей (от Епиходова до Царя Федора Иоанн. у Москвина); тщеславие. Поэтому театр так и опасен слабым людям — он их перемалывает без остатка. Впрочем, всякая человеческая деятельность имеет эти (или другие) яды и только сильные личности не побеждаются ими, а остаются самими собой.

Слепота к с в о и м грехам — от пристрастия. Мы, пожалуй, многое в и д и м, н о о ц е н и в а е м неправильно, извиняем, даем неправильное соотношение: чувство почти инстинктивное. Крайняя важность для спасения «...зрети грехи наша». Любить Истину больше себя, отвержение себя — начало спасения.

Внимание к своей внутренней жизни, рекомендуемое с религиозной точки зрения, дает свои результаты и с точки зрения чисто психологической — развитие силы внимания, сосредоточение сознания, выявление новых психических способностей.

Если мы посмотрим писания подвижников и свв. отцов — какую глубину психологического анализа мы там встретим, какую тонкость различения психических состояний, какую верность определений и классификации всех ощущений.

Не помню, кто из отцов сравнивает внимание на молитве с фитилем в лампаде. Если продлить сравнение, то «елеем» в молитве, непременным условием горения лампады, будет — постоянное покаянное чувство, смирение, чистота сердца, безгневие.

Одна из типичных ошибок, ведущих к осуждению, унынию, неправильным оценкам — «руссоизм» в религии, мысль, что здесь, на нашей земле, до всеобщего суда и осуждения, могут быть явления безукоризненные — в нас самих, в других людях, в человеческих отношениях.

Тогда от себя требуешь полной святости и унываешь, находя в самые святые минуты нечистоту в своем сердце, тщеславие, двойственность; тогда злишься, заметив в людях, которых считал безукоризненными — малодушие, лукавство, ложь; тогда отчаиваешься, видя даже в Церкви Божией расколы, ссоры, ревность, зависть — разгул человеческих страстей.

Между тем «надлежит сему быти», весь мир заражен грехом; сверху до низу проходит страшная трещина — язва растления и смерти, и никто и ничто не свободно от нее. Если в самой совершенной общине — среди учеников Христа, был Иуда, то что же нам ужасаться, что в русской церкви есть Введенский, а свой маленький Иуда, как и свой кроткий, духоносный Иоанн и верный, деятельный Петр — есть в каждом приходе.

Радость почитания икон в том, что Бог, «Неописанное Слово» сошло с небес, стало плотию, приняло вид человеческий и обитало среди нас «полное благодати и истины», так что мы слышали Его ушами нашими, видели своими очами, Его осязали руки наши (1 Иоан., 1, 1).

Основная черта нашей религиозности — стремление к святине в конкретном, осязаемом образе, жадность к ней; мы любим прикасаться к ней, лобызать ее, носить у тебя на груди, освящать ею наши дома. Этой святине хотели лишить нас иконоборцы и в обретении ее была радость. Посмотрите, какой холодной и бесплотной является вера в исповеданиях, отрицающих иконы. Явно отрицая иконы, они бессознательно отрицают воплощение. Как прерождается у них все христианство, как сама Евхаристия, сосредоточие христианской жизни, делается у них бесплотной и незначительной. Поистине, если у нас Слово стало плотью, то у них Плоть стала словом — божественная Плоть, причащение Которой дает жизнь вечную (Ио. 6), обратилась у них в слова и рассуждения.

Виды христианства: 1) Умственно-созерцательное, 2) волевое, действительное (Католичество), 3) умственно-этическое (Протестантство), и 4) Христианство, понятое, как великая Красота — Православие. Этому видению отдаются все силы верующего. Все остальные виды христианства подчинены этому пониманию. Мнение некоторых (старообрядцев), что православие =

богослужению. Отчасти это правильно — жить максимально теургически, не выходя из храма. Но здесь и опасности — как только побледнеет этот идеал, человек сстает без культуры воли, без морали, без умственной тренировки. Человеческое начало мало воспитано в православном человеке — особенно в старообрядческом его уклоне, и потому без веры он впадает в рабство миру. И все-таки — мы не идем ни на какое христианство пониженного типа — рассудочное, волевое, этическое. Нам надо воспитать нашу религиозную волю, поднять культурный и моральный уровень, стать достойными драгоценного дара, нам вверенного.

Православие для многих еще только «мировоззрение».

Все яснее становится мне, что Православие — это стихия абсолютной свободы. Боязнь уставов, правил, боязнь как-то ограничить себя, поставить слово, мысль, декорацию раньше или без факта, отвращение к пропаганде, насилию хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убеждать, вера только в самую наличность религиозной жизни — все остальное придет само.

По поводу сомнений о словах X: «в своем общении с рабочими они (члены католических кружков молодежи) сначала не только не называют себя католиками, но даже не упоминают о Христе». — Спуститься до них, чтобы подниматься вместе с ними. Установить сначала братское доверие и симпатию, а потом толковать: «возлюбим... да единомыслием исповемы». Есть ли ступени и степени посвящения? Если есть, то все ясно. — «Словесное молоко» у ап. Павла. «С Иудеями был как Иудей» (1 Кор. 9).

Отношение к иноверным.

- 1) Уважение к их вере.
- 2) Проявление интереса, расспросы, сообщение о своем.
- 3) Приглашение на наши церковные службы.
- 4) Не стесняться проявлять свою веру.
- 5) Молиться за них.

...Прошло несколько дней и я едва могу вспомнить — и то не внутренне, а внешне — то необычайное ощущение, которое было у меня во время положения в гроб X.

Всегда это самый ужасный, безобразный даже момент: служащие похоронного бюро, для которых возня с умершим человеком — надоевшая обязанность службы, ташут его с постели, тело беспомощно обвисает, голова болтается, — и впихивают его в гроб. Родных в это время высылают из комнаты и хорошо делают.

Сейчас было иначе: посторонних не было никого, священник с зажженной свечой молился про себя, а близкие подняли почившую и осторожно опустили в гроб.

На несколько секунд я испытал совершенно необычайное состояние: я определенно выступил из себя и со стороны, а вместе и как участник, переживал все, как безусловно правильное, как какую-то икону, частью которой был и я. Боюсь теперь передать что-либо неверно: это было похоже на святое восприятие мира. Так дети и праведники воспринимают Церковь, — храм и службу, как что-то совершающееся одновременно в двух мирах (слова одного мальчика — «Бог, как будто обнял и держит в Своих руках весь храм»).

В более слабой степени — это эстетическое восприятие мира, когда видишь его райски преображенным...

Уверенность, что совершились все пророчества, что времена исполнились, и люди близки к той мировой точке, которая будет ужасной катастрофой для одних и безмерной радостью для других — кажется эта уверенность неизбежно появляется при всякой напряженной религиозной жизни, в виде ощущения вдруг открывшейся, завершенной безконечности и присуша, может быть, всякому сильному чувству, будь-то отчаяние, любовь, порыв веры или пророческий экстаз.

Рождение мистично — к нам приходит вестник из другого мира. Смерть близких еще сильнее будит в нас мистические чувства — уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром — в наш теплый, уютный дом поставлен аппарат в безконечность.

Мне всегда грустно от этого постепенного убывания духовной жизни после Пасхи. Сначала нарастание духовных сил по мере углубления в Великий пост. Все внутреннее делается много легче, чище и спокойнее на душе, больше любви, лучше молитва. Потом — всегда необыкновенные дни Страст-

ной недели, потом пасхальная радость. Не знаю как и благодарить Бога, что он допустил меня, как священника, максимально участвовать во всем этом. Но вот наступает суббота Светлой недели, закрываются врата алтаря, как будто запираются двери небесные, и все становится труднее, душа ослабевает, малодушествует, ленится, всякое духовное усилие становится трудным.

Я так чувствую в самолюбии, съедающем души, разрушающем семью, губящем всякое общее дело, настоящее дыхание дьявола. Для христианина было бы достаточно слов апостольских «почему бы вам лучше не оставаться обиженными» (1 Кор. 6, 7); но хитрый человеческий ум сейчас же находит лазейку, что, мол, он горячится не о себе, а о справедливости и т. д. Вообще, как трудно Богу с людьми, как упорно они строят ад, как не хотят они света и блаженства. Чем больше живешь, тем убедительнее видишь как силен сатана.

Кто дает волю доброму движению своего сердца, тот обогащается прежде всего сам — в его душу входит светлая целительная сила, радость, мир, врачующие все болезни и язвы нашей души. Жестокосердый наоборот — он сжимает свое сердце, он впускает в него холод, вражду, смерть.

Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям есть непродолимая завеса между нами и Богом. Это как если бы мы закрыли растение черным колпаком, а затем стали бы сетовать на то, что оно гибнет без солнечных лучей.

Зло не есть дурная привычка, неправильная установка души, — оно есть, точно, наитие дьявольской силы. Особенно ясно это в переживании чувства злобы.

«Не собирайте... не заботьтесь» (Мф. 6, 19-34) — почему?

- 1) Земные сокровища тленны.
- 2) Они бесполезны — «жизнь человеческая не зависит от изобилия его имения».
- 3) Они требуют забот и хлопот и потому вредны даже с мирской точки зрения.
- 4) Они пленяют наше сердце: «где сокровище ваше, там и сердце ваше».
- 5) Заботы и волнения о них безбожны, т. к. предполагают отсутствие Промысла: притча о богаче.

- 6) Они ослабляют нас — «смотрите, не отягчайте себя объядением, пьянством и заботами житейскими».
- 7) Они утверждают обратную перспективу — «ищите прежде всего Царства Божия и правды Его».
- 8) Они определяют нашу земную и посмертную судьбу.

«Дела плоти известны — идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия ереси...» Что общего с плотью в этих грехах? — Особое состояние в теле, томления, напряжения, волнения крови. Закон Джемса Ланге многое здесь объясняет. Огромное значение также телесных процессов во всех наших душевных переживаниях — в грехе и в молитве.

«*Mania grandiosa*» неизбежно вырастает из замкнутости в себе. Гаснут кругом все масштабы, и «я», распускаясь и увеличиваясь, вырастает до пределов сумасшествия.

Для мудрости необходимо приготовить свою душу к принятию «насаждаемого слова» — в молчании, кротости, собранности и чистоте.

Противное этому — распушенность языка (вместо молчания и слушания), распоясанная эмоциональность («скор на грех»), нечистота, злоба, отсутствие глубины, забывчивость.

То что мы, существа душевно-плотские, со слабо-развитой духовностью, не можем вполне постигнуть Бога и, вследствие этого, часто отрицаем Его, подобно тому, как если бы слепой стал отрицать существование света, не имея возможности его видеть.

«Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный (Лк. 5, 8) — это евангельское чтение содержит, как и всякое, как бы мало оно ни было, много уроков: 1) Урок послушания, вопреки очевидности и здравому смыслу. 2) Жизнь по своей воле и по Божьей — разница результатов. 3) Страх перед проявлением благодати Божьей.

Неправильно считать, что Христос всегда всех миловал и прощал. Он бывал и грозным и страшным и приближение света было страшно и мучительно для лжи и греха. Страх Божий — начало премудрости, начало покаяния, начало спасения. «Потому что я человек грешный» — вопль покаяния.

«Нервность» в каком-то смысле есть психофизическое условие святости. Тело уточненное, трансформированное слезами, постом, болезнями, трудами, делается более способным к воздействию духовных благодатных сил. Но оно же делается болезненно чувствительным к грубому вещественно плотскому миру, и реакция его на мир — есть нервность.

Святой, минус его святость, есть невропат (крылатое слово одного доктора, посетившего Афон — «ну, они все там невращеники»).

Святой, павший и потерявший свою святость, становится легкой добычей бесов; вот почему отцы Церкви утверждают, что возвращение обратно от духовного пути опаснее, чем состояние вне-религиозное. Вот чем опасны пост и аскетизм, не регулируемые опытным лицом и лишённые молитвенного наполнения.

Черная «благодать». У людей злобных наблюдается прилив особых сил, возрастание энергии почти беспредельное. Если правильно, что «будь только человек добр и никто не сможет ему воспротивиться», то верно также и то, что будь человек зол, — очень трудно воспротивиться и этой силе. Если человек отдался во власть злобным настроениям, то он в своей душе отверз входы демонским силам.

Общее во всех искушениях дьявола (хлеб, чудо, власть — плоти, души, духа) — они тонки, не грубы: нет искушений обычными человеческими соблазнами, нет речи о явном, грубом грехе. Но все три отрицают свободу, т. е. веру и любовь к Истине. Грехи чувственности, тщеславия и властолюбия задевались лишь косвенно. Повторение этих грехов в истории — социализм, оккультизм и этатизм (государственность).

Почему святые часто имели весьма средние способности (до своей святости, если можно так сказать)? — Потому что наши выдающиеся, но плотские способности, может быть, мешают отчасти развитию способностей благодатных. Возьмем, например, память. Можно иметь слабую человеческую память, но, в минуты вдохновения, вспоминать что надо. Я часто испытываю это во время исповеди, беседы или проповеди: нужные цитаты, примеры, точные слова являются сами собой. Вот почему может быть верно то, что всякое записывание и прочее крохоборство есть проявление неверия в силу Божию «сила наша в немощи совершается, когда я немощен тогда я силен». Но верно и другое, т. е., что все требует труда, усилия.

В тексте «...возьми крест свой и следуй за Мною» — по латыни «et tolle crucem suam cotidie et sequatur me» есть слово, упущенное в русском переводе — «cotidie» (ежедневно).

Мысль об е ж е д н е в н о м несении креста.

Есть люди чудесного, райского типа, с душой до грехопадения, детски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы. И это не как результат какой-нибудь борьбы с собой, усилий — такими они и рождаются — людьми без греха. И странно, что постоянно эти люди стоят вне Церкви, даже иногда совсем обходятся без религии. Они слишком просты и цельны, чтобы богословствовать и слишком стыдливы и целомудренны, чтобы выражать свои чувства какими-нибудь словами или знаками (обряд). В религии самое важное не вера, а любовь к Богу, а Бога они любят, потому что любят Красоту, Добро, Истину — а это все стихии Божества. Сколько есть людей, утверждающих, что они верующие и не имеющих этого чувства Красоты, Добра, со злобой и грехом в душе, с полным безразличием к Истине, так как ее вполне для них заменяют полторы дюжины маленьких истин, за которые они самолюбиво держатся. А те — простые и верные души, живущие и на земле в радости — после смерти, я уверен, прямо идут в Царствие Света и Радости, как «подобное всегда стремится к подобному» и в обществе святых — простых и блаженных душ — они чувствуют себя, как в своей родной стихии. Мы, так называемые «верующие», говорим: «пойду» и не идем, а они ведь и не говорят «не пойду», а просто исполняют волю Отца.

Гениальность Х в двух его качествах: в его искренности, умении без фальши и предвзятости, свежими глазами смотреть на мир, и в его вкусе к вешам. Он любит мир: новая ли это книга, оливковое ли дерево, или встреча с человеком.

Что вы думаете о бессмертии? (Мысленный вопрос к Х, близкому к праведности). «Ничего не думаю», верно ответил бы он.

В заповедь «будьте как дети» и «не заботьтесь о завтрашнем дне», возможно, входит и совет — довериться и в этом вопросе Богу.

Истинная любовь переживает, как измену и грех против любимого человека, всякое наслаждение, всякое сильное впечатление, пережитое врозь, вся-

кое общение с другими людьми — даже принятие пищи, приготовленное чужими руками.

В любви — действительное, реальное слитие воедино; отсюда и эта боль всякого разделения, всякого небытия воедино.

Трансцендентная сторона отношений между мужем и женой составляет главную сущность брака.

Прерывистая и неправильная речь, с паузами и поисками слов — часто признак очень искреннего человека, который не может говорить общепринятыми фразами, а мучительно ищет своих слов и настоящих выражений. Оттого у меня всегда симпатия к некоторому косноязычию — конечно, если это не просто неумелость.

На обычное требование неверующих — немедленно, тут же «доказать»: — вы не будете доказывать какую-нибудь истину научную, математическую, пьяному человеку; так и здесь. Вырезвитесь от вашего опьянения миром, суетой, заботами, тщеславием — тогда можно начать говорить и вы получите возможность понимать. «В лукавую душу не войдет премудрость».

Привычное чувство единственности этого мира — есть полное неверие в «Царство Небесное». Скорбь по умершему — неверие, язычество. Надо прийти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного.

Самоотречение, о котором столько говорится в практике христианства, понимается некоторыми как самоцель и видят в нем самом смысл жизни каждого христианина.

Нельзя также понимать его как это делают, впадая в другую крайность, как отказ от своей личности, от своего пути, видя в нем какое-то духовное самоубийство. Как раз обратное: в самоотречении — освобождение от рабства греху (без него — плен) и свободное выявление своей истинной сущности в ее первоначальном Божьем замысле о нас.

Любовь только тогда есть любовь, когда она ко всем без исключения. Пока это любовь только к тем, кого «я» люблю, это не любовь, а эгоизм. Я говорю сейчас о любви христианской, не о любви в браке, семье.

Зрелище смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она всегда — чудо и таинство. Наша мысль, а если это близкий человек, — наша любовь, вместе с умирающим, как будто переступает через эту грань, заглядывает в иной мир и удостоверяется в его существовании. Я испытал это впервые, когда кто-то при мне раздавил ногой и растер «в небытие» уховертку. Тогда впервые у меня стало отчетливо чувство, что ничего нельзя уничтожить, что это бессмыслица, непереносимая нашим умом и духом, что даже уховертка перешла в другой мир, исчезла из нашего плана бытия, но не уничтожилась.

Определить и формулировать свою боль часто обозначает и избавление от нее (объяснение почему рефлектирующие особи обладают слабыми чувствами).

Современная культура создалась творчеством человечества не только не по Божьему закону, но часто и против него; она отлилась в нерастворимые, крепкие, антибожеские формы — в них заложена чужая и враждебная нам душа.

Как же разрешить этот вопрос нам, желающим жить по Божьи, но и не уходя из мира? — Индивидуальное решение более легко: идти в мир не теряя себя, храня сердце отданным Христу, жить максимально церковью, не слишком многое себе прощая.

Для общества решение это много труднее.

Католичество дает нам пример энергичного «взнуздания» мира, принуждения мира жить по церковному; мир — слуга Церкви.

Но думаю, что вопрос этот не разрешим силами индивидуальными и даже церковными. Мир безоружными нам не пройти; это гордыня, мы должны пользоваться орудиями мира сего. Нам надо смиренно признать государственность, внешние методы воздействия на мир. То, что мы потеряли Россию, не только политическая ошибка, но грех против Церкви (не кончено)...

В нашей эмиграции есть и такая точка зрения, что в России только мрак, кровь и грязь, что искру истины спасла только эмиграция. Психология варягов, ожидающих призвания вернуться и зажечь огонь во мраке. Пока здесь есть такие настроения, мы не смеем вернуться туда, где люди кровью отвечают за свою веру и за все, что мы тут имеем даром и о чем «разговариваем», но чем мало живем.

Празднование этого великого дня (столетие со дня смерти св. Серафима Саровского — 15. 1. 1933) прошло бледно, и прежде всего, по крайней слабости веры у всех нас. От центра зависело дать указания, устроить неделю говения, частыми проповедями подготовить паству. А то сегодня, такой день: «Со страхом Божиим и верою приступите» — и никто не «приступил»! Весь этот год надо было объявить особым годом поста и молитвы, великого очищения Церкви.

В этом смысле мы могли бы учиться у католиков — как они владеют своей паствой, как умело воспитывают ее.

Когда исполнятся времена и сроки, когда наступит мировая осень и Бог пошлет ангелов на жатву — что найдут они на бесплодных полях наших сердец? А ведь эти времена и сроки наступают для каждого из нас еще до времени общей жатвы.

Но не будем унывать. Смотрите, сеятель все-таки сеет и на камень и в терние при дороге. Значит есть у него какая-то надежда и на такие поля. И мы знаем из житий святых, как часто душа, которая казалась окончательно засоренной грехом, ослепленной страстями, упорной во зле, становилась почвой глубокой, полной плодотворных сил, чистой от вредных примесей и чужеродных семян.

Суть веры и религиозной жизни не в принудительной очевидности, а в усилении и выборе. Вера — путь к Богу, опыт, который всегда удается. Праведники стремились к небу и оно приняло их. «Приблизьтесь к Богу и Бог приблизится к вам».

Познание через любовь.

Любовь к миру, любовь к людям, любовь эротическая — как лучшая возможность познания.

Не нужно думать, что есть только один вид богатства — деньги. Можно быть богатым богатством молодости, иметь сокровище таланта, дарований, обладать капиталом здоровья. Все эти богатства — тоже препятствия к спасению.

Богатство материальное порабощает нас, обостряет наш эгоизм, смущает наше сердце, гнетет нас заботами, страхами, требует жертв себе, как ненасытный демон. Не оно служит нам, а мы обычно служим ему. Но не

то же ли и с богатствами здоровья, силы, молодости, красоты, таланта? Не так ли и они усиливают нашу гордость, берут в плен наше сердце, отводя его от Бога.

Да, поистине блаженны нищие в смысле имущества — как легко им приобрести евангельскую легкость духа и свободу от земных пут, но блаженны и не имеющие здоровья и молодости (потому что «страдающий плотью — перестает грешить»), блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники — они не имеют в себе главного врага — гордости, так как им нечем гордиться.

Но как же быть, если Бог послал нам то или иное из земных богатств? Неужели мы не спасемся, пока не освободимся от него? — Можно оставить при себе (но не для себя) свое богатство и спастись; но только надо внутренне освободиться от него, оторвать от него свое сердце, владеть своим богатством как бы не владея, обладать им, но не давать ему обладать собой, принести его к ногам Христа и послужить Ему им.

Наша любовь к Богу измеряется нашей готовностью принять посылаемые нам страдания и несчастья и видеть в них руку Божию. Поддержкой нам может быть то, что страдания эти есть также мера любви Божьей к нам.

За религию у нас часто принимают неопределенную смесь из детских воспоминаний, сентиментальных чувств, испытываемых иногда в церкви, крашенных яиц и кулича на Пасху. Как дать почувствовать хотя бы, — крестный путь грешной нашей души к Богу... (не конечно).

Можно быть ангельски добрым с теми, кто относится к тебе с доверием, любовью. Но стоит натолкнуться на злобу, ссуждение, враждебность — и доброта переходит в чувство обратное. Это явно показывает на наше полное бессилие перед злом и, прежде всего, — перед злом в себе, которое поднимается в нас навстречу чужой критике. Укоры, критика, — горькое лекарство нашему тщеславию, нашему довольству собой.

Всякое удовольствие, наслаждение принижает, духовно расслабляет, обезоруживает душу. Смысл страданий — участие в страданиях Христа, созидание тела Христова в мире (Церковь), несение креста, последование примеру святых, несовместимость с миром.

Молясь об умерших, мы упражняемся в ощущении нереальности этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отшедшим.

...Чем больше стареешь, тем больше приучаешься ценить прочность дружеских отношений в этом непрочном, неверном, призрачном мире...

Если мы видим грех, значит сами причастны к нему, и именно к э т о м у греху. Осуждает ли ребенок кого за разврат? Он его не м о ж е т видеть. То, что мы в и д и м — мы отчасти и м е е м.

Иногда у стариков душа будто постепенно умирает вместе с телом. Это впечатление оскудения души происходит от того, что тело, дряхлея, перестает быть достаточным выразителем души. Происходит то, что бывает в переводных картинках — намоченная бумажка дает слабый очерк какого-то рисунка (жизнь); потом постепенно мы эту бумажку (тело) отдираем (болезнь, старость). Рисунок исчезает по частям; потом он исчезает совсем (смерть). В руках наших чистая бумажка (мертвое тело), но взглянувши под нее, мы видим яркий рисунок (жизнь будущего века).

План (давно обдуманый) работы о памяти и беспамятстве.

Значение, моральное и религиозное, памяти: благодарность, покаяние.

Слабая память, думается, один из признаков греховного состояния; в ней заключаются следующие греховные свойства — неспособность к духовному усилию, рассеянное внимание и недостаточная любовь. Представим ли «беспамятный святой»? Конечно нет, потому что у него — активное отношение ко всему, сосредоточенное внимание, любовь ко всему. Слабая память = узкому сознанию. С другой стороны — огромное значение слабой памяти, беспамятства. Частичная потеря пмяти — часто прямая выгода для духовной жизни. Оно освобождает от мирского, от груза ассоциаций, воспоминаний, знаний, дает возможность быть вполне непосредственным, значит — искренним, значит — гениальным; оно дает возможность жить данной минутой, данным делом, данным человеком, — быть «как дети»; воспринимать все как новое, светлыми глазами смотреть на мир. Беспамятство — преодоление времени, забвение обид, облегчение послушания, забвение своих заслуг, приобретение простоты. Все равно — память хранит все

на свете и только временно отказывается воспроизводить. Беспамятный старец похож на пассажира, сдавшего свои чемоданы в багаж и налегке ожидающего поезда. Придет время, суровые таможенники вскроют его чемоданы и он ужаснется их содержимому.

«Множеством Славы стерл еси супостаты», — вот метод религиозной борьбы, единственный — уничтожать, «стирать» все темное в себе обилием, мощностью божественного сияния.

Плохо не иметь дурные помыслы, а поддаваться им. В них мы не вольны, такова наша природа, помраченная грехом; помыслы имели и святые. Наше вольное следование помыслам или борьба с ними — вот где наша победа или поражение.

У нас чисто православное аскетическое чувство «трезвости», в противовес «духовному пьянству» — сладости, «приятности» — в этом одно из наших отличий от католичества. Это различие особенно явно в церковном искусстве.

Жизнь наша не идет плавно и равномерно. Она идет, как всякий живой процесс, как жизнь природы, — моментами упадка и возвышения. Пост — период духовных усилий. Если мы не можем отдать Богу всю свою жизнь, то посвятим Ему безраздельно хотя бы периоды постов — усилим молитву, умножим милостыню, укротим страсти, примиримся с врагами.

Ничто из сотворенного Богом не есть зло; мы сами извращаем, претворяем в зло и самих себя и все кругом себя; на этот поворот ко злу есть наша свободная воля.

«Толстовство» — результат потуги среднего ума проверить все основы человеческой жизни, созданные гениями, святыми и творчеством великих народов. Бессилие среднего ума понять смысл основ, законов и учреждений приводит к их отрицанию (церковь, брак, обряд, костюм, этикет и т. д.). Выяснил это себе в разговоре с Х (толстовцем).

...В этом, может быть, есть маленькая надежда — что как бы мы ни

были немощны, духовно слабы, грехолюбивы, но Христос остается для нас незыблемой, вечножеланной святыней, к которой мы всегда будем возвращаться.

Постоянное наше самооправдание — это, мол, еще грех не велик, и самоуверенная мысль — «до большего себя не допущу». Но горький опыт всем нам много раз показал, что раз н а ч а т ы й грех, особенно — р а з р е ш е н ы й себе — овладевает человеком и возврат от него почти никому не посилен.

Характерно, что главные две формы сумашествия — мания величия и мания преследования возможны только при самолюбии и являются формами греха — гордости.

Ходят среди нас живые мертвецы, со смертью души прежде смерти телесной, не имеющие и надежды на ее воскресение, так как з д е с ь мы готовим жизнь будущего века — и есть души, уже как бы воскресшие до смерти тела, — делом, опытом, любовью доступные высшей жизни духа.

В нашем сумрачном мире даже сияние всякой добродетели отбрасывает тень; смирение — малодушие и лукавство; доброта — несправедливость; правдолюбие — грубость и требовательность. Мы же, склонные видеть всегда худшее, видим прежде всего, а иногда и только — тени. Для наших грешных глаз кроткие — слабы и не просты, молитвенные — эгоистичны и сухи, щедрые и нестяжательные — бесхозяйственны и моты, созерцатели — ленивы. Способность видеть во всем, даже в хорошем темную сторону показывает не столько наличие этой темноты, там где мы ее видим, как точно обличает н а ш у темноту и общую греховность.

Надо не только переносить невзгоды, но и видеть в них руку Властителя судеб.

...скажу Вам, к чему я давно пришел из чтения св. отцов: периоды скудости вполне естественны и их надо переносить с терпением и благодушием. Эти периоды укрепляют в нас смиренную мысль о нашем бессилии и принуждают все надежды на оживление нашего сердца возлагать на Бога.

Многое облегчалось бы для нас в жизни, многое стало бы на свое место, если бы мы почаще представляли себе всю мимолетность нашей жизни, полную возможность для нас смерти хоть сегодня. Тогда сами собой ушли бы все мелкие горести и многие пустяки, нас занимающие, и большее место заняли бы вещи первостепенные.

Жизнь идет негладко и эта «негладкость» делается уже какой-то привычной нормой; наше бывшее благополучие так далеко (и внутренне далеко, не только внешне), что даже не вздыхаешь о нем. Конечно, это общее место, давно всем известное, особенно нам, русским, что страдания полезны для души; но я недоволен как-то по новому пережил этот трагизм. Наши трудности и горести, если мы их несем добровольно (соглашаемся на них), питают и укрепляют душу, они непосредственно превращаются в богатства духовные — «кратковременное страдание производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4, 16, 17): это благодатный ветер, надувающий паруса нашего духа...

Важна не «праведность» сама по себе, — праведны были и фарисеи, но ложной праведностью (основанной не на том, на чем надо, т. е. на любви, вере), праведностью наружной, надменной, ложной, трижды неправильной. Все добродетели без смирения ничто.

Какова наша праведность, поскольку она у нас есть, — не совмещается ли она с грехом? Не формальна ли она, не тщеславна ли?

Старушка X, которая считает себя окончательно благоустроенной религиозно, когда я ей приношу что-нибудь почитать: «Ах, вот это совсем моя мысль, это надо выписать!» Самолюбивый человек безнадежно слеп и одинок: ничего ни в мире ни в людях он не увидит кроме себя и своего.

Сама по себе ограниченность человека не есть глупость. Самые умные люди непременно ограничены в ряде вещей. Глупость начинается там, где появляется упрямство, самоуверенность, т. е. там, где начинается гордость.

Зло и добро не есть совокупность добрых или злых поступков; это злая или добрая сила, владеющая человеком. Безмерен этот напор зла, сила этого начала. Мало имеют значения (религиозного) поступки сами по себе.

«Хорошие» по результату дела (накормить, помочь и т. д.), могут быть злыми по существу, исходя от человека, одержимого злом; и неудачные, глупые, даже вредные дела могут быть добрыми — исходя из доброго источника, имея добрые побуждения.

Часто мы не грешим не потому, что победили грех, внутренне его преодолели, а по внешним признакам — из чувства приличия, из страха наказания и проч.; но и готовность на грех — уже грех сам по себе.

Но внутренний грех, не исполненный все-таки менее совершенного: нет укоренения в грехе, нет соблазна другим, нет вреда другим. Часто есть пожелание греха — но нет согласия на него, есть борьба.

Вот ступени, по которым грех входит в нас — образ, внимание, интерес, влечение, страсть.

Мы делаем добрые дела, очищаем свое сердце и приближаем себя к Богу не из-за награды, а из любви к Богу. Однажды я спросил себя, — остался ли бы я со Христом, если бы я знал наверное, что дьявол победит Бога? и ответил без колебания — конечно, остался бы: где же тут эгоизм?

Minderwertigkeitsgefühl — есть та же «гордость», то же обращение внимания на себя, эгоцентризм, только под другим видом. Смиренному и простому не придет в голову ни мания величия, ни страдания от своего ничтожества.

В общем я скучаю над канонами, а особенно над акафистами и читаю их только по обязанности. Выделяю отсюда только покаянные каноны Октоиха и постной Триоди. Но бывают часы большой душевной тяжести и тоски, и тогда слова некоторых канонов (Божией Матери — молебный, Иисусу Сладчайшему) произносишь как свои собственные. Значит, «нечувствительность» к канонам есть обличение — отсутствие у данного лица настроения автора данного канона.

Мораль в христианстве не то, что дело второстепенное, но в ы в о д н о е. Иного порядка нравственность, не вытекающая естественно из полноты нашей религиозности; она есть или просто добропорядочность, или дело инстинкта, или — очень часто — нестерпимая фальшь.

Чем больше человек будет, забывая себя и свое, отдавать свое сердце Богу, делу и людям, тем легче будет ему становиться, пока он не достигнет мира, тишины и радости — удела простых и смиренных душ.

В первом послании Еванг. Иоанна (1. Иоан. 4), говорится о любви Божественной, о той любви, которая покрывает множество грехов, которая отменяет закон, заменяет исполнение всех заповедей; о той любви, которая дает жизнь, потому что приводит в соприкосновение с Источником Жизни; которая дает высшее ведение: «Кто не любит, тот не познал Бога» (1 Иоанн. 4, 8), и наоборот, — «Всякий любящий — знает Бога» (1 Иоанн. 4, 7). Знает Его по закону подобия.

Мы думаем о себе, что все мы причастны этой любви: каждый из нас любит что-либо, кого-либо. Если и есть редкие люди, которые ничего не любят, уже здесь пребывающие во «мраке преисподнейшем», то это редчайшее явление. Мы все любим близких, родных, друзей, людей нашего образа мыслей. Но та ли это любовь, которой ожидает от нас Христос? Относительно любви к родным, всем ясно, что это та же эгоистическая любовь к своему, к себе. Но любовь к друзьям, близким — не есть ли это тоже самое? Из бесконечного количества явлений и лиц мы выбираем родственные нам, включаем их в свое расширенное «я» и любим их. Но стоит им отойти немного от того, за что мы их избрали, как мы изольем на них полую меру ненависти, презрения, в лучшем случае — равнодушия. Это человеческое, плотское, природное чувство, часто очень ценное в этом мире, но теряющее свой смысл в свете жизни вечной. Оно не прочно, легко переходит в свое противоположение, принимает демонический характер.

Если бы в нас была действительно стихия любви, то она изливалась бы на всякого — на доброго и злого, на приятного и отвратительного.

Но как это возможно? — Заповедь Евангельская не может быть неисполнимой, иначе бы Евангелие оказалось бы собранием прекрасных слов, неприменимых к жизни. К таким словам относится и слово о любви к врагам. Как возможна такая любовь?

Два обстоятельства закрывают нам путь к пониманию этой заповеди: первое, это что мы не исполнили предыдущей заповеди — «Если кто хочет идти за Мной, да отвержется себя» — заповедь о нищете духовной. Только на пути отречения от себя и своего, от своих симпатий и антипатий, суждений, привычек, точек зрения, можно понять Евангелие, и, в частности, заповедь о любви к врагам.

Второе — надо отказаться и от той точки зрения, что в человечестве есть два враждебных стана, две породы людей: праведные и грешные, предназначенные блаженству и обреченные гибели. Этого нет. Мы все грешны, все поражены первородным грехом, и за всех нас пострадал Господь. Он друг грешников, Он предостерегает считающих себя праведными, что мытари и блудницы впереди них идут в Царство Небесное. Ему дороги одинаково все, и это Ему принадлежит окончательный суд. Вот почему непосредственно за словами Христа о любви идут слова о неосуждении — «Не судите, да не судимы будете». Не судите — вам легче будет тогда полюбить всякого, не судите — и у вас не будет врагов. Смотрите на «врагов», как на больных одной с вами болезнью, как на погибающих. Оставьте точку зрения личного суда и станьте на точку зрения Божьего дела в мире. Вспомните, что добро должно победить окончательно и повсюду, ничего не оставив дьяволу.

Пугает течение времени — когда стоишь на месте. Надо погрузиться в глубину, где время безразлично.

Самая острая скорбь об умершем есть скорбь о себе, эгоистичная, личная боль. Праведные, смиренные, святые не скорбят.

Ожидание и требование чудес — не только нечестиво, как проявление недоверия к Богу, но и бессмысленно — ведь мы имеем миллионы совершившихся чудес и, если они не убедили нас ни в чем, то почему именно это ($n + 1$) чудо должно нас убедить?

Можно прожить, и живут многие, всю жизнь слабой чьей-то тенью, копией. Самый первый примитивный смысл существования — быть самим собой, возвышаясь до преобразования себя в «Образ и подобие Божие».

«Не прелюбы сотвори» — по гречески — распоряжаться чужим. «Прелюбы» — любовь, престапующая законы. Чисто или не чисто не вещь или действие само по себе, а смещение, нарушение; навоз в поле — радость хозяина: из него хлеб; или на столе, например, где он — бесчинство.

Для чего просить, раз «знает Отец»? (Молитва «Отче наш» и другие). Тут наш сознательный поворот к Богу, смирение, чувство связи и зависимости; кроме того — важность «выговаривания», общения.

О посмертной судьбе не-христиан: «те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут...» (Римл. 2, 12). Значит, те, которые вне закона не согрешили — будут оправданы? Ведь они (стих 15) имеют «закон написанный в сердцах их» и совесть.

В обете находится и частичное принятие страдания, посланного нам, и согласие на него: Ты, Господи, посылаешь страдание для нашего вразумления, я прошу заменить его другим — исцели моего ребенка и я обещаю понести это страдание в другой форме — поста, богомолия, иного подвига духовного или физического.

Пот, слезы, кровь... Если проливается пот с внутренним противлением, злобой, проклятиями; если слезы — от боли, обиды, злобы; если кровь — без веры, то ничего доброго душа не приобретает.

То же самое, когда происходит с послушанием, с покаянием, с верою, — очищает и возвышает нас.

Счастье не есть самоцель; оно — производное от правильной жизни. Будет правильно построена жизнь, будет и счастье; а правильная жизнь — это праведная жизнь.

Из письма к больному.

Приходилось ли вам, дорогой друг, размышлять над словами ап. Павла «мы не унываем; но если внешний наш человек и глеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу». Что значит эта таинственная связь, всюду в Евангелии подчеркнутая, страданий и «славы», т. е. духовного сияния, расцвета, силы? Я пришел к мысли, что всякое духовное усилие, всякое добровольное (и даже не добровольное) лишение, отказ, жертва, страдание — обмениваются немедленно на духовные богатства внутри нас. Чем больше теряешь, тем больше приобретаешь. Горе счастливым, сытым, смеющимся — они оскудеют до полной духовной нищеты. Мужественная душа инстинктивно ищет жертвы, случая пострадать и духовно крепнет в испытаниях. Мы должны просить Бога, чтобы Он дал нам испытания и почти печалиться, когда живем благополучно. Дети, выросшие в тепле, неге и сытости, вырастают духовно пустыми. Наоборот — прошедшие через болезни, нищету —

вырастают духом, «ибо кратковременное страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4, 6).

Многих смущают своей прозаичностью и кажутся неуместными денежные сборы в церкви.

Горе нам, если мы это рассматриваем житейски, буднично. Вообще говоря, для христианина нет тем будничных, скучных, не религиозных. Только «похристиански». И тогда всякая тема становится глубокой и многозначительной. Дело не в теме, а в отношении к ней. Разве не бывает, что тема высокая, святая трактуется кощунственно или лицемерно.

Апостол Павел, производя свои сборы на церковь, перевоза пожертвования, пишет об этом, не сомневаясь, что делает дело святое: дающие умножают в своем сердце плоды духа, принимающие побуждаются этим к прославлению Бога и благодарности тем, кто проповедует Евангелие не только языком, но и исполняет его своим сердцем. Если мы одно тело при одной Главе — Христе, то как можем мы терпеть в своей среде бедных, голодных братьев? Принимайте церковные сборы, как испытание вашей веры, вашей любви, вашего патриотизма. Такие сборы являются проверкой не столько ваших денежных возможностей, сколько богатства вашего сердца. Смотрите внимательно, какими чувствами встречает оно призывы о помощи. — Тысячами рук больных и сирот сам Христос стучится в ваше сердце, и вы откроете двери и впустите Его; а что это Он, вы узнаете по тому чувству радости, которое знает всякое милующее сердце. Бог может и сам, «чудом», помочь, но это чудо совершится через людей; блаженны те, кто явятся «служителями чуда».

Почему надо «подавать» всякому нищему, не входя в рассмотрение его достоинств, и даже, если знаешь, что он недостойный человек: кроме того, что дающий обогащает себя духовно, а запирающий свое сердце и кошелек — грабит самого себя, — кроме этого, отказывая в милостыне, особенно у самых врат церковных, мы наносим тяжкий вред просящему, поселяем в нем злобу, убиваем веру, возбуждаем ненависть к богатым, сытым, религиозным.

Есть люди, которые, как будто не веря в Бога, «живут морально, делая добро». Большею частью это ложная мораль и фальшивое добро, изнутри

отравленное скрытым тщеславием и гордостью. Если же это — чистое Добро, то эти люди, сами того не зная или не умея назвать Бога, «прикасаются к Его ризе».

Если понять слова Апостола о признаках веры (Мк. 16) в том смысле, что к а ж д ы й верующий обладает всеми этими признаками, то можно прийти в полное уныние: ясно тогда, что веры в нас нет. Может быть, утешением будет объяснение Ап. Павла о различных дарах Духа Святого (1-ое Кор. 12): «Одному дается слово мудрости, другому слово знания, иному дары исцеления...»

Святость и познание даются соборностью. Неведение и грех — удел отдельных особей. Лишь в церковном единении — преодоление того и другого. Человек находит в Церкви самого себя, но не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего единения с братьями и Спасителем. Церковь есть живой организм, объединенный взаимной любовью, составляющий абсолютное единство во Христе живых и мертвых.

У меня недоверие к основному методу всякого богословствования (хоть это и метод св. отцов); все симметрические построения, гипотезы и т. п. делаются с явными натяжками. Я бы прямо сказал: если нашему грешному уму какая-либо богословская истина кажется логичной, симметричной и т. п., значит она не истина: и я предпочитаю оставаться при евангельских абсурдах, чем с философскими композициями, которые тем подозрительнее, чем они красивее. Твердые и отчетливые линии имеют только мертвые тела и умершие мысли, живые окружены зыбкой и переменчивой аурой дыхания и излучения. Всякое определение, фиксация в наших человеческих планах — ограничивает, замрачивает это дыхание жизни и всегда неполно, случайно и потому неверно.

Иудеи не поверили, несмотря на то, что имели свидетельства самого Христа, Предтечи, самих дел Христовых, свидетельства св. Писания, — наконец голос с неба — свидетельство Отца. Не поверили, потому что «не имели любви к Богу». Вот секрет всякого неверия: если нет любви к Богу, то ни прямой голос с неба («галлюцинация»), ни внутреннее озарение («психоз, мания»), ни свидетельства самые достоверные ничего не сделают.

И обратно, если есть любовь к Богу, если знаешь, что в Нем твоя истинная жизнь, то не нужны никакие доказательства, т. к. с а м а э т а л ю б о в ь е с т ь д о к а з а т е л ь с т в о. Если против этого будет вся философия, законы логики и самоочевидность, — я все же предпочту остаться с моей любовью, против логики, против очевидности. Вера не есть очевидность, она есть выбор: вот перед тобой жизнь и смерть, проклятие или благословение, — «избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твое».

От радостных картин евангельской веры, обращаясь к себе, мы испытываем смущение. Мы не только не двигаем горами, но мы не имеем и того спокойствия, устойчивости, радости, которые дает вера; уныние, страх, смятение сердца — наши обычные состояния. И в отчаянии мы часто просим дать хоть какие-нибудь доказательства, ничтожный знак присутствия Божия около нас, — хоть намек на благое Его промышленне о нас.

Но ожидание доказательств бытия Божия есть отказ от подвига веры.

Бог не принуждает и не насилует нас. Вера есть акт свободной избирающей любви.

Но, скажем мы, Господь давал Фоме свидетельства Своего бытия. Для грешных душ и это не помощь — можно видеть и не верить, как фарисеи. И мы имеем чудеса, совершенные в наше время: чудесные исцеления, семейные чудеса, случаи из нашей жизни, которые иначе, как чудо, истолковать нельзя. Помоги же нам, Господь, воспоминаниями о бесчисленных проявлениях любви Бога к нам, утвердиться в вере, от которой сила, радость и мир.

Как грустно и неполно существование девушки, и какая полнота существования у женщины. Никакой роман не может заменить брак. В романе люди являются в пышности и расцвете, но все же не самими собой: в романе открывается призрачная, приукрашенная действительность, и жизнь каждого из двух — непременно поза, хотя бы и простительная и невинная.

Только в браке возможно полное познание человека — чудо ощущения, осязания, видения чужой личности, и это так же чудесно и единственно, как познание Бога мистиками. Вот почему до брака человек скользит над жизнью, наблюдает ее со стороны, и только в браке погружается в жизнь, входя в нее через другую личность. Это наслаждение настоящим познанием и настоящей жизнью дает то чувство завершенной полноты и удовлетворения, которое делает нас богаче и мудрее.

И эта полнота еще углубляется с возникновением из нас, слитых и примиренных — третьего, нашего ребенка.

Но отсюда начинаются непреодолимые трудности: вместо усложненной полноты получается обычно взаимное непонимание, протесты и почти неминуемое отделение от нас этого третьего. Пара никак не может стать законченной троицей. Как это происходит? Необходимо ли это? Можно ли сделать, чтобы это было не так? — Ведь рожденное нами есть часть нас самих, ведь это наши тело и кровь и душа. В ребенке мы узнаем наши привычки, склонности — откуда же может взяться несогласие, разрыв? Я думаю, что совершенная пара породит и совершенного ребенка, она и дальше будет развиваться по законам совершенства; но если в паре есть при браке непобежденный разлад, противоречие, то ребенок и будет сыном этого противоречия и продолжит его. Если мы только внешне примирили свой антагонизм, а не победили его, поднявшись на новую ступень, то это отразится и на ребенке.

Другое объяснение: в ребенке вместе с его телом и душой, полученными от нас, есть главное — единственная и неповторимая личность со своим собственным путем в жизни.

Для воспитания детей — самое важное, чтобы они видели своих родителей живущими большой внутренней жизнью.

Философия семейных ссор: часто ссоры происходят от упреков жены, которые тяжело принимаются мужем даже если эти упреки правильные (самолюбие). Надо разобраться, откуда эти упреки: часто они от желания жены видеть своего мужа лучше, чем он есть на самом деле, от повышенной требовательности к нему, т. е. от своего рода идеализации. В этих случаях жена является совестью своего мужа и нужно так и принимать ее упреки. Мужчина, особенно в браке, склонен опуститься и успокоиться на эмпирической данности. Жена отрывает его от нее и ждет от мужа большего. В этом смысле наличие семейных столкновений, как это ни странно, — доказательство осуществившегося (а не только проэктированного) брака, и в этом новом человеке, слившемся из двух, жена играет роль совести.

Вот почему между близкими людьми ссоры иногда даже полезны — в огне ссоры сгорает весь мусор обид, недоразумений, накопившийся иногда за долго. И, после взаимного объяснения и исповеди, наступает чувство полной

ясности и спокойствия — все выяснено, ничего не тяготит. Тогда развязываются высшие способности души и, общаясь взаимно, договариваясь до удивительных вещей, достигается полное едино-душие, едино-мыслие.

В браке праздничная радость первого дня должна продлиться на всю жизнь; каждый день должен быть праздником, каждый день муж и жена должны быть новы и необыкновенны друг для друга. Единственный путь для этого — углубление духовной жизни каждого, работа над собой.

Так дорога в браке только любовь, так страшно ее потерять и от таких пустяков она иногда исчезает, что надо все мысли и усилия направить сюда (и еще на «божественное») — все остальное придет само.

О браке.

Тезис: брак — благословенное Богом учреждение: Кана Галилейская, «плодитесь и множитесь», таинство брака, чин венчания. Все благополучно.

Антитезис: «лучше вам оставаться как я», 144 тыс. девственников, искупленных от земли, которые не «осквернились с женами» (Откр. 14. 3-4), «скопцы ради царства небесного», отсутствие святых, прославленных за семейные добродетели.

Синтез: (но не полный, т. к. все у нас еще не полно и заражено грехом, в том числе и брак) — Адам и Ева созданы до грехопадения. «Песнь песней», символика Евангелия: «брак», «брачная вечеря» жених и невеста — Христос и Церковь, «тайна сия велика есть».

Трудность отношений между близкими по крови и, вообще, в семье зависит от того, что в семье (муж — жена, родители — дети) господствуют обычно отношения инстинктивно-природного порядка и, если один из членов ее живет духовной жизнью, то ему приходится плохо. «Враги человеку домашние его» — сказано об этом случае.

Та ошибочность суждений, обычно неправильная — в хорошую или дурную сторону оценка, которой почти все грешат по отношению к своим близким — от неумения объективно отнестись к с в о е м у, от кровной и страстной заинтересованности с в о и м, что и ведет к слепоте и преувеличениям.

Когда Христос за заслуги одного говорит: «Ныне пришло спасение д о м у сему», то эти слова говорят о признании и в том мире, о вечности наших земных, кровных связей. Заслуги и страдания одного спасают и его близких — как утешительны и многозначительны эти слова, какую вечную ценность придают они нашей земной жизни!

Обычный в наше время страх перед мыслью, философией, богословствованием — никак нельзя оправдать ни Евангелием, ни св. отцами, которые очень много размышляли, рассуждали — например, Григорий Нисский, Максим Исповедник, каппадокийцы вообще; я не могу припомнить ни одного св. отца, у которого был бы страх перед человеческим разумом, рассуждением, различием мнений. А что должно это происходить движимое любовью к Богу, жадной истины, так это само собою разумеется.

Теозис, о котором так легко говорят наши профессора. Сущность дела не в том, христианская ли это идея — она, действительно, христианская. Весь вопрос в путях к нему. Каков путь вхождения христианина в жизнь, в культуру.

- 1) Социально экономическая работа — легче всего, но и тут трудности — рассеянность, суета, отвлечение.
- 2) Наука, техника — много труднее, — научное творчество разоряет духовную жизнь, увлекает в сторону.
- 3) Искусства — труднее всего, т. к. эта область двусмысленная, демоническая.

Приобщение к культуре некоторым образом компромис для духовной жизни. Не вернее ли способ обожения мира изнутри, как путь преп. Серафима. Тогда преображается и все остальное.

Какая трагичность таится в отношениях людей к Богу. Мы ищем Его, страдаем от Его отдаленности, хотя и зная, что Он обитает в самой нашей душе — и, вместе с тем, какая-то мертвенность, какое-то тяжкое, почти непреодолимое окаменение безнадежно отделяет нас от Него.

Сама по себе ограниченность человеческая не есть глупость. Самые умные люди непременно ограничены до некоторой степени. Глупость начинается там, где появляются упрямство и самоуверенность, т. е. проявление гордости.

Страсть делает глупым даже умного человека.

Гордость = одиночество = тьма кромешная. Гордость, — отсюда самолюбие, отсюда — пристрастность, неспособность самооценки, — отсюда глупость. Каждый гордец глуп в своих оценках хотя бы от природы имел гениальный разум. И обратно, смиренный мудр, хотя бы был и «неумен»; сущность мудрости — чувство Истины и смирение перед ней — доступна ему.

О непротивлении злу — Толстой понял внешне и внес эту заповедь любви много смуты и зла: отрицание государственных постановлений, суда, настроение бунта. Аскетичное понимание — исполнение этой заповеди в л и ч н о й м о р а л и.

Велика очищающая сила страданий и смысл их. Духовный наш рост зависит главным образом от того, как мы переносим страдания. Мужество перед ними, готовность на них — вот знак «правильной» души. Но не надо искать их и выдумывать.

Постоянно сталкиваешься с людьми светскими, внешними, стоящими вдали от церкви и не желающими признать с в о е непонимание, с в о ю неготовность воспринять Истину, а ставящими это свое непонимание в вину Церкви и Истине. Наше православное понимание, подход к Богу не чувственно-эмпирическое, не формально-логическое и рациональное, а жизненно-опытное, в меру нашего духовного роста, в связи с молитвой и нашей нравственностью, — «в лукавую душу не войдет Премудрость».

«Твой осквернивший образ и сластем поработих». Сладости мира губят духовную жизнь, с ними теряется холодная трезвость духа, ясность мысли, контроль над собой, рассеивается внимание, слабеет воля, ослабляется, растекается, растрепывается личность.

Сила девства — сияние нерастраченного пола — сублимируется в высшие духовные ценности. Целомудрие — условие и источник настоящего творчества.

При наличии богатой психической жизни сфера сексуальная в значительной части превращается в энергию эстетического, морального и другого

порядка. Но если этого нет, как у большинства европейской молодежи, то остается чистое скотство, которое само, наоборот, поглощает даже слабые искры других, более высоких проявлений.

Все кругом нас — воспитание с детства, «жизненная борьба» учат нас «собственному достоинству». Но если есть среди нас такой, кто почувствует себя мытарем, — а дай Бог, чтобы каждый чувствовал себя таковым, — да возрадуется он, потому что он — та заблудшая овца, та драхма потерянная, ради которой пришел Христос, и о спасении его большая радость на небе, чем о сотне праведников.

Не всеми одинаково серьезно сознается важнейшее в наших духовных путях значение созерцания жизненного пути святых. Многие говорят — «у меня есть Евангелие, у меня есть Христос — мне не нужны посредники». Иные, может быть, не скажут этих самоуверенных слов, но фактически не прибегают к помощи святых в периоды (а у кого их не бывает) духовного упадка. Ведь что такое всякий святой? — тот же человек, но который, пойдя по правильному пути, нашел то, чего ищем мы все — Бога. Как же нам не вглядываться в них и не брать пример с них, не идти за ними! Собственно, «святость» — задача каждого из нас в меру его сил.

Просто подавлять или усыплять в себе грех, все греховное — неверный путь, грех сстанется все равно и даст новые ростки, хотя бы мы и обрывали каждый новый побег.

Надо этому зловредному растению сделать прививку, т. е. надо сублимировать свою греховность, преобразить ее в высшие состояния, извращением которых она была. Пример — апостол Павел и все те, кто активно и сознательно «строят» свою душу.

Общее место гордых — возмущаться чужой ложью, протестовать против неправды, восстанавливать истину. Они и не замечают в своем ослеплении, что сами опутаны ложью, что они не выносят истины даже в слабом ее растворе, что надо заслужить право на истину.

Истину по отношению к себе они не выносят, да и можно ли говорить правду душевно больному? На что ему эта правда? Всякая о нем правда обратиться только в воду на мельницу его безумия.

Скорбями истребляются грехи наши, «нет скорбей, — нет и спасения» (слова преп. Серафима). Не только страдания, посылаемые Богом, но всякое духовное усилие, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва немедленно размениваются на духовные богатства внутри нас; чем больше мы теряем, тем больше приобретаем. Вот почему «трудно богатым войти в Царство небесное» — потому что в них не совершается этого размена благ земных, временных, тленных, на блага небесные, нетленные. Мужественные души инстинктом ищут жертвы, страданий и крепнут в отречениях. Многочисленные подтверждения этого в Евангелии и у Апостолов. Особенно много об этом у ап. Павла. Это знают даже внехристианские религии: как истязают себя факиры, ноги, дервиши; у них это точный расчет.

Бог посылает нам скорби — примем их мужественно и мудро, возрастая и укрепляясь в них духовно.

Во время каждого Великого Поста за исповедью Бог внушает ту или другую руководящую мысль. В этом году — это любовь ко Христу и главное средство борьбы с грехом — молитва Ему же.

...Так грустно всегда расставаться с Постом и с пасхальной неделей. Я всегда тяжело переживаю и закрытие врат в алтаре в субботу Фоминой, и вообще конец пасхальной седмицы. Хоть и поют еще «Христос Воскрес», но все делается труднее, как будто действительно снова затворились двери Царствия, открывшиеся было навстречу усилиям и подвигам поста. Люди с какой-то усиленной жадностью опять погружаются в земное, в суету, церкви пустеют.

Только первые шаги приближения к Богу легки; окрыленность и восторг явного приближения к Богу сменяются постепенно охлаждением, сомнением, и для поддержания своей веры нужны усилия, борьба, отстаивание ее.

Начало духовной жизни — выход из своей субъективности, из самого себя, переростание самого себя в общении с высшим началом, с Богом.

Столько смертей кругом, что смерть почти перестала быть страшной и стала временами для меня реальнее, чем жизнь. И чем больше близких уходит туда, тем легче делается этот переход.

Почему Церковь молчит о загробном мире? — Человек живет, мыслит и чувствует в условных формах пространства и времени. Вне этих форм мы не можем ни мыслить, ни говорить.

Постороннее живет иными формами. Если будем говорить о нем, мы будем говорить плотским языком. Вот откуда целомудренное молчание Церкви.

Православие особенно чувствует контраст «умной красоты мира горнего» и «мира сего». Мы страдаем от ощущения тьмы и греха, примешанного ко всему миру. Становясь православными, мы становимся все отчасти аскетами.

Бог создал жизнь.

Дьявол победил ее смертью.

Бог отразил победу смерти Воскресением.

Вся современность говорит: «грешите!», и те, кто хотят жить и живут по Светлому Закону — всегда боримы и не должны ожидать легкой «приятной» жизни.

Затруднения при чтении книги Иова — происходят от того, что не там ищут и ждут разрешения тех антиномий, которые ставит Иов, между тем как суть в том, что вопросы Иова разрешены только пришествием Христа.

«Многословие» в молитве хотя бы тем уже хорошо, что наше сознание дольше привязано к святым словам.

Если при этом нет даже полной погруженности в смысл произносимых слов, а только отвлечение от пустяков, суеты, забот, нечистых мыслей, и то это очень много. А если к этому — переживание хоть 1/100 читаемого, то душа приобретает этим неисчислимые сокровища.

Таинственная сфера искусства, такая пленительная, околдовывающая, — так мало приближает своих служителей к тому, что мы считаем истиной; для них обычные черты — эгоизм, гордость, жадность к славе, часто крайняя чувственность. Во всяком случае сфера искусства — не духовная сфера, а область чистой душевности.

Почему священники не ходят в театр? — Самый принцип театральности отвергается Церковью. Запрещаются маски, ряжение, переодевание в костюм

другого пола, так как все это подделка, двусмысленность, фальш. Даже смот-рение на это — какое-то участие. Что же касается актера — то чем с большим увлечением он играет, тем больший ущерб наносит своей душе, посе-ля в ней путаницу и ложь.

Почему так ярко воспринимают русскую национальность люди смешанной крови — Даль, Гершензон, даже Пушкин? Потому, что смесь разных кровей дает возможность рельефного, стереоскопического видения.

Читаю об исцелениях по молитвам о. Иоанна Кронштадтского и недо-умеваю: я склонен часто считать болезнь посещением Божиим и даже не всегда имею твердость молиться о выздоровлении больных, настолько признаю руку и волю Божию в болезни. Не есть ли молитва об исцелении вторжение в судьбы Божии? Что же такое тогда исцеление? Может быть, — освобождение от грехов, по молитве праведника и, как результат, — выздоровление.

Разрешение, отпущение грехов дается Богом в м е р у нашего покаяния и веры.

Как отличить истинное покаяние от формального, часто обманывающего самого кающегося? Стоит согласиться с ним, и если покаяние не исходит от глубины сердца, — то мигом оно переходит в самооправдание, недовольство, даже обиду.

Каждый человек имеет живой и убедительный опыт борьбы с грехом, радость победы над ним, сладость добра и молитвы.

Младшие дети в семьях или «дети старости» — обычно избранные: Св. Дева, Иоанн Предтеча, Исаак, Иосиф. Св. Тереза была последней из девяти. В сказках — отличен, именно в духовном смысле — младший. Верно это от того, что плотское, эгоистическое, страстное, ослабело в родителях, а духовное возросло.

Отчего у нас такая слепота к нашим грехам? — От пристрастия к себе. Мы, пожалуй, многое видим, но оцениваем неправильно, приуменьшаем, изви-няем, не придаем значения. Тенденция инстинктивная, мимовольная.

Наша, так называемая, реальная действительность — только полуреальна и мало действительна. Своим отношением мы делаем явления такими или иными, доделываем их, обращаем в добро или зло. Также и с людьми. Каковы они на самом деле — никому, кроме Бога, неизвестно; вернее, что они нечто зыбкое и пластичное, и мы формируем сами, часто по случайному признаку, воображаемую схематическую фигуру и потом сами же или восхищаемся ею или поносим ее. Насколько мудрее люди простые: они не выдумывают людей, а берут человека, как он есть, и без протеста принимают часто вопиющие диссонирующие качества.

Стремительное, неудержимое мелькание, уплывание часов, дней, годов, приводит иногда в отчаяние. Едва успеваешь жить, видеть семью. Трудно точно выразить свое чувство, — больно чувствуешь одновременно и остроту и силу своей любви и вместе и тщету и мучительную эфемерность ее.

Иногда наблюдаю состояние души, по всем внешним признакам как будто доброкачественное — человек часто и подолгу молится, любит бывать в церкви, все его интересы — там; а вместе с тем — он сух, жесток, никого не любит. Очень я плохо это понимаю: я знаю молитву, после которой меняется весь человек, но такая «изолированная» от всего остального молитва, думаю, не есть правильное, благодатное состояние, так как налицо в ней есть только первое и не самое важное — форма, а нет живых, ощутительных результатов.

Совершенно не основательно ожидать, что Бог нам откроется несомненно и полностью таким, какие мы сейчас. Но в словах Апостола — «Всякий любящий знает Бога... потому что Бог любовь». (1 посл. Иоанна) нам дается путь по которому надо идти.

Детскость утрачивается в жизни и восстанавливается в святости.

Человек приходит из бесконечности и в бесконечность уходит. Почему же в этот короткий миг своей жизни почти всякий средний человек так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из тесных и привычных рамок обыденности, и строит свою жизнь как будто нарочно так, чтобы вовсе не дать в ней места ничему духовному?

Большинство неразрешимых жизненных противоречий, несчастий, внутренних затруднений, о которых слышишь на исповеди, происходит от того, что люди живут вне Церкви, а искать разрешения своих трудностей приходят в Церковь. Ни решимости переменить свою жизнь, ни даже мысли об этом; — поэтому Церковь и бессильна им помочь. Войдите в Церковь, примите весь чин церковной жизни, и тогда трудности разрешатся сами собой.

Поклонение кресту, позорному орудию казни, отобрало христианству самых внутренне свободных людей.

Вся наша жизнь здесь построена по схеме пасхальных песнопений: с одной стороны — гроб, смерть, схождение во ад, с другой — воскресение, жизнь, радость. «Аще и во гроб снишел еси, бессмертие, но адову разрушил еси силу». Задача нашей жизни — чтобы в ней элементы рая и Воскресения торжествовали над силами ада и смерти.

Божье — любить ненавидящих.

Дьявольское — ненавидеть, оскорблять любящих.

Человеческое — любить любящих, ненавидеть ненавидящих.

Но — «будьте совершенны как Отец наш Небесный».

Чувство своей необычайной греховности часто бывает, особенно в юности, видоизменением той же страсти гордости. «Я необычен во всем, даже мои грехи сильнее и ярче, чем у других!»

«Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве»... — признание необходимости ритма в жизни христианина, чередование поста и молитвы с жизнью обычной. Указание глубокой мудрости: попытка без понижения удержаться на молитвенной высоте ведет к унынию и отчаянию.

Как соединить внимание к себе (аскетическое) и отвержение себя? — внимая своим грехам, мы этим отвергаем себя.

Не название греха, даже не психологически-точное описание, не рассуждения, хотя бы и правильные, о причинах и следствиях грехов, — а ощущение самой материальности греха, самой его стихии, боль и скорбь о нем, жажда освобождения от него — вот что важно.

Нельзя у с п л я т ь страсти, надо их и с к о р е н я т ь. Вот преимущество жизни в миру: она открывает нам, через столкновение с искушающими людьми и обстоятельствами, наши сердца.

Есть два рода людей по их способности к духовному, — если не опыту, то хоть пониманию.

Одни, — в разговоре с ними язык прилипает к гортани, — никакого отклика и резонанса, глухота и слепота. И это почти всегда люди благополучные, сытые, благоустроенные; они шутивы, остроумны, добродушны.

И другие, которые ловят каждое слово о духовном, понимают с полуслова, строги к себе, способны к покаянию и умилению, до боли чувствительны к чужому горю, — это больные, несчастные, умирающие. Раньше я боялся их, а теперь радуюсь всякой возможности быть именно в т а к о м обществе, и всегда сам получаю урок. Сколько прошло перед моими глазами случаев, когда безнадежно-плотские люди, под влиянием болезни, делались тонкими, одухотворенными, умилительными. Иногда, впрочем, бывает и наоборот: человек под влиянием несчастий как-то грубеет. И это ясно отчего — человек жадно кидается на жизнь, на счастье, ставит его выше всего, выше Церкви, Бога, любви к Христу и обрушившееся несчастье застаёт его врасплох, озлобляет, огрубляет его.

Болезнь не несчастье, а поучение и Божие посещение; больного преподобного Серафима посетила Матерь Божия и нас, если мы смиренно переносим болезни, посещают высшие силы.

Все мы счастливы уже хотя бы одним тем, что принадлежим к Православной Церкви, которая научила нас молиться, открыла всю вместимую нам мудрость и продолжает видимо и невидимо наставлять нас.

Мы знаем Путь и Истину и Жизнь. Сколько великих сердец и умов запуталось, погубило, не найдя истины, мы же этой истиной обладаем. Правда, некоторые из нас отпускают на время веревку, как учащиеся плавать, но все-таки и они знают, что путь один, а остальное — баловство и грех.

Живущий вне Бога человек сознает себя слабым, полным противоречий, подвластным греху и смерти. Таким же представляется ему и мир, а в то же время он жаждет обожествления для себя и для мира.

Это драматическое противоречие между явной ограниченностью мира и человека и его абсолютными желаниями разрешается христианством, которое насытило все алкания дохристианского мира. Бог, который воспринимался античностью, как человекоподобное существо, который для языческих религий был безличным в с е м, а для буддизма — и и ч е м, в христианстве становится Богом — любовью, дающей человеку познание, свободу, силу и спасение.

...Будем стараться, чтобы все наши поступки, вся наша жизнь были не сонным прозябанием, а возможно более сильным и полным раскрытием всех наших возможностей — и все это не когда-нибудь, а теперь, сейчас, всякую минуту. Иначе от слабой, неряшливой жизни неизбежно появится бессилие, дряблость души, неспособность к вере, к сильным чувствам, попусту будет растрачена жизнь и ее холодную накипь мы уже вряд ли сможем преодолеть — ее смог бы сжечь тогда только огонь настоящего подвига...

Мы можем уже констатировать, что сила действия христианских идей на человечество оказалась беспримерной. Это признают даже враги христианства. Ницше утверждает, что все человечество «развращено» христианством, что его психология, мораль насквозь проникнута христианским «декадансом»; Розанов (до его обращения к Православию) с ужасом и тоской констатирует, что люди окончательно отравлены «сладким ядом», и что среди отравленных и он сам. Мы не можем сказать, что вся история после Христа стала христианской, мы знаем, как, сейчас особенно, далеко до этого, но можно утверждать, что к а ч е с т в е н о она стала иной под влиянием христианских идей. Тесто поднимается под действием дрожжей, но не уподобляется им, дерево сгорает от огня, но пепел и уголь, остающиеся от него, не имеют ничего общего с огнем. Так и идеи, в их действии на человечество. Таково же было и преобразующее действие христианства на мир.

Христианство научило нас любить и ценить в человеке не его атрибуты и достоинства, а его существенное ядро — его душу, и это оно первое провозгласило абсолютную ценность и единственность в с я к о й человеческой души. Оно же смогло очистить человеческую душу от всего случайного и греховного и показать ее бесконечную красоту и божественную сущность. Все блага мира ничто перед этой ценностью души — «что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит?». Отсюда вся сила и

убедительность слов Христа, когда Он предостерегает от того или иного порока, убивающего душу. Если человек такая великая святыня, то каждое легкомысленное действие по отношению к себе или другому преступно, и разрешить его себе — это значит губить свое святое; каждый грех — это глубокая царапина на прекрасной картине, безобразная морщина на ангельском лице. Берегитесь греха — это значит — берегите себя от растления, разрушения, от смерти души.

Как дрожащие руки, воспаленные глаза, согнутая спина — естественное следствие дурно прожитой жизни, как ослабленная память, старческое слабоумие — результат грехов, так и более глубокое разложение личности произойдет отступлениями от божественного закона. Но в чем же тайна такой ценности нашего «я»? В том, — отвечает Евангелие, — что «мы теперь дети Божии» (Иоан. 32), что мы «свои Богу, род Божий». Это учение о причастности человека божеству, бывшее еще у Платона, в христианстве стало жизнью и подняло самосознание человека на небывалую высоту, открыв ему светлые перспективы будущего заповедью — «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Приближение света страшно и мучительно для лжи и греха. Страх Божий — начало мудрости, начало покаяния, начало спасения.

Наша слабая власть над нашими чувствами, слабый контроль над содержанием нашего знания — от отсутствия религиозной культуры. Отсюда внутренняя хаотичность современных европейских умов и дисциплинированность людей Востока, где все на основе религии. Вне этого всякая работа над собой бесплодна.

Суть дела не в поступках, словах, действиях, а в том, чем наполнено твое сердце. Добрый поступок не тот, который по видимости добр, а который исходит от полноты милующего сердца; также и злые слова и дела суть брызги из наполненного злой силой сердца. Быть добрым — это не значит натаскать себя на добрые поступки, а накопить тепло благодати в своем сердце, и прежде всего — очищением и молитвой. Как не простудиться на морозе? — быть внутренне согретым. Как не охладеть в мире? — обложить сердце теплотой благодати Духа Святого.

Молитва — искусство; неправильно поставленная молитва усиливает внутренний хаос, особенно у нервно-неустойчивых людей.

С начала Великого Поста читаю Исаака Сирина. Восхищаюсь, умиляюсь, духовно питаюсь им. Восхищаюсь силой его рассуждения, смелым, легким взлетом в самые заповедные сферы, умиляюсь благостностью, святой любовью, которой насыщен даже его слог (в прекрасном старом переводе Моск. Духовн. Акад. 1854 г.); питаюсь его мудрыми советами, всегда точными и конкретными, всегда сопровождаемыми любовью. Но вместе с тем и ужасаюсь: он пишет для монахов и требует от них так многого, что ввергает в безнадежность мирянина-читателя. На что же надеятся нам, погруженным в суету, ложь, злобу и страсти.

С грустью провожаю уходящий Великий Пост. В Посту так многое доброе делается легче, а злое ослабляется и завядает, так радостно видеть молящихся, говеющих, с волнением приступающих к св. Чаше. Как ни много разочарований и огорчений на исповеди, как ни велико количество вялых, равнодушных, омраченных грехом и страстями, но тоже не мало людей с чуткой совестью, беспощадных к себе, любящих Бога и жаждущих очищения. Всякая исповедь — урок и духовное приобретение и для священника.

К вопросу о том, отпускаются ли грехи тому, кто без достаточного раскаяния и веры приступает к Таинству, — еп. Иннокентий Херсонский говорит: «без этого (без веры, покаяния), сколько бы священник ни говорил «прощается, разрешается» — ты от Бога не получишь разрешения».

Пост усиливает дух в человеке. В посте человек выходит навстречу ангелам и бесам.

Корнилий сотник постился до 9 часа и тогда явился ему Ангел». То же и Петр (Деяния, гл. X). Связь между постом и мистическими способностями.

Условия, которыми окружил нас Господь, это — первая ступень в Царствие Небесное — это единственный для нас путь спасения. Эти условия переменяются тотчас же, как мы их используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов — в золото терпения, безгневия, кротости.

И достоинства наши нередко оказываются недостатками. Например, равнодушие к деньгам, к своему положению иногда вытекает не столько из доверия Промыслу Божию, как из лени и легкомыслия. Обломов тоже был равнодушен к своей карьере и Стива Облонский мог показаться бессеребряником.

С делами внутренними всегда плохо; не дай Бог, если мы увидим в один прекрасный день, что все у нас в душевном хозяйстве прекрасно. Так и будет плохо, пока Господь по бесконечному своему милосердию не примет нас всех к Себе — и сильных, и слабых, и больных грехами и праведных — хотя бы за нашу любовь к Нему.

«Глаза их исполнены любострастия и непрестанного греха» (2 Петр. 2, 14); «непрестанный грех» — ему противопоставляется «непрестанная молитва».

«Нечувствие», каменность, мертвость души — от запущенных и неисповеданных во-время грехов. Как облегчается душа, когда немедленно, пока больно, исповедуешь совершенный грех. Отложенная исповедь дает бесчувствие.

«Неврастения», «нервность» и т. п., мне кажется, просто виды греха и именно греха гордости. Самый главный неврастеник — дьявол. Можно ли представить себе неврастеником человека смиренного, доброго, терпеливого. И обратно — почему неврастения выражается непременно в злобе, раздражительности, осуждении всех, кроме себя, нетерпимости, ненависти к людям, крайней чувствительности ко всему личному?

Поистине ужасна та легкость, с которой мы сдаем свои позиции, часто с трудом завоеванные. Ведь стоит нам заметить малейшее проявление недоброжелательства к себе, укора или насмешки — все наше расположение к человеку исчезает бесследно. Мы хороши, пока с нами хороши. Но ведь это не имеет ни малейшего отношения к тому, чем должно быть настоящее братское отношение к людям.

Примерный год «нормального» православного: «удачная» исповедь — некоторый подъем на 1/2 дня. Уже на другой день — срыв: спохватываешься. Через час (день) — новое грехопадение. Спыхватываешься, но не так энер-

гично. Потом — одно за другим, машешь рукой и погружаешься в беспросветную «безболезненность» на весь год — до следующего Великого поста. Тогда снова подтягиваешься, вспоминаешь о предстоящем говении и т. д. Таким образом Богу, духовной жизни по настоящему отдается семь-десять дней из всего года.

О том, чтобы молиться нам «чужими» молитвами (гордое противопоставление «своей» молитве): пример нам Христос. Его молитвенные вопли на кресте — «цитаты» из псалмов — «Боже мой, вскую мя оставил еси» — Пс. 21, 2. «В руки Твои передаю дух мой» — Пс. 30, 6.

«В нем открывается благодать Божия от веры в веру» (Рим. 1, 17), — очевидное утверждение о ступенях веры.

Pia fraus у православных. Рассказ о келейнике, ложью примирившем поссорившихся старцев. Совет о. Иоанна Кронштадтского не только не передавать дурных отзывов, но передать лучше несуществующие хорошие. Вообще нечувствительность Православия к некоторым видам лжи. По моему, это происходит от некоторого пренебрежения к житейской действительности. Наши дрязги, ссоры, злоба — это «не-сущее», хотя оно как-то существует, в то время, как выдуманное доброе более реально, хотя оно и выдуманно.

Не может не быть удачно дело, начатое с м о л и т в о й — потому, что оно начато с любовью, надеждой, верой.

Довод для материалистов и атеистов — религия п о л е з н а для души и даже для тела. Духовный мир — лучшее средство от всякой болезни — и дается он только религией.

Нам непонятны многие божественные истины — но ведь непостижимость, необъятность их — их свойство. Чтобы мы, со своим ограниченным человеческим сознанием их могли целиком охватить — мы должны сами стать наравне, стать божественными.

В нашей теперешней жизни все так неверно, шатко, тяжело, почти непереносимо, что смерть совсем не кажется чем-то страшным. Я часто думаю о смерти, как о спокойном светлом пристанище, где нет болезней, печалей,

а главное — нет разлуки. Когда я на утренней и вечерней молитве поминую многих дорогих людей, то в минуты грусти мне почти радостно думать, что я буду с ними, и жизнь их кажется вернее нашего призрачного существования.

Всегда лучше преодолевать сомнения и несчастья, не обходя их и не отстраняя, а проходя с к в о з ь них.

Если разделить несчастье на хронологические моменты, то иногда несчастье не окажется ни в одном из них.

Природа, или вернее, Бог-Промыслитель, каждому возрасту диктует свой религиозный режим. С наступлением старости уменьшаются возможности телесные и улучшаются условия нерассеянной внутренней жизни: уменьшается подвижность — больше времени для молитвы; притупляются органы внешних чувств — меньше рассеяния и больше внимания к своему внутреннему миру; меньше способность переваривать тяжелые, утучняющие вещи — естественное расположение к посту; вынужденное целомудрие. Блажен тот, кто поймет эти знаки и сам пойдет навстречу промыслу Божию о нас и постепенно изменить в своей жизненной постройке материалы тленные — несгораемыми и неразрушимыми материалами.

Часто самые страшные самобичевания, взрывы покаяния моментально исчезают от тени только признания духовником греховности кающегося. И в этом проверка источника покаяния — истинное ли оно или это только истерическое удовольствие самообнаружения, хотя бы и с возведением на себя всех возможных грехов.

«Водворяясь в теле, мы устранены от Господа» — ибо мы ходим верою, а не «видением», *per fidem ..et non per speciem...* (2 Кор. 5, 7). Насколько «устранены» — неужели полностью? Сидим в сени смертной, в преисподней? Это моя обычная скорбь и ощущение. Выход — таинства, молитва.

Постоянная моя мысль — о недоступности для нас Бога, о Его бесконечной отдаленности от нас, о том, что даже когда мы приступаем к Божественной Евхаристии, когда мы принимаем Божественное Тело и Кровь — Господь остается в других мирах, безнадежно от нас отдаленных. Только Божия Матерь «одна из нас», «рода нашего» с такой легкостью поднялась выше серафимов; а это было до воплощения Христа; значит, есть воз-

можность близости. Лишь дети, наиболее «детские», вероятно, близки к Богу; но остальные? Почему нужны такие сверхчеловеческие усилия (подвижники), чтобы из миллионов один увидел ангелов, беседовал с Богом, молился бы, получая ответ? Откуда эта чугунная толща грехов, непроницаемая для Бога, для Св. Евхаристии, для жертвы Христа, для Любви Его.

Обращение на себя, автоэротизм — начало всякого греха.

Смех (не улыбка) духовно обессиливает человека.

Разве есть во мне, при всей моей худости, хоть что-либо, что сознательно воспротивилось бы Христу, когда Он придет во всей своей славе? Разве не бросится к Нему неудержимо всякая человеческая душа, как к чему-то долгожданному, бесконечно желанному.

«Помянник» нянек — из десятков имен (уж непременно вся своя деревня); у «интеллигентных» — 5-6 имен.

Наша терпимость к инославным и вообще терпимость к различию богословских мнений должна питаться, прежде всего, Евангелием и Церковью — ведь христианство Иоанна совсем не то, что христианство Петра, и христианство Франциска Ассизского не то, что христианство ап. Павла. Так же и с отдельными странами и народами. Полная истина есть нечто абсолютное и потому несовместимое с миром; мир и человек по существу своему ограничены, и потому ограниченно принимают истину христианства, а так как у каждого народа и человека своя ограниченность, то и христианство в их восприятии выходит особым, оставаясь по существу тем же. И дары Духа также различны, как в отдельных людях, так и в народах.

Из всех христианских исповеданий ни одно так живо не чувствует личность Христова, как Православие.

В протестантизме этот образ далек и не имеет личного характера. В католицизме он — вне мира и вне сердца человеческого. Католические святые видят его перед собой, как образец, которому они стремятся уподобиться до стигматов — гвоздинных ран, и только православный — не только святой, но и рядовой благочестивый мирянин — чувствует Его в себе, в своем сердце. Эта интимная близость с Богом не имеет ничего общего с западной экзальтацией и сентиментализмом, и эта трезвость православного

религиозного чувства исключает всякий романтизм и ханжество. В православии русское религиозное чутье счастливо избегло как рационализма, куда его мог увлечь русский здравый смысл, так и безудержного мистицизма, к чему его тянуло то свойство русской природы, которое Достоевский определил, как стремление преступать черты и заглядывать в бездны. Все же эти свойства, отчасти, остались в русском характере и ими объясняются многочисленные секты в православной Церкви, распадающиеся как раз на две главных группы, сообразно этим двум особенностям русского характера.

В своем малом они достигают величайших результатов, а мы в своем величайшем прозябаем в ничтожестве — о православии и протестантизме.

Важны не идеи, а факты и реальности. Христианство стоит на фактах, которые надо или отвергнуть с достаточными основаниями, или признать со всеми выводами.

Факты эти двоякого рода.

1. — Христос, Его жизнь, смерть и воскресение, описанные в Евангелии. Опровергнуть все, признать Евангелистов лжецами и сознательными обманщиками — это очень трудно; фантазерами и визионистами — тоже. Если вчитываться в евангельские рассказы, особенно о воскресении, если читать без предрассудков, предубеждений — свободной душой, то невозможно не увидеть, что все это так и было; это — самая простая и естественная гипотеза.

2. — Вторая группа фактов — это жизнь, чувства, чудеса и молитвы свягих и просто верующих людей, факт необыкновенного расцветания людей в христианстве, преодоление ими болезней, старости, смерти, преображение их душ; — об этом говорит житие каждого святого. Неужели «научно» можно объяснить факты из жизни Серафима Саровского, св. Франциска или Иоанна Кронштадтского?

...Разве не чудо, что древний мир, тогдашний мир. — утомленный, разложившийся, дряхлый, так быстро принял юношескую свежую силу христианства? Да, поистине, явление христианства есть чудо Божьей силы.

Христианство покорило мир без насилия, оно воспитало молодые народы, создало христианскую культуру, которою мы живем и по сей день, оно смягчило нравы — в суде, в социальных отношениях, возвысило значение женщины, создало христианскую науку и искусство. И мы законные наследники этих богатств. Но мы не всегда чувствуем себя ими. Тоненькая нить, готовая

оборваться, связывает нас с Церковью. Будем стараться обновлять в себе мысль о нашем «благо-рождении», о высоте нашего христианского звания. Ведь христиане — это особая порода людей — «по тому познают что вы мои ученики» — т. е. такими, несмотря на всю нашу скудость мы должны быть.

Вопросы для размышления перед исповедью нераскаянным грешникам («ну, какие у меня грехи»... «нет, особо ничем не грешен»).

1. Почему святые считали себя первыми грешниками?

2. Что значит «будьте совершенны, как Отец ваш Небесный?».

3. «Вот и Небеса недостаточно чисты перед Ним и в Ангелах Своих Он находит недостатки» (Иов. 4, 18).

Почему духовнику не противен грешник, как бы ни были отвратительны его грехи? — Потому что в таинстве покаяния священник созерцает полное разделение грешника и его греха (если он действительно кается).

Не всякий больной может вынести тяжелую операцию, не всякий исповедующийся способен вынести настоящую исповедь. Как операция, может быть и необходимая, может убить больного, так зрелище своей греховности, если ее разом вызвать из подполья души, может быть убийственно для человека. Приходится снисходить и до времени питать больного укрепляющими средствами.

Закон Джемса Ланге в религиозной жизни.

— Надо прибегать к известным словам, жестам, знакам (крестное знамение, поклоны, коленопреклонения) для того, чтобы возбуждать и поддерживать в себе религиозную настроенность.

Но, скажут, чего стоит эта настроенность, если она является результатом искусственных и внешних приемов?

— Но телесные и психические процессы тесно связаны между собой и взаимно влияют друг на друга, и ничего унижающего духовную жизнь нет в том, что — не всякие, — а символические позы и жесты влияют на духовную жизнь: все наше тело в его формах и линиях не случайно — «образ есмь неизреченныя Твоя славы» — и священные и символические выражения и жесты влекут за собой духовно высокие состояния в душе и духе.

Сущность духовной слепоты — невидение Истины. Разны виды ее — иная слепота людей, отягченных пьянством, объядением, тяжелыми заботами житейскими, блудников, блудниц, грешников; иная — Савла и учеников Христа, иная фарисеев. Первые две от незнания и, главным образом, от неправильных, глубоко укоренившихся взглядов, вторые — от страстей чувственных, потемняющих наше внутреннее зрение, а последняя — от гордости. Спасаются и первые и вторые, третьи — гибнут.

Осуществленное, проведенное в жизнь, хотя и самое малое добро, живой опыт любви, бесконечно больше двинут нас вперед, отвратят всякое зло от нашей души, нежели самая жестокая б о р ь б а с грехом, сопротивление ему, нежели самые строгие аскетические меры обуздания темных страстей в себе.

Болтливость — сущность ее с одной стороны в отсутствии смирения, с другой — в самоуслаждении примитивным процессом самообнаружения, что ли, приятности извергаться журчащим ручейком. При этом сразу — общее понижение духовного уровня, распушенность, внутреннее расслабление и рассеянность. Средства борьбы: постоянное бодрствование, придавание символического значения всему окружающему, возбуждение в себе серьезного, духовного интереса к собеседнику.

«Болят ли один член — страдает все тело» — о Церкви (Кор. 12, 21), а если мы этого не чувствуем, — мы не в Церкви.

«Я ищу истины». — Счастье, если при этом делается ударение на последнем слове — «истина». Много хуже, если с гордостью подчеркивают слово «ищу», гордясь положением постоянно стремящихся к истине — «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания ее» (2 Тим. 3).

Совсем плохо, что бывает чаще всего, когда ударение делается на слове «я».

«Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный» (Лк. 58), здесь страх перед появлением благодати Божией.

Неправильно впечатление — всегда кроткого, всех милующего и прощающего Христа. Он бывал и грозным и страшным. Приближение света

страшно и мучительно для лжи и греха. Страх Божий — начало премудрости, начало покаяния, начало спасения. «Потому что я человек грешный» — вопль покаяния.

Работа над собой и своими анархически автономными нервами очень облегчается, делается совсем легкой, от правильной установки внимания и воображения. Мы непременно будем спотыкаться на каждом пустяке, пока в нашей душе не станет отчетливо, ярко и убедительно то, что не пустяк, когда влечение к этому главному — всей душой, всем сердцем, всем разумением — поставит на место те пустяки, которые отравляют нам повседневную жизнь.

Есть три ступени борьбы с «нервами» — лечение, самоконтроль и, главное, — созидание в душе высших ценностей.

Часто слова молитв и псалмов не трогают нас, кажутся нам чуждыми, непонятными по своему внутреннему чувству. И это совершенно понятно, так как вся обстановка, весь уклад нашей внешне благоустроенной и внутренне пустой жизни так мало соответствуют тем пустыням, монастырям, где слагались молитвы, всему духу, который их внушил. В редкие моменты жизни — в большом горе, одиночестве, если временно уйти от плена мира — как от сердца идут, как твои собственные, вопли к Богу, «Боже, в помощь мою!» Как тогда понятен становится опыт затворников и молчальников!

Неумеющим видеть свои грехи рекомендуется обращать внимание — какие грехи видят в них близкие люди, в чем упрекают. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки.

Засыпает ли душа после смерти и остается в усыплении до Страшного Суда, или нет, это субъективно безразлично: и в том и другом случае можно сказать, что сейчас же после смерти наступает для умершего окончательный Страшный Суд; ведь, вероятно, за время от смерти до воскресения на суд сознание не действует.

От скорби по умершим не защитит нас ни естественная наша привязанность к жизни, ни мужество перенесения страданий, ни житейская мудрость, ни даже вера, как бы ни была она велика. Смерть — явление дву-

стороннее: умирает уходящий от нас, и в этом процессе болезненного разделения болит и замирает и наша душа. Но для христианина заказан путь беспросветной скорби, мрака и уныния; он не должен отступать перед страданиями; он не должен бессильно коснеть в нем; он должен всем напряжением своих духовных сил пройти с к в о з ь страдания и выйти из него укрепленным, углубленным, умудренным.

Пусть наша вера и вообще наша духовная жизнь слабы, но ведь наша любовь к почившим, ведь она то не слаба; ведь от того и скорбь наша так велика, что велика наша любовь. Так пусть она же, эта наша любовь выведет нас из мрака скорби. Напряжением нашей любви переступим и мы тот роковой порог, который переступили они. Войдем усилиями нашего воображения в тот мир, в который вступили они, дадим в своей жизни больше места тому, чем они сейчас живут, — и постепенно, незаметно наша печаль обратится в радость, которую никто от нас не отнимет.

Разговор с X о посте.

X. — На чем основано разделение на постное и скоромное? Почему рыбу можно убивать, а быка нельзя?

Ответ. — При назначении постной пищи Церковь совершенно не руководится сентиментальными соображениями, как вегетарьянство или индуизм, а чисто физиологическими — устраняется то, что «утучняет» и возбуждает.

X. — На меня пост действует отвратительно: я слабею, делаюсь неспособен к работе, мое нормальное душевное состояние вполне зависит от того, сыт я или нет. Поэтому я не понимаю — для чего надо себя истощать.

Ответ. — Я вам разъясню это, если вы мне скажете достаточно ли отчетливо различаете вы в себе сферу душевную от духовной.

X. — Нет, не ясно.

Ответ. — Следовательно, вы и не можете наверно утверждать, что истощение тела вредит духовной (а не душевной) жизни. Я же могу привести вам примеры обратного — что пост развивает духовные силы: молиться вы не станете, наевшись; к умирающему не пойдете, выпив шампанского; страдающего лучше утешите, когда вы не пресыщены.

X. — Но все это было хорошо в те времена, когда вся жизнь была приспособлена к церковной жизни. А теперь приходится поститься ни в чем

не изменяя обычной работы, встреч с людьми, отчего проигрывает работа, появляется раздражительность. Надо бы когда постишься уехать куда-нибудь в монастырь, отойти от обычной жизни.

Ответ. — Не будьте максималистом и не откладывайте исполнение того, что велит вам Церковь до наступления условий XVII века. Многого можно добиться и теперь. Пример — наши няньки, прислуга, крестьяне.

Х. — Это не очень удачный пример. Я никогда не видел прислугу в таком раздраженном состоянии, как в последние дни Страстной недели. Очевидно пост очень дурно действует на нервы.

Ответ. — Вы совершенно правы; но пост есть дело совершенно внешнее, техническое, подсобное и, если оно не сопровождается молитвой, усиленной духовной жизнью, то дает только повышенное раздраженное состояние. Естественно, что прислуга, которая постилась всерьез, и которую заставляли на Страстной усиленно работать, не пуская в церковь, злилась и раздражалась.

Смысл поста:

Послушание Церкви.

Облегчение тела — «помышления смертных нетверды и мысли ошибочны, потому что тленное тело отяжеляет душу».

Упражнение воли, самоограничение, отказ, жертва.

В общежитии существует коренное непонимание поста. Важен не сам по себе пост, как и е я д е н и е того-то и того-то или как л и ш е и е себя чего-либо в виде наказания; — пост есть лишь испытанный способ достигнуть нужных результатов — через истощение тела дойти до утончения духовных мистических способностей, затемненных телесностью и этим облегчить свое приближение к Богу.

Как в наркозе, в опьянении, во сне — так и в посте человек проявляет себя — у одних проявляются высшие способности духа, другие делаются только раздражительны и злы; — пост открывает истинную сущность человека.

Работа, правильно-религиозно поставленная, не может привести к переутомлению, неврастении или сердечной болезни. Если это есть, то это знак, что человек работает «во имя свое» — надеясь на с в о и силы, с в о й шарм, красноречие, доброту, а не на благодать Божию.

Как бывает правильно поставленный голос, так бывает и правильно поставленная душа. Карузо пел без утомления; Пушкин не мог сказать, что писание стихов утомительно; соловей поет всю ночь и к утру его голос не слабеет.

Если мы устаем от нашего дела, от общения с людьми, от разговора, от молитвы — это только потому, что душа наша «неправильно поставлена». Бывают голоса «поставленные» от природы; другим приходится добиваться того же продолжительными трудами, искусственными упражнениями. Так и с душой.

Болезнь и мудрость. Доказывая ритору Евдокию его предрасположенность к занятиям философией, Платон, как аргументы, приводит возвышенность души, тихий нрав и болезненность, телесную немощь; и это Платону кажется немаловажным в деле «любомудрия».

Схема отношений к людям часто бывает такова — человек очень нравится, искренно идеализируешь его, не видишь ничего плохого. И вдруг прорвется человек в чем-либо — солжет, расхвастается, струсит, тебя же предаст. И вот делаешь переоценку, перечеркиваешь все, что видел раньше (и что все-таки продолжает существовать) и выкидываешь человека из своего сердца. Я давно понял, что это неправильный и грешный способ отношения к людям. В основе такого обращения с людьми лежат две неосознанных мысли: 1) я — вне греха; 2) и человек, которого я полюбил, тоже безгрешен. Как же иначе объяснить и резкое осуждение других и удивление, когда хороший, добрый, благочестивый человек согрешит. Это выводы из горестных размышлений о своем собственном сердце и сознание, что сам способен на всякий грех.

А между тем, норма отношения к нашим близким, — прощать без конца, так как мы сами бесконечно нуждаемся в прощении. Главное не забывать, что доброе, что мы ценим — оно остается, а грех всегда тоже был, только его не замечали.

Во сне мы испытываем иногда такие высокие и напряженные состояния молитвы, умиления, радости, на которые почти не способны в бодрствовании. Нельзя ли это объяснить пассивностью нашего тела во сне? — оно не мешает.

Письмо N о пустующем новом прекрасном только что отстроенном храме — «молящихся почти никого». Мне все более кажется, что наши декоративные, пышные богослужения должны кончиться, уже кончились внутренне. Они искусственны, не нужны, они не питают более жаждущих душ и должны замениться иными, более активными и более теплыми видами религиозного общения.

Как не похожи наши богослужения, со священником, отделенным стеной иконостаса, с охлаждающим расстоянием паркета между молящимися и Св. Престолом, с прохладными сквозняками между отдельными «посетителями» — молящимися, с тщетно выносимой Св. Чашей и упорным отказом «приступить» — как все это не похоже на богослужебные собрания апостольского века и периода мученичества. Падает религиозность и выше поднимаются декорации, гаснет горение душ и ярче блестят позолота и электрические люстры.

Стояние в церкви, даже ленивое и рассеянное, не остается без плода; если обратиться на себя внутрь, когда стоишь в церкви, то увидишь, что в этот момент способен на многое доброе и легче удержаться от злого, легче простить, сохранить мирным свое сердце.

Через тысячи препятствий, которые создает нам наша многозаботливая и суетная жизнь, преодолев вялость и леность нашей души, мы достигаем Св. Чаши, и Господь принимает нас «причастниками» — участниками Тайной Вечери. Это участие — причастие — великая радость и источник силы. Но не надо обольщаться. После Тайной Вечери учеников Христа ожидали тяжчайшие искушения; на их глазах Божественный Учитель, Которого они признавали Христом — Мессией, грядущим царем Израиля и мира, Сыном Божиим, был схвачен, подвергнут унижительному суду, истязаниям и всенародно казнен, как преступник, вместе с разбойниками, оказавшись беспомощным перед людской злобой. И только пройдя через эти искушения, они удостоились созерцания ослепительного света Св. Пасхи.

И мы выходим на искушения из храма, согретого нашими молитвами и молитвами тех, кто молился в нем до нас, в мрак и холод внешнего мира. Нас ждут искушения этого мира и самые большие искушения — нашей собственной души. Да поможет нам Христос, с которым мы соединяемся тесными

узами, преодолеть и преодолевать эти искушения и дальше и донести нашу радость до следующей Пасхи, а то и до той Пасхи, когда мы будем вкушать новое вино в не вечернем дне Царствия Небесного.

Думается, что Церкви надо освободиться от балласта маловерующих и неверующих (как это произошло в России), подобраться, почиститься от чуждых элементов, и это усилит Ее сияние.

И ад и рай уже отчасти имеем мы здесь на земле — в страхах наших и в опыте добра.

Разве наши достоинства оправдывают нас перед Богом?

Если наша правда, наши добрые дела, наши подвиги даже и действительно велики, — что они перед Правдой Божией, что такое наш свет перед непреступным светом Божией Славы, что наша красота перед нетленной красотой садов эдемских? Немного больше, немного меньше, это как земные расстояния — два километра, два миллиона километров ничто в сравнении с расстояниями звездных миров. Важно не количество наших добрых дел, а направление нашей жизни: вправо или влево, + или —, к добру или к злу, к Богу или к тьме.

В тот момент, когда человек с благодарностью примет от Бога посланные ему страдания, он сразу войдет из них в такой мир и счастье, что всем кругом него станет светло и радостно. Лишь бы пожелать этого — и Бог пошлет.

Жизнь — тяжелое испытание и наши горести не оставят нас до смерти: идиллии и комфорта христианин не будет иметь никогда. Зато и радости, которые посылает Бог христианину, не сравнятся ни с какими радостями «мира сего».

Очень часто несчастье кажется нам громадным, потому что мы увеличиваем его совершенно необязательными элементами: ожидание несчастья, подготовительные моменты, резонанс в сердцах близких, промежутки между моментами действительных страданий, в которые страдаем по инерции, воспо-

минание о только что прошедшей боли. Если, по православному, жить полностью каждого момента жизни, то несчастье будет этим сильно обезврежено, если не преодолено совсем.

Каким образом телесные состояния могут влиять на дух? Как может случиться, чтобы поклоны, крестное знамение, произнесение святых слов — могли привести в движение нашу душу? Нормально, что мотор приводит в движение колеса; но бывает, что вялый негодный мотор никак не может начать работать, пока не станешь толкать автомобиль и вертеть колеса.

Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и действие слова независимы от психологии говорящего. Если бранное, грязное слово сквернит и ранит душу произносящего и даже слушающего, то святые слова молитв, даже рассеянно повторяемых, тонкими штрихами покрывают нашу память, ум, сердце и производят над нами благу работу, нам неведомую.

Мир крив и Бог его выправляет. Потому страдал (и страдает) Христос и страдали все мученики, святые, преподобные — и мы, любящие Христа, не можем не страдать.

«Вижу во грехе лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту» — против аскетов, говорящих о тленности тела, о неценности и временности человеческой красоты; временна не красота (потому, что она — «по образу Божию»), а тело наше.

Наша жизнь на земле есть подобие, реальное отражение жизни невидимой, и надо здесь нам жить не той упрощенной обезбоженной видимостью жизни, как мы живем обычно, а полной истинной жизнью, неразрывно связанной и имеющей общую природу с жизнью божественной. Это относится ко всему, и главному и второстепенному. От нашего отношения к Богу до каждого нашего самого незначительного слова и поступка. В частности, в вопросе брака — то, что люди свели на плоскость физиологического акта, прикрытого бытовыми обрядами, — есть высшее раскрытие личности человека, достижение завершенной полноты ее в таинственном соединении двух, имеющее о себе слова Апостола, уподобившего это соединение союзу Христа и Церкви.

Х мне пишет: «субъективно я очень близка к религии, она мне нужна — Церковь и все прочее. Но ведь дело не в этом, а в Объективном, а этого я ни разу не почувствовала». Что на это можно сказать? Во-первых, на это и в е р а, а не знание.

Прямое богообщение было у Моисея, у святых — в редкие минуты. В этом смысле наша вера есть вера (и знание) их веры.

Но если бы — невозможный случай — святых не было, и мы не имели бы ни одного достоверного случая богообщения (а мы имеем их тысячи) — и все же, каждый из нас имеет слабый, по нашей слабости, но достоверный опыт богообщения.

Именно, когда мы говорим о богообщении, мы или з н а е м, о чем мы говорим, или говорим бессмыслицу. Говоря о Боге, мы Ему приписываем два признака — формальный, что Он объективно существует, и реальный — что Он — Любовь.

«Что мы п о з и а л и Его, узнаем из того, что соблюдаем заповеди Его, «Из сего узнаем, что мы — в Нем». «Кто любит брата, тот пребывает в Свете».

«Всякий любящий знает Бога»... «...потому что Бог есть Любовь» — все это из 1-го послания Св. Иоанна.

Совершенно неосновательно ожидать, что Бог нам откроется несомненно и полностью таким, какие мы сейчас. Но в этих словах Св. Апостола нам дается нить, по которой (нет других путей) надо идти к Богу.

Кроме того, все же невозможно откинуть всю евангельскую историю, чудеса и учение Христа, Его самосознание, как сына Божия, Преображение, Воскресение и Вознесение, явное и объективное сошествие Св. Духа на апостолов, весь последующий сонм святых. Или придется встать на плоскую, философски несостоятельную точку зрения отрицания всего этого, или же, признавая объективность и реальность всех этих случаев Богоявления, спросить себя: «почему же мне трудно принятие всего этого?», — а ответ на этот вопрос ясен.

Была ли у меня, как у многих бывает, встреча отчетливая, несомненная с Объективным? — Прямо скажу — нет; но очень много частичных прикосновений: в редких случаях совершенно самоотверженной любви, иногда в молитве, особенно во время богослужения — определенно чувствуешь выход из себя и вхождение в тебя «не твоего»; во многих случаях жизни, когда явная помощь Божия не может быть объяснена никак иначе; это — уже не

вера, а знание, — точные и понятные сигналы с того света. Все остальное — вера, «любовью к Богу споспешествуемая».

Особый наш крест — отдаленность наша — по времени, от времен Христа. Но «блаженни невидевшие и уверовавшие». Как труден путь ко Христу сейчас, когда мы не видим ни Христа, ни людей только что видевших Его, когда мы почти не видим людей, действительно любящих Его.

Представить только, что мы м о г л и б ы (только временем отделены мы от этого) видеть Христа своими глазами, слышать Его, слышать проповедь Павлову или Петрову!

Предмет моих постоянных размышлений и наблюдений — греховная психология, вернее, психический механизм падшего человека. Вместо внутреннего постижения — рассудочные процессы; вместо слияния с вещами — пять слепых чувств (поистине «внешних»); вместо восприятия целого — анализ. К райскому образу гораздо ближе люди примитивные, с сильными инстинктами, неспособностью к анализу и логике. Какую греховную работу мы совершаем над детьми, развивая в них все черты падшей души.

Почему так трудно дается людям вера, откуда эти сомнения, периоды упадка, отчего она временами вовсе уходит, хотя мы бы все дали чтобы ее удержать. Во-первых — тут прямое дьявольское искушение. Удивительно было бы если этого не было в самом для нас главном. Во-вторых, мы часто хотим и ждем доказательств, т. е. отступаемся от подвига веры, ищем прямого знания. Но все же каждый имеет хоть небольшой о п ы т веры, опыт ее животворности и за это надо держаться.

Люди многое способны понять в жизни, многое тонко подмечают в чужой душе, но какое редкое, почти не существующее явление — чтобы человек умел видеть самого себя. Тут самые зоркие глаза становятся слепы и пристрастны. Мы бесконечно снисходительны ко всякому злу и безмерно преувеличиваем всякий проблеск добра в себе. Я не говорю уже о том, чтобы быть к себе строже, чем к другим (что собственно и требуется), но если бы мы приложили к себе хотя бы те же мерки, как к другим — и то как на многое это открыло бы нам глаза. Но мы безнадежно не хотим этого, да и не умеем уже видеть себя, и так и живем в своей слепой успокоенности.

А наша духовная жизнь даже и не начиналась, и не может начаться, пока мы не сойдем с этой ложной позиции.

Если есть дружба, даже не дружба, а просто хорошие отношения, то прежде чем рвать их из-за какого-нибудь недоразумения, надо применить правило Иисуса сына Сирахова, как бы очевидно ни была вина друга:

Гл. 19 ст. 13. «Расспроси друга твоего, может быть не сделал он того; а если сделал, пусть вперед не делает» (какое евангельское терпение и кротость!).

Ст. 14. «Расспроси друга твоего — может быть не говорил он того; а если сказал, пусть не повторяет того».

Ст. 16. «Не всякому слову верь».

Ст. 17. «Иной погрешит словом, но не от души, и кто не погрешил языком своим?»

Особенно важно последнее — кто не погрешил словом? Как часто мы говорим злые, обидные, лживые слова в раздражении, малодушии, легкомыслии, слабости или одержимые другим грехом — кто считает себя свободным от этих грехов.

Как любить врагов? — Мы неуязвимы для зла, когда мы в панцире Духа, когда зло людей до нас дойти не может, когда мы с жалостью к любовью смотрим на причиняющих нам зло. Это так же, как не страшно быть на морозе с запасом тепла внутри, — например, после пробега на лыжах.

Не надо смешивать это состояние беззлобия с самодовольной забронированностью от мира.

Анализ покаяния, — боль от греха, отвращение от него, признание его, исповедание, решимость и желание избавления, таинственное преображение человека, сопровождаемое слезами, потрясением всего организма, очищением всех этажей души, чувство облегчения, радости, мира.

Нет ничего случайного на свете. Тот, кто верит в случай — не верит в Бога.

Чисто моралистическое отношение ко злу в себе, стремление к самосовершенствованию — есть поверхностное и совершенно бесплодное занятие. Если мы без Бога увидим всю бездну зла в себе — положение наше пока-

жется нам безвыходным. Если же мы понадеемся помимо Бога достигнуть полной праведности — то это нас уведет в другой тупик — самообожения.

Выход возможен и в том и в другом случае — в признании Божьей руки над нами.

Путь ко Христу для всех нас — отвержение своего человеческого естества, смирение — «мне должно малиться, Ему расти» (Иоанн 3), радоваться слыша голос Жениха. Идя ко Христу, нельзя миновать подвига Предтечи.

Если мы примем решение во всем всегда следовать голосу совести, так как это голос Божий в нас, то эта решимость разовьет в нас утерянный орган богообщения.

Понятно, почему протестующими, беззаконниками, врагами Божества — являются Каин и его потомство, Хам и все духовные «хамиты». «Закон Божий» — это не их закон, он чужд и даже отвратителен им. Напротив, кроткие по духу «сыны Авеля» видят в законе божественном нечто свое родное, чему они добровольно и охотно покоряются, так как они «сыны Божии»; как мы, например, охотно подчиняемся традициям и а ш е й семьи, школы, обычаям и а ш е г о народа.

Каин и Авель (Исав и Иаков) — родоначальники двух типов людей: кроткие, пассивные и непредприимчивые «авелиты» и воинственные, активные, изобретательные «каиниты»; в частности — славяне и западные европейцы.

«Эллинизм» у святых отцов — у св. Григория Богослова «я достиг аттического совершенства» (письмо 128); непрерывно цитирует Гомера, Пиндара, стоиков, Платона, вспоминает об Афинах.

Сократ по душевному своему складу православен; одна из существенных черт православия — озаренные благодатью сердца «в глиняных сосудах» (Кор. 4, 7). То же пленяет и у Сократа.

Сегодня, объясняя мистику Сократа, я наткнулся на такой образ. Как он заставлял «рождать» своих собеседников собственную мысль. Своими вопросами он создавал страшно разреженную атмосферу вокруг своего собе-

сединка, он уничтожал все ответы и решения, взятые готовыми, со стороны: наконец, собеседник чувствовал себя как мышь под колоколом воздушного насоса, он идейно задыхался и с напряжением и натугой рождал в эту пустоту с в о ю мысль.

В эвристическом методе Сократа поразительны смирение и кротость. Вместо того, чтобы сразить оппонента одним резким ударом — терпение матери, ведущей ребенка, подымающей его много раз и опять направляющей.

Всякое богословствование, познание учения Церкви имеет смысл, даже больше — возможно, только от полноты любящего и верующего сердца. Тогда оно плодотворно, осмысленно, жизнеспособно и тогда оно — естественное следствие живущей во Христе души.

После грехопадения, человек утерял и способность познания Бога, как вообще утерял себя, и только пришествие Спасителя в мир дало человеку возможность восстановить свою способность Богопознания.

Есть два вида нечувствия; первое — натурального плотского человека, сытого, благополучного, второе — нечувствие человека грешного, падшего.

Первый не знает духовной области, второй — выпал из нее. Первый не дорос, второй — потерял.

Как радостно бывает видеть явные плоды действия на душу веры, любви ко Христу. Вот сегодня — признание N о том, что, после его горя и обращения за помощью в Церковь, он чувствует себя совершенно преображенным, — то, что было привычно-скудно, почти мертво, наполнилось живым реальным содержанием, весь мир зазвучал по иному. Да, только опыт, единственно собственный опыт может привести к этому чувству жизненности и правды Церкви и учения Христова. И, как ни горько сказать, — страдания обычный путь к этому.

Для людей нашего строя жизни, смерть является неожиданностью, нелепостью, она никак не гармонирует и не вяжется со всем предшествующим. А так как смерть — явление высшего божественного порядка, то значит весь строй нашей жизни не вяжется с строем божественным.

Смерть всегда зло и ужас, будет ли это смерть старца или ребенка, грешника или праведника. Смерть всегда победа дьявола, временная, но все же победа. Тело наше, созданное для бессмертия, подчиняется злему закону смерти, отделяется от души, распадается, разлагается, обращается в ничто.

Грехом смерть вошла в мир, — она входит в нас с детских наших лет, она бороздит морщинами греха лицо, заставляет погасать живой огонь глаз, делает расслабленным тело. Но Христос — победитель смерти и ада, и в деле **Христовом** самое главное это — победа смерти воскресением: «Если Христос не воскрес, то наша вера тщетна» (1 Кор. 15).

Истерия — есть разложение личности, и оно освобождает огромные, пагубные своей разрушительной силой количества энергии, как в распадающемся атоме.

Наша л ю б о в ь к Богу уже есть для нас лично, в нашем опыте — Его утверждение. Наша любовь к Богу — есть Сам Бог в нас; и субъективно ощутив эту любовь в себе, — мы уже этим самым признали Бога.

Этот о п ы т л ю б в и — единственный путь — верный и самоочевидный. До этого движения сердца человек глух и слеп ко всему, даже к чуду. После же ощущения Бога в себе ему не нужны и чудеса — чудо уже совершилось в нем самом.

В шестивии Христа, встречаемого восторженными толпами, таилось трагическое недоразумение — Христос шел на вольные страдания, а толпа приветствовала начало Его земного Царствия. Люди поражены были чудесами, они насытились хлебами, они жаждали власти над собой и авторитета.

Христос мог бы теперь все сделать в пределах «мира сего», но люди, неся Ему поклонение и почести, не принесли главного — прошедших через покаяние, обращенных, преобразенных душ.

Как же мы встречаем Христа? Не ждем ли мы от Него хлеба, чудес в материальном плане и не остаемся ли в прежней, плотской, суетной жизни? Но мы имеем больше, чем те, мы имеем Голгофу, Крест и Воскресение Спасителя, и это нас обязывает к иной Его встрече.

Принесем же и положим к Его стопам наши сокрушенные о своем грехе сердца, жажду очищения и участия в «жизни будущего века».

Неоконченное письмо к Н.

...Если в нас есть хотя бы слабое влечение к духовному, то как бы мы ни были погружены в рассеянную и многозаботливую жизнь, с трепетом и надеждою мы ждем наступления великих дней покаяния и каждый раз надеемся ступить на эту таинственную лестницу, возводящую наши сердца к небу.

Вот наступают великие и печальные дни поста и мы, после исповеди и Причастия, очистившись душой, переживши умиление, слезы, почувствовав в себе новые силы, принимаем решение начать новый образ жизни. Но обычно, в самый же день Св. Причастия, мы срываемся на пустяке, торопимся исправить ошибку, делаем новые промахи все в большем количестве и, наконец, махнув рукой, погружаемся в безболезненную привычную греховность на весь год. Но вот снова близок пост и при одной мысли о нем начинает снова оживать наш «внутренний человек», возрождается надежда, и мы снова ждем спасительных и благодатных дней поста с волнением и упованием на окончательное и прочное восстановление нашей вялой и грешной души. Но между этими намерениями и истинным покаянием лежит трудно-проходимое пространство множества препятствий. Не буду говорить о препятствиях внешних — обремененности делами, заботами, о тысячах внешних причин — эти препятствия, как бы ни были велики, преодолеваются, если есть в нас какое-нибудь внутреннее горение, жажда очищения и добрая к этому воля.

Важнее трудности внутренние — маловерие, страсти, нечистота — наконец, слепота к своим грехам и «окамененное нечувствие»; особенно эти два последние.

«Видеть свои грехи в их множестве и во всей их гнусности действительно есть дар Божий» (И. Кронштадтский).

«Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых; кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившихся видеть ангелов» (Св. Исаак Сирий).

И обратно — слепота к своим грехам, невидение их — естественное состояние природного падшего человека. Мы бессознательно утаиваем от себя наши грехи, забываем их, потому что так легче жить. Может быть, сам Господь временно закрывает от нас часть наших грехов, чтобы повергнуть нас в ужас и уныние от ясного созерцания всей бездны нашей нечистоты. Но ведь если нет видения своих грехов, нет и покаяния; а нет покаяния, — нет и спасения. «Дай мне зрети мои прегрешения» — естественный молит-

венный вздох каждого из нас, вступающего в великие дни Поста. А для этого нужно не шадить себя, отвергнуться от себя, отречься от греховного своего естества...

«Сладости мира сего», всякое погружение в слепую телесность губят духовную жизнь. Почему? — теряется трезвенность духа, ясность мысли, контроль над собой, рассеивается внимание, слабеет воля, ослабляется, протряпывается, растекается личность. Аскетизм призывает к отказу от всякой приятности — в пище, одежде, постели, общении с людьми и т. д. Сублимация, переход к высшим ценностям.

Земное счастье — любовь, семья, молодость, здоровье, наслаждение жизнью, природой, — все это «добро есть» — и не надо думать, что христианство сурово осуждает все это.

Плохо только **р а б т в о** своему счастью, когда оно владеет человеком, и он всецело в него погружен, забывая главное.

И страдания с точки зрения духовного роста ценны не сами по себе, а только по своим результатам; отнимая земное счастье, они, ставя человека лицом к лицу с высшими ценностями, заставляют его открыть глаза на себя и мир, обращают его к Богу.

Отсюда следует, что земное счастье, связанное со всегдашней памятью о Боге, не исключающее напряженности духовной жизни — есть безусловное добро; равно как страдания, если они озлобляют, или принижают человека, не преображая его, не давая благотворной реакции — только сугубое зло.

Это в ответ на очень распространенное убеждение, что Церковь и Евангелие осуждают **в с я к о е** земное счастье и зовут к страданиям ради **них самих**.

...Наслаждаюсь здесь тишиной, свободой и, главное, — полным досугом. Положительно, он временами необходим для нормальной жизни души. Наша обычная жизнь, вся сплошь занятая делами и почти ни минуты не оставляющая, чтобы передохнуть и опомниться, серьезно вредит тому подсознательному, что должно созреть в тишине и некоторой видимой бездеятельности.

Упорно мечтаю о своем очаге, и даже в буквальном смысле — о камине, который топится дровами, о своей библиотеке, саде. Конечно, это только

«бесмысленные мечтания», вся жизнь наша и вся история против этого, — к сокрушению очагов, к истреблению семейной жизни, к муравейнику и улью.

Фонтан, и на нем статуя Божией Матери в короне. То же у меня в комнатке, дешевая рыночная статуэтка, но я так был ей рад. Мужик поит у источника лошадь; другие мужики и бабы гребут сено. Молчаливая, неспешная жизнь; даже поезд не торопится и перевозит все доброкачественные вещи: бревна, дрова, прессованную солому и сено; и бесовские силы, правящие миром, пересекают этот тихий человеческий мирок только в виде молниями пролетающих автомобилей по узкой полоске шоссе, залитой смрадным гудроном (точно, чтобы отделить мир бесовский и Божий).

...Наперед решаю — по возможности никогда не жить в отелях. Комната гостиницы, даже хорошей, полна вся чужими, вредными для моего душевного мира, флюидами. Какие-то чуждые запахи, постель, на которой спали тысячи людей, умывальник с непременно прилипшим чужим волосом, все это беспокойно, подозрительно, фальшиво. Можно ли нормально жить, отдыхать в такой обстановке! Д о м — совсем другое дело, даже самый примитивный и неудобный — здесь все естественно, человечно, доброкачественно.

Живем в старой 250-300-летней ферме: низкие потолки с толстыми балками, небольшие окна, камин, крепостные стены. На месте прежнего камина сейчас чугунная печка, но и она, особенно в сырые дни, дает впечатление настоящего дома, уюта, чего-то желанного. Я думаю, настоящее чувство домашнего очага могло быть только у людей, выросших в таких гнездах, в с в о и х домах, с настоящим живым огнем очага, с закопченным потолком. Какое может быть особое тяготение к теперешнему нашему «дому» — квартире, одной из тысяч одинаковых, с центральным отоплением, электричеством, водопроводом вместо колодца или источника, без своих особых свойств, — которую легко переменить на любую другую. Так современная культура убивает чувство дома, родной семьи и пролагает путь к социализму, коммунизму, анархии в душах, так же, как и в быту.

«У всадника развивается чувство свободы и власти» (Л. Браун) — всадник, верховая езда — создали рыцарство и всю рыцарскую культуру. Какие чувства рождает управление автомобилем? Что несут в мир шоферы? Какую новую культуру создаст автомобиль!?

Дом — очаг — пенаты. В прекрасной статье С. Франка «Религиозность Пушкина» страница отведена культу у Пушкина домашнего очага, пенатов, уединения.

Оказывается, стихотворение «Пора, мой друг, пора...», написано на листке, на обороте которого есть запись: «скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь, религия, смерть».

Откуда стыдность (и бесстыдство) наготы, запрещение ее в Библии и в религиозном сознании народов? — Я думаю, что «голый человек» = «грешный человек», отпавший от Божией славы. Тела прародителей и тела святых облечены «светом, яко ризою»; у нас, павших, свет заменен одеждами до времени; «голое состояние» — есть вызов Богу, утверждение в своем грехе.

Сегодня, глядя на молодого крестьянина-рабочего на площадке трамвая, я подумал: какое малое место в фигуре человека занимает лицо и как мало места в лице занимают глаза, и тут я понял выражение «многоочитые херувимы».

Чувство стиля помогает нам понимать жизнь, ее гармонию или дисгармонию, отношения людей, оно помогает устраивать свою жизнь, семью, дом. Но вместе с тем, оно же делает жизнь временами тяжелой — нарушение стиля другими больно задевает нас там, где другие ничего бы не заметили.

Кроме того, эти же нарушения у хороших и добрых людей часто мешают сойтись с ними, мешают быть добрыми.

Если бы нам удалось углубить это чувство, научиться под внешней некрасивостью и беспорядком видеть гармонию и красоту (где они есть) — это было бы близко к мудрости.

«Солнце вечное окно в золотую ослепительность» — это звучит у меня весь сегодняшний, очень жаркий, день, Солнце — соль, sol-sal.

Солнце замешается солью в священных обрядах, солью очищается жертва. Вкус солнца — горько соленый, как у моря, а запах, как у горьких трав, растущих на сухих скалах. Чабер более солнечная трава, чем влажные розы. Вот, что думал я, сидя на могильном камне, растирая и нюхая травинки полыни.

Вот я на месте моего отдыха. Здесь невозможно не восстановиться — солнце, воздух, обилие горных потоков и поднимающиеся снизу ароматы леса и дальних лугов.

Я люблю также и низы и долины, но бесконечно меньше и иначе — вероятно, как любят грех, люблю тепло, «изобилие плодов земных». Здесь же аскетическая скудость.

Мне хотелось найти дорогу к тому голому хребту, что возвышается за лесом. Сегодня я был на этом хребте. Подъем километра три и я подошел по тропинке к гребню: вся Савоя с ее вершинами и хребтами была передо мной.

А у подножья, проходя среди полян, залитых солнцем, обставленных редкими соснами, я заметил остатки каких-то стен, фундамента, груды камней. Они сразу показались мне какими-то таинственными — потом я узнал, что это остатки римского лагеря.

Сегодня я совершил хорошую прогулку. Сначала подъем был довольно скучный — едва заметной тропинкой по известковым осыпям, среди редкого низкого соснового леса; правда, были утешительные события — почти из-под ног выпрыгнул заяц, встречались кусты барбариса, цветущего шиповника. Я шел потихоньку, читал утреню и часы про себя, присаживался. Поднимался часа два, пока добрался до перевала: сразу все изменилось. Слева — маленькая деревушка вокруг церкви, справа — прекрасные луга, а прямо, за перевалом — безмерный вид на горы, полосами и пятнами покрытые снегом. Кругом совсем близко — разорванные, зубчатые скалы. Ниже — зеленые склоны, лес, а главное, над всем этим — необыкновенный снеговой воздух и абсолютная тишина. Только снизу доносился шум речки, да где-то под камнем булькал невидимый ключ. Я долго сидел наслаждаясь тишиной, горами, запахами. Рядом со мной цвели бессмертники, но такие, каких я не видал раньше — голубые с темно-фиолетовой серединкой. Внизу цветов совсем не было, а здесь на высоте — такое изобилие, как будто они рождаются не из земли, а из воздуха и солнца.

И я подумал — вот чем горы хороши — в них, как в общении с мудрым человеком, впитываешь в себя свежесть, ясность, спокойствие — качества, происходящие от высоты.

За эту поездку я очень оценил суровую живописность Корсики; очень характерны для нее серого гранита скалы в перемежку с непроходимым кустарником — знаменитое «маки». Изредка у дороги деревья — оливки и эвкалипты; это дает пейзажу какой-то очень сложный рисунок, сухой и острый. А потом все время море — на горизонте, внизу, в виде бухт, разделенных длинными грядами скал, далеко выходящих в море — на них круглые сторожевые башни, где прежде зажигали костры во время опасности.

После трех дней непрерывных разъездов по острову (крестины давно родившихся детей и отпевание давно умерших русских людей), я провел сегодня истинно блаженный день. Встал — только поднималось солнце. По пыльной дороге к морю. По обеим сторонам дороги — широкие каменные стены (из-за которых в романах и в действительности местные люди творят свою vendett'у); потом полем, поросшим полынью — до пляжа. Розоватый песок, крупный как гречневая крупа; бухта тихая, тихая, вода стеклянная и прозрачная, деликатно плещет в берег; белый маяк отражается весь в заливе. Ни души. Воздух еще холодный и потому вода кажется очень теплой.

И вот какая у меня была мысль, когда я грелся на песке в купальном костюме — я совсем не чувствовал себя священником. Как много значит костюм! Все же, такое «несвященническое» самочувствие у меня бывает редко; почти сплошь, с легкостью и удовлетворением, я чувствую себя священником и когда, вот так, выхожу из этого чувства — всегда упрекаю себя.

В общем я очень рад, что поехал. Я никак не думал встретить здесь нечто, что может меня так взволновать и удивить. Ривьера меня мало трогает, а Корсика кажется настоящей, близкой. Пустынность ли ее, дикость ли и суровость, гранитные ли скалы и пахучие травы и кустарники? Может быть близость ее пейзажа к Синаю, Палестине? Во всяком случае — частицу своего сердца я здесь оставляю.

Сегодня я долго пробыл на Pierre Plate. Было очень хорошо — тихий голубой день. Я грелся на солнышке, прислушивался как переливаются колокольчики где-то далеко в долине и временами испытывал необыкновенные чувства — «для сердца новую вкушаю тишину». И действительно — тишина удивительная — и кругом и та, что водворяется в душе. Я пробыл там до самого захода. Сначала долины наполнились как будто розовой пылью, а дальние горы все оставались солнечными. Потом и они потухли, стали лило-

выми, а долины голубыми. Уже чувствуется осень, — цветов почти нет, трава объединена козами и листья посветлели, хотя желтых еще нет.

Здесь все еще хорошо и может быть даже лучше, чем летом. С утра — полная ясность воздуха и чистейшее небо. Тишина изумительная — горная тишина. На солнце очень тепло, даже жарко, но в тени уже осень; часам к двум иногда собираются облака, зарождающиеся тут же. Но к вечеру опять полная ясность неба. Со всем тем без церкви чувствую все время какую-то неловкость, почти ложность своего положения и это мне мешает вполне наслаждаться отдыхом. Здесь для меня стало еще яснее, что священник не должен ни на один день отлучаться от своей церкви.

Вчера в Канн — мое первое крещение. Я очень устал после всеобщей, т. к. впервые служил без дьякона, и несколько раз чувствовал себя окончательно погибающим. Очень тяжело было. Но как только я увидел эту маленькую, четырнадцатидневную девчонку, родителей, золотую купель, освещенную тремя свечами, я почувствовал такое умиление (вот не ожидал), что всякая усталость прошла сразу. Крестины провел с большим подъемом и волнением и радостью. Валентина X. — моя первая крестница. Слава Тебе, Боже!

Обычное чувство перед произнесением проповеди, особенно перед случайным (в религиозном смысле) соединением людей, что говоришь с неверующими, и поэтому все твои слова о Христе, о вере, о чуде обращаются во взаимную, молча подразумеваемую ложь: я говорю с предполагаемыми верующими, хотя знаю, что для большинства это не верно, а с их стороны — ты, мол, так обязан говорить по твоей должности, а я, из приличия, принужден тебя выслушать, не слишком явно показывая свою скуку. Поэтому, часто ничего не говорю. Очень легко говорить с больными, старыми, нищими, например в госпиталях, у инвалидов.

Во сне, когда гаснет наше нормальное сознание, исчезает контроль над собой, когда мы вполне искренни и ничего не стыдимся, — тогда всплывают из глубин подсознательного первичные основы нашего существа, обнажаются самые глубокие пласты души, и мы больше, чем когда либо, являемся

самими собой. Типичные для наших снов образы, видения и душевные состояния — есть самые верные, ничем не скрытые проявления нашей настоящей личности.

Конечно, тут нужно различать и чисто психические феномены (как молитвы и песнопения после длинных церковных служб), а также — просто влияние нашей физики, которой мы так подвластны (например, кошмарные видения при болезни печени). Но при достаточно объективной и умелой расценке, характер и сущность наших сновидений могут много помочь в познании себя и на многое в себе открыть глаза.

Как бы ни менялись моды, траур женщин остается тем же, потому что в горе женщина не выдумывает, а берет готовое и общепринятое. В этом объяснение всякого консерватизма: консервативно то, что серьезно. Самым консервативным явлением человеческой жизни является религия, потому что она — самое глубокое явление. Реформа начинается, когда больше ничего нет в душе — (я говорю о реформе ф о р м), поэтому революция — всегда признак оскудения духовной жизни нации.

Наша постоянная ошибка в том, что мы не принимаем всерьез данный, протекающий час нашей жизни, что мы живем прошлым или будущим, что мы все ждем какого-то особенного часа, когда наша жизнь развернется во всей значительности, и не замечаем, что она утекает, как вода между пальцами, как драгоценное зерно из плохо завязанного мешка.

Постоянно, ежедневно, ежечасно, Бог посылает нам людей, обстоятельства, дела, с которых должно начаться наше возрождение, а мы оставляем их без внимания и этим ежечасно противимся воле Божией о себе. И действительно, как Господь может помочь нам? — Только посылая нам в нашей ежедневной жизни определенных людей и определенные стечения обстоятельств. Если бы мы каждый час нашей жизни принимали бы как час воли Божией о нас, как решающий, важнейший, единственный час нашей жизни — какие дотеле скрытые источники радости, любви, силы открылись бы на дне нашей души!

Будем же всерьез относиться к каждому встретившемуся на пути нашей жизни человеку, к каждой возможности сделать доброе дело и будьте уверены, что этим вы исполняете волю Божию о вас в этих обстоятельствах, в этот день и в этот час.

Если бы у нас было больше любви к Богу — с какой легкостью мы доверили бы Ему себя и весь мир со всеми его антиномиями и непонятностями. Все трудности — от недостатка любви к Богу и все трудности среди людей от недостатка любви между ними. Если есть любовь — трудностей быть не может.

Множество недоумений современных христиан разрешилось бы, если бы мы действительно были христианами, в прямом, евангельском смысле; разрешился бы в том числе вопрос о смысле страданий: «как Господь терпит»... и мн. др. При нашей жадной, без оглядки привязанности к благам этого мира, когда сама эта привязанность рождает множество страданий, о каком р е л и г и о з и о м смысле нашей жизни и в том числе — и наших страданий, мы можем говорить.

Как укрепить себя в Церкви?

Руководство духовного отца, постоянная с ним связь. Частое прибегание к таинствам, тщательное к ним приготовление, посещение богослужений, домашняя молитва, ежедневное чтение Евангелия, чтение книг религиозного содержания, соблюдение церковного года, дружба и общение с людьми верующими и церковными.

Вот задача — отказавшись от самого себя, остаться самим собой, исполнить замысел Божий о себе.

Приближение света страшно и мучительно для тьмы и греха. Постоянное наблюдение — как люди упорно избегают Святого Причастия; идя в церковь, как-будто по внутреннему влечению — остаются стоять на дворе; это признание многих.

Между духовным ростом и многословием — обратная пропорциональность. Легка и соблазнительна замена духовного напряжения болтливостью. В этом — соблазн всякого «учительства».

В молитвах утренних и вечерних — «помилуй мя»... счисти мя... отверзу уста моя... и т. д. «Я» перед Богом.

В молитве евангельской: «отче и а ш... хлеб и а ш... остави и а м, вселися в ны, «Святой Боже, помилуй нас». Два самочувствия — личное (в молитвах пустынников) и церковное.

«Я глубоко верующий» — общее место всех самомящих, ограниченных и мало верующих людей. Апостолы, видя Христа, осязая Его, просили: «умножь в нас веру»; в Евангелии точно указаны признаки глубоко верующих: «уверовавших будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, ...возложат руки на больных, и они будут здоровы». Марк 17; «...ничего не будет невозможного для вас». Мф. 17; «...чего не попросите с верою, дастся вам». — Похоже ли это на нас — холодных, беспомощных и немощных духовно?

В притче о блудном сыне мы имеем пространную повесть о путях человеческой души, отпавшей от Отчего дома, спустившейся до дна и снова поднимающейся через покаяние. В этой повести что ни слово, ни образ, то материал для долгих размышлений: и отделение от Отца, как начало греха, и уход в дальнюю страну, и расточение своих богатств и все дальнейшие образы притчи. Остановимся на главном моменте притчи — рассмотрим, как началось восхождение грешника из бездны греха, как совершилось это чудо?

Блудный сын, выделив себе с в о е, потерял в с е в этом мире — он лишился всех радостей жизни, потерял родину, поддержку семьи, не имел куска хлеба, был совершенно одинок — все пути в этом мире были для него закрыты. «Скорбь и теснота всякой души делающей злое». Но тут-то и совершается божественное чудо: в самой тесноте — освобождение, в самой скорби — спасение. И среди нас есть люди, дошедшие до предела скорби. Им кажется, что гибель вокруг них — пусть они утешатся. Когда человек доходит до такого положения, когда ему закрыты все пути в горизонтальной плоскости, ему открывается д о р о г а в е р х! И вода, стиснутая со всех сторон, подымается вверх, и душа, сжатая, сдавленная, стесненная скорбью, поднимается к небу. Благо нам, если мы сами, во время внутренне освобождаемся от широких путей мира сего, если ни удобства жизни, ни богатство, ни удача не заполняют нашего сердца и не отвлекают от самого главного.

В противном случае Господь во гневе своем сокрушает наших идолов — комфорт, карьеру, здоровье, семью, чтобы мы поняли наконец, что есть Единый Бог, которому надо кланяться.

Но, скажут, — разве мы не видим, что часто страдания не обращают душу человека к Богу, что они бесплодно раздавливают его и являются таким образом бессмысленными.

Обратимся к грешному из притчи — почему страдания были спасительны? Почему он, «войдя в себя», нашел путь спасения? — Потому что он вспомнил Дом Отца, потому что он твердо знал, что есть этот дом, потому что он любил его, потому что, оставив язык образов, грешник этот в е р л в Б о г а.

Вот что спасает нас в страданиях, вот что открывает нам врата Небесного Чертога — единственные врата, в которые стоит стучаться!

Слезы так значительны, потому что они потрясают весь организм. В слезах, в страданиях истает наша плоть земная и рождается тело духовное, плоть ангельская.

Тело духовное создается слезами, постом, бодрствованием.

Что такое сонливость, рассеянность, трудность молитвы, «окамененное нечувствие», — как не явная смерть, результат греха, убивающий нас, данная нам в прямом нашем опыте, в наблюдении над собой, смерть до смерти.

Кто восставит, кто воскресит? Какая сила может обратить мертвое в живое? — Сила Божия, и на нее мы надеемся снова и снова.

В нашей жизни мы знаем н а в е р н о только то, что мы умрем; это единственно твердое, для всех общее и неизбежное. Все переменчиво, ненадежно, тленно и любя мир, его красоту и радости, мы должны включить в нашу жизнь этот последний завершительный и тоже, если мы захотим, могущий быть прекрасным, момент — нашу смерть.

Познавание себя, всматривание в глубины своей души важно для выяснения именно с в о и х слабых мест и соответственно этому — борьба с тьмой в себе и сознательное приближение себя к свету. Как и телесные болезни, у каждого из нас есть свои, с ему свойственными особенностями, душевные немощи и, как лечение тела индивидуально для каждой болезни и для каждого человека, так, кроме общего для всех «духовного режима», должна быть у каждого своя особенная борьба, обращенная против именно ему свойственных грехов и пороков.

Ужасает не только грех, но и возможное после него отчаяние и уныние. Исаак Сирин об этом говорит: «не устрашайся, хотя бы ты падал каждый день, и не отходи от молитвы; стой мужественно и ангел тебя охраняющий»

почтит твое терпение». Вспомним, что говорит Христос в подобном случае — «иди и впредь не греши» — и только: ни проклятий, ни отлучений. Нельзя поддаваться злему духу, который тянет в большой грех — уныние. Снова и снова надо припадать ко Христу, и Он снова и снова нас примет.

Очень много дает мне чтение Исаака Сирина. Особенно хорош его общий тон, — благостной мудрости, любви, крайней жалости к греховному человечеству, его замечательный язык, сжатость и сила его изречений. Как убедительно он говорит о том, что мы изгнанные из рая «в страну терний», не должны удивляться, что и сеем мы в терниях и собираем среди терний и больно уязвляемся ими, даже если мы ищем только доброго и поступаем праведно; и это все до тех пор, пока не найдем в своем сердце рая любви божественной, когда все, даже на этой земле, станет для нас радостным и светлым. Да пошлет нам Господь хотя бы предчувствие этой радости, а пока без ропота будем жить и трудиться среди «терний».

Всякое богоборчество — низкого происхождения. Истинный аристократизм в преклонении перед Высшим.

Мудрость жизни, в том числе и христианской, не быть требовательным к людям.

Не подают милостыни потому, что, мол, пропьют и т. д. Если и пропьет, то это меньший грех чем то озлобление, которое мы в нем возбуждаем нашим отказом, и та черствость и осуждение, которое мы в себе культивируем.

Мы мало знаем и не пытаемся, в большинстве, узнать наше богослужение, жизнь нашей Церкви. И мы должны это восполнить, стать живыми ее членами. Не все даже знают, что так называемый «хор», лик — говорит, поет от лица всех предстоящих, и в древние времена не было искусственно выделенных профессионалов, которые несут эту «обязанность» теперь, а пели все, свидетельствуя с в о ю веру, с ответственностью за произносимые слова. Мы даже и слова эти не всегда знаем. Многие ли их понимают? Мы своим стоянием в церкви как бы подписываем письмо, которого не читали, берем на себя обязательства, которых не знаем. Церковь жива и жива будет во веки. Не будем же висеть иссохшими, помертвевшими листьями на этом вечно живом Дереве.

Наблюдаю у людей одну особенность и вывожу из нее значительный, как мне кажется, психологический закон. Часто люди, имея даже запас времени, всегда опаздывают, во всяком слове и действии. У них есть какой-то неосознанный ими самими упор против в с я к о г о действия — безразлично: приятного или неприятного — нейтрального. Когда приходит момент сказать, взять, сделать, — они бессознательно тормозят, производя множество мелких ненужных действий, имеющих целью отдалить момент предстоящего акта, и в конце концов, опаздывают. Я думаю, этот механизм есть во всякой душе, доходя до психоза у одних и совершенно исчезая у праведных. Это какой-то элементарный вид греха, чистого, беспредметного, «бескорыстного».

Самолюбивый человек безнадежно слеп и одинок; ничего ни в мире, ни в людях он не увидит, кроме себя самого.

С начала мира люди умирают, с начала мира известно, что все земное непрочное, проходит, тлеет, и все-таки с какой-то слепой жадностью люди ставят все, что имеют, все силы своей души на эту карту, которая наверно будет бита, несут свои сокровища в банк, который наверно лопнет.

Есть одно прочное приобретение нашей эпохи, это — убеждение, что на путях земных, на путях стяжания счастья не найти. Вся жизнь нашего мира двигалась до сих пор к цели личного земного счастья. Сейчас эта цель отнята от человечества. Всякий знает, что никакими усилиями в наше сомнительное и неверное время не построить этот карточный домик личного счастья. Это — один из глубоких сдвигов нашего времени. Мир колеблется, как чаши весов, «ни Зверя власть признать не смея, ни ига легкого Христа».

В чем задача христианина в такие критические эпохи? Выбор наш сделан. Мы добровольно приняли «иго легкое Христа». В этой борьбе сил света и тьмы мы должны все наши силы, способности, таланты и материальные средства отдать силам добра, и тогда мы наследуем те блаженства, которые обещал Христос идущим по Его путям, а не по неверному пути счастья земного.

Слова о том, что мы созданы по образу и подобию Божию, — вот наше мерило, наша совесть, путь, по которому надо идти. Всякий иной путь

— потеря себя, извращение своей личности и только в преобразовании себя в образ и подобие Божие, в возвращении к тому, чем мы созданы и что исказили в себе, — истинный путь человека.

Мир — система символов — *ab aequalibus ad aequaliora* — отображение духовного мира в плоти мира природного, — «образ и тени небесного» (Евр. 8, 5). Смысл символов — радость сознания, что мир наш подобен миру иному. Отсюда — иконы, свечи, дым кадильный.

Вся ли вселенная развращена грехопадением? Не созерцаем ли мы райские миры, глядя на звезды?

Душа ищет радости, вопреки всему; горе, страдания сами по себе несвойственны человеку, и это инстинктивное обращение к радости и свету не есть ли воспоминание души об утерянном рае и стремление к нему?

Глубоко заблуждение относительно будто бы низменности нашего тела, греховности его самого по себе. Оно греховно постольку же, поскольку и душа — оно поражено грехом, но оно свято и образ Божий по своему существу. По первоначальному Божию замыслу свято было тело и душа в нем. Грехопадение и наказание за грех были одновременно для души и тела. И совершенно в такой же мере мы должны очищать свое тело, как и душу. «Образ есть неизреченная Твоя слава, аще и язвы ношу прегрешений» — вот эти язвы и надо лечить, помня «по образу Божию созданную нашу красоту», которая воскреснет и приобщится к Божией славе.

Все добродетели ничто без смирения. Пример — фарисей. Вся сумма добродетелей при отсутствии смирения — «кораблекрушение в пристани». Признаки смиренных — не верить своим достоинствам, не знать даже о них (смиреномудрие), не осуждать, радоваться унижению. И им — блаженство на первой же ступени.

Теперь только видим мы гибельное непонимание русского национального духа, которое, будто охраняя Россию, губило ее. Сюда относится

преследование славянофилов и бессмысленное преследование старообрядцев, истребление их икон, запечатывание храмов, разрушение алтарей, престолов, иначе сказать, преследование самых верных носителей русского духа.

Древний стиль иконописания соответствует древнему благочестию (молитва, постижение Бога и т. д.). Отсюда как-будто вытекает ложность наших попыток усвоить себе древний стиль, так как наше благочестие не вполне совпадает с религиозным стилем XI-XVI в.в. Но новые дерзания должны идти от полноты новой духовной жизни; без этого будет выдумывание и ложь. Если и есть у нас какая-либо духовная, молитвенная жизнь, то она того же вечного стиля, как у ап. Павла, Симеона Нового. Поэтому писание икон по «древнему канону» и даже скромное копирование, — все равно, как перечитывание древних подвижников — помогает нам в укреплении нашей слабой духовной жизни.

Реалистическая живопись — это характерно грешное восприятие мира. Поэтому роспись храмов в реалистическом «итальянском» стиле коробит наше религиозное чувство. Икона, писанная по «канону» — противоположный полюс этого грешного восприятия — здесь мир преображенный, все «по чину и благообразно».

Современные безбожники, отрицая религию, борясь с нею, не могут все таки остаться совсем без религии, так как преклонение перед Высшим вложено в природу человека. И они невольно создают жалкую имитацию религии — поклонение вождям (святые), даже их праху (мощи), религиозное преклонение перед своим учением (Евангелие) — т. е. подменяют вечное и прекрасное своим временным и бездарным, но идущим от той же потребности, которую они заглушить в себе не могут. Подмена истинной религии ложной приводит их в духовный тупик — т. к. их религия духа не питает, а религиозная потребность внешне, как будто, удовлетворена.

Рационализм и материализм, отвергая религию, пытаются научно объяснить все тайны мироздания, проявляют прежде всего научную же нечестность, т. к. по существу они ничего не объясняют, положительного ответа на многое не дают и не хотят признать эту свою несостоятельность. Основная ошибка их в том, что они не видят поврежденности грехом человеческого разума, т. е. именно той основы, на которую они опираются. Второе — то,

что они считают, что в с е может быть объяснено. Отсюда их жалкие и бесплодные попытки дать материалистическое объяснение всему, в то время, как признание поврежденности грехом человеческой природы, а, следовательно, и разума, преклонение перед Высшим и признание существования Тайны — есть самая сущность религии. Она не дает объяснения всему — потому что и нет этого объяснения здесь, но дает обещание и предчувствие гармонии там, где будет примирение всех антиномий.

Есть разные виды духовной слепоты; по разному слепы и добросовестно заблуждающиеся, от незнания (Савл, язычники); иначе — погрязшие в грехах, покрываемые мраком страстей; еще по иному — потерявшие критерий истины, гордые (мое — значит истина, не мое — ложь). Для прозрения одних — надо только встретить истину, для остальных — прозрение в покаянии: «Душевными очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, яко же слепый от рождения зову Ти, сущих во тьме светом покаяния просвети».

Как часто слепы мы, когда не видим своих грехов, слепы, когда видим чужие недостатки (или когда не видим чужих достоинств), слепы, когда считаем себя обладателями истины и отвергаем чужую точку зрения, пусть пошлет нам Господь мудрую простоту, пусть просветит наши глаза, ослепленные мраком грехов, чтобы мы увидели себя и весь мир в свете Христовой истины.

Отчего слаба наша любовь к Богу? — От того, что слаба вера. А вера слаба от равнодушия к божественным вещам. От познавания, изучения их явится вера, от веры — любовь.

Познание чего-либо есть выхождение из себя и приобщение к познаваемому.

Познание истины есть общение с Истиной. Познавание Бога — есть прикосновение к Его славе, жизнь в Боге. Богопознание есть богоуподобление.

Невозможно всегда находиться в состоянии духовного подъема. Бог допускает перебои в нашей молитве, потому что Он не хочет ни лишить нас бодрости (наши восхождения), ни питать нашу гордость (наши падения). Предоставим нашему сердцу идти так, как Бог его ведет.

Правда, эти перемены — тяжелое испытание; но нам полезно узнать на своем опыте, что моменты духовного подъема не зависят от нас, а есть дар Божий, который Он от нас отнимает, когда Ему это заблагорассудится.

Если бы этот дар Божий всегда был с нами, то мы не чувствовали бы ни тяжести креста нашего, ни бессилия нашего; испытания наши не были бы настоящими испытаниями, наши добрые дела не имели бы цены.

Поэтому будем переносить терпеливо периоды упадка и сухости сердечной. Они учат нас смирению и недоверию к самим себе; они дают нам чувствовать, насколько непрочна и слаба наша духовная жизнь, они заставляют нас чаще прибегать к помощи Божией.

В этом состоянии сердечной сухости и бесчувствия, в отсутствии горячей молитвы надо беречься прерывать наши духовные упражнения, оставлять нашу ежедневную молитву. Этим мы нанесли бы себе величайший вред.

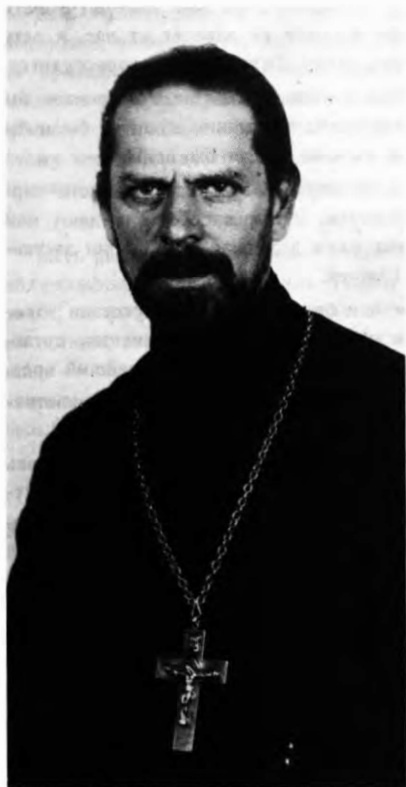
Мы склонны думать, что раз мы не ощущаем определенного удовлетворения в молитве, то не стоит и молиться.

Чтобы в этом разубедиться, достаточно вспомнить, что молитва и любовь к Богу — одно и то же. Существо молитвы не состоит только в тех радостных ощущениях, которыми она иногда сопровождается. Любовь-молитва может существовать и без них, и это более очищенный и бескорыстный вид ее, так как, будучи лишенной радости духовной, она имеет целью только Бога.

Можно чувствовать себя лишенным благодатных утешений и все же сохранить твердую волю, согласную на все то тяжелое, что посылает нам Господь, и смиренно принимающую все, вплоть до того состояния душевного упадка, который мы ощущаем.

Если мы сумеем с такими чувствами переносить периоды сухости сердечной, то они явятся для нас плодотворным духовным упражнением.

Постоянно слышишь «трудно жить!» и на приведение примера святых — обычное возражение: «на то они святые, им все легко». Обычное заблуждение. Им то и трудно. Они преодолели не только трудности житейские, но и самое естество человеческое. Обычный путь святого — от бездны греха на вершину святости, — тесный и трудный путь; тогда, как наш — всегда путь легкий — по линии наименьшего сопротивления. Но тяжки и горьки плоды нашего пути, тогда как «трудный» путь дает награду настоящих блаженств.

Есть три ступени послушания — обращение за советом в случае полного своего недоумения, исполнение советов, совпадающих с нашими мыслями, наклонностями, с нашей точкой зрения и, наконец, — исполнение послушания, даже когда оно противоречит нашим взглядам и желаниям, — только это и есть истинное послушание.

Если не осуждать, то как же помочь брату своему согрешающему? — Заняться «бревном» в своем глазу; и только повозившись с ним, поймешь, как глубоки причины греха, как трудна борьба с ним, какими способами врачуется грех, какой жалости и сочувствия достоин грешник, и эти твои чувства и твой опыт в борьбе с грехом помогут вынуть «сучок» из глаза брата — сочувствием, примером, любовью. Осуждение отпадает само.

«Пустыня у с ы п л я е т страсти». Но от человека требуется искоренить их (Ис. Сир. т. II) — вот

преимущество жизни в миру: она открывает нам, через встречи и столкновения с людьми и обстоятельствами, наши страсти, наши греховные склонности.

Тщеславный человек — как простая стекляшка, сверкающая и играющая, если на нее падают лучи; и тем больше играющая, чем больше лучей, и тусклая и бесцветная, когда их нет.

Как велика сила смирения! Как обессиливает отсутствие его. Если в проповеднике, ораторе, чувствуется хоть тень самодовольства — это не только зачеркивает все его действительные достоинства, но и вооружает против него. Наоборот — смиренный, даже при отсутствии большого ума, талантов, берет в плен все сердца (Saint curé d'Arns).

Сущность гордости — замкнуться для Бога, сущность смирения — дать Богу жить в себе.

Грехом, гордостью одного человека пало единосущное Ему человечество, и смирением Одной же, «рода нашего», оно возродилось.

Осуждением занята вся наша жизнь. Мы не щадим чужого имени, мы легкомысленно, часто даже без злобы, осуждаем и клеветаем — почти уже по привычке. Как осенние листья — шуршат и падают и гниют, отравляя воздух, так и осуждения разрушают всякое дело, создают обстановку недоверия и злобы, губят наши души.

Признак недолжного суда — страстность, злобность, безлюбивость, от снисходительности к себе, непризнания своей греховности и требовательности к другим.

Осуждение отпадает, если мы вспомним бесконечную нашу задолженность перед Богом. Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям заграждают пути Божьего к нам милосердия, отдаляют нас от Бога.

...Будем снисходительнее, любвнее друг к другу — всем нам так нужна взаимная помощь и любовь и все наши трудности и горести так ничтожны перед лицом вечности...

Как это люди чисто практически не заметили до сих пор, что враждой, злом никогда еще ничего достигнуто не было, а кротость и незлобие всегда достигают всего. Я говорю, конечно, о достижениях в области моральной и духовной, но уверен, что это также самый верный путь и в области обыденной жизни.

Благо нам, если мы сами во-время внутренне освобождаемся от широких путей мира сего, если ин радости жизни, ни богатство, ни удача, не заполняют наше сердце и не отводят его от самого главного. В противном случае

Господь в гневе своем сокрушает идолов наших — комфорт, карьеру, здоровье, семью, чтобы мы поняли наконец, что есть единый Бог, которому надо кланяться.

Удивительно мало сознательности в нашей жизни. Конечно, я говорю не о разьедающем самоанализе, не о болезненном самобичевании, не о самолюбивой оглядке на себя, а о внимательном, спокойном внимании к своей душе, о смотреии внутрь себя, о работе над собой — о том, чтобы сознательно **с т р о и т ь** свою жизнь, а не быть влекому случайными чувствами или идеями. Мы меньше всего господа самих себя. Нужна выучка, школа, внимательный и упорный труд над собой.

Евангельский сотник (Мф. 8) — образ совершенного человека — «который имея у себя в подчинении воина, одному говорит — уйди (злым помыслам) — и уходит, другому — прииди (добру в себе) — и приходит, и слуге своему (телу) — сделай то — и делает».

Обратная картина у обычного среднего человека — рассеянность, дисгармония, неподчиненность чувств и воли; и надо заметить, что единственно приход к вере и Церкви — снова упорядочивает эту растрепанность души, приобретает ее своей гармонии.

Всякое принуждение, даже к добру, вызывает всегда только отпор и раздражение. Единственный путь привести человека к чему-либо — это действовать собственным примером и этим привести его к желанию стать на тот же путь. Тогда только, как самостоятельный, свободный акт, поворот этот будет прочен и протворен.

Послушание не убивает, а усиливает духовную волю человека.

Добродетель благодарности, как и все другие наши добродетели, как подвиги поста, молитвы, — нужна прежде всего нам самим. Само наличие в нас чувства благодарности свидетельствует о том, что в нас действительно живет несомневающаяся вера и любовь к Богу. Благодарность наша — удостоверение о правильно установленной религиозной душе.

Все мы умеем просить; даже неверующие в крайние моменты прибегают к Богу, но благодарить мы не умеем. Благодарственная молитва — знак высоко поднявшейся души. Хорошо вспомнить Бога в несчастии; но не забыть

Его в радости — знак души, утвердившейся в Боге. Молитва просительная может уживаться в сердце с нашим эгоизмом, гордостью злобой; молитва благодарения не совместима с такими чувствами.

Будем же прибегать к Богу в наших бедах и обстоятельствах, но постараемся взойти и на более высокую ступень — благодарственной молитвы.

Типичные «претыкания».

1) «Все люди эгоисты, все поступки, даже будь-то добрые, самоотверженные — эгоистичны, т. к. всякий, делая доброе дело, получает от него удовлетворение, удовольствие».

Если я получаю удовлетворение от доброго дела, как его результат непредвиденный и неожиданный, то это не значит, что я делаю доброе дело для получения этого удовлетворения. Существует множество порывов, поступков совершенно чуждых всякого эгоизма, т. е. совершаемых без всякого расчета получить за это награду, и вряд ли такой человек откажется совершить доброе дело, зная наперед, что оно ничего ему не принесет.

2) «Святые-эгоисты, думают только о своем спасении».

Не верно. Святые, это люди, имеющие вкус и влечение к божественному. Можно ли обвинить растение за то, что оно тянется к свету.

3) «Ненужность аскетизма. Мое тело меня не беспокоит, поэтому бороться мне с ним не надо. Главное — любить Бога и ближнего, а аскетизм — лишняя возня с собой».

Если тело мешало св. Серафиму, Будде и даже Христу, то почему же оно не мешает вам, — это оттого, что Вы себя и своей греховности не знаете, не сознаете и не ставите себе духовных целей. Чтобы любить Бога и ближнего — надо их чувствовать, надо утончить себя для этого аскезой.

Аскетизм нужен прежде всего для творчества (всякого), для молитвы, для любви, т. е. для всякого человека и для всей его жизни.

4) «Почему Бог не облегчает наших страданий? Как Он, благой, может допускать их?»

Самые острые страдания — от греховной злобы, самолюбия, ревности, желания мести; всякий грех несет в себе боль и скорбь («скорбь и теснота всякой душе, делающей зло». Римл. 2, 9). Виноват ли Бог в этих страданиях? Хотели бы мы, чтобы грех не влек за собой боль, т. е., чтобы грех не искупался, чтобы мир утонул в грехе? — «Грехи наши горят и сгорают скорбями».

5) Теодицея... (не окончено).

Не торопиться слова и декорации ставить на пустое место, пока оно не заполнено глубоким внутренним содержанием.

От нашего человеческого: любить любящих и ненавидеть ненавидящих, нам показано два пути: путь Божий — любить ненавидящих и дьявольский путь — ненавидеть и оскорблять любящих.

Как различить плохое или хорошее в поступках, в людях. Единственная мера — чувство радости, мира, любви; и обратно — сомнения, смятения. В этом почти безошибочный суд.

Почему так важны впечатления детства? Почему важно торопиться наполнить сердце и ум ребенка светом и добром с самого раннего возраста? В детстве — сила доверия, простота, мягкость, способность к умилению, к состраданию, сила воображения, отсутствие жестокости и окамененности. Это именно та почва, в которой посеянное дает урожай в 30, 60 и 100 крат. Потом, когда уже окаменеет, очерствеет душа, воспринятое в детстве может снова очистить, спасти человека. От того так важно держать детей ближе к Церкви — это питает их на всю жизнь.

Общение с детьми учит нас искренности, простоте, умению жить данным часом, делом — основному в Православии.

Дети каждый день как бы снова рождаются — отсюда их непосредственность, неосложненность души, простота суждений и действий.

Кроме того — у них незаглушенное чувство добра и зла, свобода души от плена греха, отсутствие суда и анализа.

Все это мы имеем от рождения, как дар, который мы легкомысленно растериваем в пути и потом с муками и трудами собираем по крошкам растерянное богатство.

Мне хочется написать труд, посвященный с е м и с м е р т н ы м г р е х а м. Характеристика каждого греха, его картина, разновидности, причины, источники и связи, симптомы, способы борьбы. Признаки его в запутанных случаях. Я думаю такой труд принес бы пользу ищущим истинного покаяния.

Вчера вечером, когда я остался один на горе, был такой ветер и так холодно, что я запер и дверь и окна, первую ночь спал с закрытыми окнами.

Немного было грустно. Вот испытание наших внутренних богатств: есть ли у тебя чем жить внутренне без внешних впечатлений, если лишить себя людей, впечатлений зрения и слуха, свергнуть себя в полное одиночество. С ужасом представил себе это.

Вот у меня книги, любимая работа, возможность выйти посмотреть на природу — а все-таки временами тоскливо. Правда, весь почти день дождь, трава так и не просыхала. Я все же побродил часок по лесу, открыл некоторые новые тропинки, нашел кусок великолепного елового леса, где вся земля сплошь заткана глубоким мхом; после дождя он был особенно ярок. Много встретил грибов.

А сегодня с утра опять густой туман и дождь. Это сидение в одиночестве, почти без выходов, помогло мне точнее представить себе путь молчаливников и затворников.

Одиночество — прекрасный опыт и прекрасное упражнение. Опыт — есть ли у тебя что-нибудь за душой, можешь ли ты жить внутренним, когда внешнее сведено к минимуму. Ведь большей частью мы живем внешними впечатлениями — люди, дела, заботы. Что будет, если устранить все это? Что было бы, если бы закрылись двери внешних чувств? — с болью, с трудом, со скрежетом открылись бы тогда двери во внутреннюю горницу души.

Разумеется, в том базарном шуме, в котором мы живем обычно, трудно даже заподозрить, что существуют у нас в душе эти внутренние комнаты. И насколько легче молиться в таком одиночестве и грусти; как свои чувствуешь вопли псалмов к Богу.

На меня обрушился водопад чувствований, приветственных слов, выражений чувств (по поводу перевода в Париж). С одной стороны засыпают комплиментами, похвалами в глаза, с другой — закармливают обедами: и то и другое способно убить все доброе в душе. Иногда я чувствую себя совершенно духовно обессиленным и опустошенным и только частые проявления настоящей благодарности и любви обезвреживают яд похвал. Я настолько знаю и а в е р н о е свою худость и нищету, что кажется не уязвлюсь тщеславием до глубины, но легкое щекотание все-таки чувствую, в общем сохраняя душевное равновесие и трезвость.

Как всегда — с усилением напряжения, служб, встреч, трудов возрастает и духовная сила.

Мне почти всегда тяжело «говорить» — я мучаюсь и до и после. Так трудно сказать самое главное и так редко оно доходит если, превозмогши себя, выскажешь что-нибудь из «главного». В общем — я очень чувствую тещу всякого словесного общения. Но тут (в лагере молодежи) я говорю легко и свободно и потом не каюсь.

Главное — я вижу, как им нужно такое с ними общение. У них, хотя и большая трезвость, практицизм, элементарность, попросту — малая культурность и невоспитанность внутренняя и внешняя, но живой ум, прямота, жадность к жизни и благодарность за настоящий интерес и любовь к ним, что они сразу улавливают.

Все меньше у меня становится вкуса и веры к словесным методам воздействия, вообще к словам — «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (1 Петр 3).

Из писем о. Александра незадолго до смерти

Ходит ко мне Х. и кротким голосом, но настойчиво укоряет меня в маловерии и неумении силой духа преодолеть болезнь. Аргументы — «Христос нас освободил от рабства плоти» (Рим. 8). Что сказать на это?

Дар исцеления у христиан не есть дар всемогущества и власти над природой.

Многие праведники до конца своих дней страдали неизлечимыми болезнями — ст. Амвросий, Паскаль.

Сам апостол болел, исцеляя других (но не всех) — ап. Тит.

Как это объяснить? Объясняется это тем, что пока мы живем в этом теле смерти, мы несем все последствия этого — до восстановления всеобщего.

А второе — «в теле моем я ношу мертвость Господа Иисуса» 2. Кор. 4.

«Многое я снова передумал и пережил за эту болезнь. Страшная, и сомнительная и зыбкая вещь — наша жизнь; такой тонкой пленкой отделена она от боли, страдания и смерти. И так бессилен человек перед всем этим мраком, такой слабой оказывается вся духовная жизнь, не выдерживающая температуру в 40°, ослабевающая при большой боли. Вообще болезнь сильно

смирят; Господь не оставляет без своих утешений, но так ясно видишь с в о е ничтожество и бессилие. Единственная защита против всех ужасов окружающих нас — верная любовь ко Христу и неотступное за него держание».

«Многому научила меня болезнь. Еще больше утвердила в мысли, что — если со Христом, то и со страданиями, и что нет христианину иного пути, как через боль внутреннюю и внешнюю. И, думая о бесконечном множестве страданий в мире, я думал, что вот такими, ничем не заслуженными, безвинными страданиями, строится невидимое Царство Божие, создается и собирается Его страдающее Тело — Церковь Христова».

Из писем к молодежи

«Если уже ты принимаешь мое руководство, то я посоветую тебе вот что:

Молиться утром и вечером, хоть одну молитву, хоть 1-2 минуты, но стараться достигнуть полного сосредоточения мыслей на словах молитвы, изгнания из ума всего постороннего, хоть слабой степени с е р д е ч н о й теплоты, чувствуемой и реально в области сердца, так как мы молимся прежде всего с е р д ц е м.

Читать, когда сможешь, но каждый день, хоть 1-2 стиха Евангелия, с усилием применить прочтенное к своей жизни, к пониманию окружающего, т. е. с усилием понимать читаемое, как живое слово Бога, направленное именно к т е б е.

Читает всегда какую-нибудь книгу религиозного содержания, жизнеописание святых, по истории Церкви. Здесь могут быть полезны и французские книги — например, о св. Франциске Ассизском, о св. Терезе, если нет православных.

По каждому из этих пунктов может быть бесконечное развитие и углубление, я только чуть коснулся этих тем...»

«На твои вопросы о посте: пост не есть голод. Голодает и диабетик, и факир, и ног, и заключенный в тюрьме, и просто нищий. Нигде в службах Великого Поста не говорится о посте изолированном в нашем обычном смысле, т. е. как о неядении мяса и проч. Всюду один призыв — «постимся, братие, телесне, постимся и духовне». Следовательно, пост только тогда имеет религиозный смысл, когда он соединен с духовными упражнениями. Пост — истощению, утончению. Нормальный, зоологический благополучный человек недоступен влияниям высших сил. Пост расшатывает это физическое благополучие человека, и тогда он делается доступнее воздействиям иного мира, идет духовное его наполнение».

«...Что касается исповеди, — не откладывай ее. Слабая вера и сомнения — не препятствие. Непременно исповедуйся, каюсь в слабой вере и сомнениях, как в своей немощи и грехе. Так оно и есть: полная вера только у сильных духом и праведных; где нам, нечистым и маловерным, иметь их веру. Была бы она — мы были бы святы, сильны, божественны и не нуждались бы в той помощи Церкви, которую она нам предлагает. Не уклоняйся и ты от этой помощи.»

«Просмотрел с отвращением несколько томиков детективной литературы, которую объедает современная молодежь. Совершенно открытое и явное, постоянно и настойчиво вколачиваемое представление: глупость, скука, бездарность всего, что имеет отношение к порядку, государству и привлекательность, красота, благородство, блестящая талантливость представителей порока, преступления. Читатель сознательно приучается к таким комбинациям как «вор-джентльмен», «благородный убийца», «романтически влюбленный мошенник». Это самый настоящий и, я уверен, сознательно приготовляемый яд.»

«Нужно постоянно читать то, что питает твою душу, указывая цель, единственную цель в жизни. Здесь нужен своего рода аскетизм, самоограничение, самопринуждение. В с я к и й х р и с т и а н и н — п о д в и ж и и к. Запомни это. Человеческая природа так искривлена, что на нее при-

ходится жестоко нажимать, если хочешь выравнять себя по евангельским меркам, и выравнивать приходится каждый день, каждый час; помоги тебе в этом Господь...»

«Главная ошибка нашей молодежи — в убеждении, что все можно постигнуть, что христианство есть философская система, логически доказуемая и излагаемая, что они в данном своем состоянии (моральном, религиозном, интеллектуальном) могут усвоить себе всякую истину веры. Что христианство есть ж и з ь, этого они часто упорно не хотят видеть. Вместо того, чтобы полюбить истину и преклониться перед нею, они ее оспаривают, полемизируют с нею».

«Я убедился, что е ж е д н е в н о е чтение свв. отцов и житий в наших условиях главнейшее и действительнейшее средство для поддержки нашей веры и любви; это чтение конкретно рисует нам области, куда мы стремимся, дает нашей вере образы, идеи, чувства, указывает пути, обнадеживает описанием ступеней, этапов внутреннего движения, согревает сердце влечением к блаженной жизни святых подвижников. Как можно любить то, чего не видишь, от чего не имеешь постоянных впечатлений? Первые христиане оттого и горели такой верой — любовью, «что слышали, видели своими очами, осязали руками» (1 Иоанн 1). Эту возможность иметь прямые впечатления от Божественного света дает нам или общение с живыми святыми, или общение с ними же через проникновение, путем чтения, в их внутреннюю жизнь. Естественный, казалось бы, путь к тому же через чтение Евангелия. Конечно, да, для тех, кто способен читать его с пользой. Есть множество людей, которым Евангелие ничего не говорит — или оттого, что оно с детства «зачитано», или свет евангельский слишком силен для слабых глаз. Не все способны воспринять его и нуждаются в смягчающей среде жизни святых, в которых тот же свет евангельский, но в более доступном нам виде.»

«Ты спрашиваешь о значении текста: «Если зерно пшеничное» и т. д. (Иоанн 12, 24).

Здесь подразумевается смерть нашей низшей личности, эгоизма, «самости», своеволия — только с их истреблением в нас рождается новая благодатная жизнь, которая светит всем, «приносит многим плод». Это говорил Гете: «Entbehren sollst, du sollst entbehren». — это же подразумевал святой

Серафим, говоря: «Радость моя, стяжи дух мирный и тысячи людей спасутся около тебя». То-есть, приобрести мир душевный, бесстрашие, безгневие, тишину в душе, и ты будешь светить всем окружающим».

«То, что я говорил и писал тебе о послушании, не понимай как какую-то мягкотелость, перекладывание своего на чужие плечи, отказ от своего пути.

Нет, послушание — это подвиг, и подвиг труднейший, требующий может быть большей силы воли (как это ни звучит парадоксально), чем жить по-своему.»

«Советую тебе вести дневник, это помогает изучению себя, предохраняет от повторения ошибок, сохраняет живым прошлое. Стоит записывать всякую большую радость, горе, важную встречу, о книге, произведшей впечатление, свои вкусы, желания, надежды.»

«Разреши дать тебе некоторые советы:

Самое радикальное средство от гордости — быть в послушании (родителям, друзьям, духовному отцу).

Принуждать себя выслушивать советы и быть внимательным к чужому мнению.

Не торопиться верить в истинность открытых тобой мыслей.

Быть попроще с людьми, не подозревать за их словами и поступками: никакой особой подкладки.

Не избегать игр, веселости, общества.

Молиться почаще — Господи, дай мне терпение, великорушие и кротость» или — ...«смирение, целомудрие и послушание».

Помоги тебе Господь стяжать плоды Духа Святого, из которых первые суть — любовь, радость, мир, долготерпение.»

«Будь терпелив в своих скорбях: без страданий не живут даже низшие существа; а чем выше человек, тем больше он страдает.»

Низость и пошлость мотивов у начинающих курить — быть как все, боязнь насмешек, желание придать себе веса. Одновременно — психология труса и жулика. Отсюда отчуждение от семьи и друзей. Эстетически — это пошлость, особенно невыносимая у девиц. Психологически — курение открывает дверь всему запрещенному, порочному.

Курение и всякий наркоз затмевают наше чувство чистоты, целомудрия. Первая папироса — первое падение, потеря чистоты. Не ложное пуританство, а непосредственное чувство и глубокое убеждение в этом побуждают меня это тебе сказать. Спроси всякого курящего — несомненно, начало курения было для него в каком-то смысле падением.»

«Держись проще и веселее. Христианин вовсе не должен представлять собой какую-то мрачную фигуру, изможденную аскетическими подвигами и служащую укором для других людей. Если даже это у тебя и совсем искренно — все равно — долго так не прожить, и реакция может быть как раз в обратную сторону. Не думай вовсе о внешнем — оно должно быть естественным результатом внутренней жизни и проявляться само собой.»

«...Тебя смущает твоя робость и застенчивость в сношениях с людьми. Постепенно, от практики разовьется некоторая наглость, если тебя это может утешить. Но главное — это яркое доказательство сидящего в нас самолюбия.»

«Как сделать, чтобы не было скучно с человеком? — Надо понять, что Бог творит Свою волю о нас через людей, которых Он посылает нам. Нет случайных встреч: или Бог посылает нам нужного нам человека, или мы посылаемся кому-то Богом, неведомо для нас.

Мы умоляем Бога о помощи, а когда Он посылает нам ее через определенное лицо, мы отвергаем ее небрежностью, невниманием, грубостью.»

«Ты спрашиваешь меня про «тесные врата», почему непременно «тесные»? Нельзя ли было, чтобы и здесь, в Церкви было легко жить?

Эта необходимость обусловлена общей испорченностью, поврежденностью человеческой природы (грех, смерть). Страдания имеют и положительную силу и смысл. Человек духовно растет, если мужественно, с готовностью идет на них. Невозможно уже легко и радостно жить в этом мире страданий.»

«Я думаю, в основе твоих душевных недомоганий лежат две причины: 1) чрезмерная занятость собой и, как результат, — малая занятость окружающими, и 2) малая любовь ко Христу. Эта любовь есть основа и корень всякой духовной жизни и силы, и ее нужно в себе растить и воспитывать. Начни хоть с такой неотразимой мысли, что прекраснее Христа не было

никогда ничего во всю человеческую историю. Если ты возьмешь всех Наполеонов, Цезарей, Александров, всех гениев и вождей человечества, — во всех них ты найдешь пятна, нечистоту; и только в кротком Сыне Марии ты увидишь все прекрасное, все желанное, о чем когда-либо грезило человечество. Всматриваться в этот образ, выяснять и углублять его в себе, жить мыслью о Нем, отдавать Ему свое сердце, — это и есть жизнь христианина. Если это есть, тогда и полная тишина сердечная, тот мир, о котором говорил Св. Исаак Сирий: «Умирись с собой, и мирятся с тобою небо и земля».

«Ты спрашиваешь, что самое главное в религии, если не нравственная сторона? — Не менее важны Таинства, догматы, обряды, а самое главное — реальное соединение с Богом и приготовление своей души к бессмертию.»

«Относительно религиозности Толстого и Руссо дело обстоит так. Религия дело сложное. Вино, например, состоит из воды, спирта, ароматических и красящих веществ и т. д. Так и религия — в ней есть спирт догматов, ароматические вещества культа и обрядов и нравственные правила — вода. Вот Толстой и Руссо одну эту воду и видели.»

«Вопрос о выборе карьеры очень труден, но, в случае если есть ясно выраженное призвание, надо слушаться прежде всего этого голоса; это даже практически выгоднее, т. к. выбор карьеры не по призванию, а по соображениям побочным делает людей всегда работниками второго сорта, не талантливыми и не вдохновенными.»

«Твое сокрушение о том, что ты не можешь постигнуть Бога, очень законно, — т. к. именно одно из свойств Бога — его непостижимость. И, если бы полное постижение Его нами, существами ограниченными, стало возможно, оно означило бы ограниченность, конечность Его, т. е. неполноту Божества. Вообще наши познавательные методы недостаточны в деле Богопознания и не надо торопиться эту свою ограниченность принимать за ограниченность того, что мы хотели бы постигнуть. В нас заложена бессмертная божественная душа, которая и через эту ограниченность тянется к Богу. Вся ошибка в том, что люди судят о Боге, пребывая вне Бога. Ни в одном человеческом деле не допустима такая недобросовестность. Никто не возьмется лечить людей, не изучив медицину, не начнет строить дома, не имея специальных познаний; отчего же о делах божественных судят строже всего люди далеко

от этой области стоящие? И, вместе, — как смиренны те, кто преуспел в деле Богопознания. Можно сказать, что смелость суждений о Боге — обратно пропорциональна близости к Нему.»

«С Евангелием у тебя «н и ч е г о н е в ы х о д и т», во-первых, потому, что не хватает воображения. Евангельские слова не дают тебе живого образа Христа; для этого надо твое собственное усилие. Во-вторых, ты мало любишь Христа, иначе ты бы с жадностью читал и перечитывал эту единственную книгу о Нем и находил бы все новые и новые подробности и оттенки.

Есть два способа читать Евангелие:

1. Читать очень понемногу, по одному-два стиха и обдумывать их весь день, рассматривать их, как обращенные к тебе слова Христа.

2. Когда хорошо знаешь Евангелие — читать большими частями (всего Евангелиста, все 4 Евангелия сразу), чтобы уловить связь событий и общий дух. При слабой памяти это очень помогает и даже — существенно необходимо.»

«Очень тебя понимаю в твоих жалобах на пустоту жизни вокруг тебя. Посоветую тебе две вещи: во-первых, частую коротенькую молитву среди дня про себя, на ходу, вроде «Боже очисти меня грешного», «Боже, буди милостив мне грешному», «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» — по многу раз. Это как средство иметь память о Боге, которая предохранит от легкомыслия, болтовни и проч.

И второе — не особенно скрывать от товарищей свою религиозность. Неожиданно ты можешь встретить сочувствующих, вопрошающих, заинтересованных. Одним словом, не старайся скрывать перед людьми свою истинную сущность под общей маской легкомыслия и пустоты.»

«Наше дело, православных русских людей — уразуметь свою веру двумя путями: знакомясь с ней и живя ею. Ты задал мне ряд вопросов, но имей в виду, что богословские и философские вопросы нельзя разбирать в каком угодно порядке и последовательности, как и в математике и в любой науке.

Если ты хочешь основательно понять нашу веру, то для этого читай Евангелие с комментарием в руках и старайся жить церковно. До этого все будет одна игра ума и праздное любопытство. Я понимаю, как это неисполнимо и как, наоборот, легко и занимательно читать теософские фантазии, но ничего другого посоветовать тебе не могу.»

«...Ты спрашиваешь о форме в религии. Что же скажешь об этом больше, чем сказал Христос: «Что мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яко глаголю» (Лк., 6, 46). Думаю, что всякое преобладание эстетики в богослужении есть нарушение 3-ей заповеди. А эстетическая эмоция так похожа на религиозную, что тут легко ошибиться. Да и вообще, где «страстное» отношение, там дело подозрительно, надо следить, чтобы не нарушить внутренней правдивости.»

«Когда считаешь себя в праве осудить какое-нибудь даже действительно возмутительное явление, поступок — проверь, нет ли в это время в тебе личной злобы, раздражения, ревности, зависти, враждебности к людям, желания унижить, осмеять: почти всегда найдешь, что есть. Выводы отсюда ясны.»

«Вы пишете о «религиозном минимализме». Но ведь никакой другой точки зрения из Евангелия не вычитаешь, кроме как соединение духовного максимализма и житейского минимализма («будьте совершенны, как Отец ваш Небесный», «не заботьтесь о том, что вам есть или что пить» и т. д.). К каким бы ухищрениям мы ни прибегали в толковании этих ясных слов, обращенных прямо к нам, иного смысла из них не извлечь. Есть единственный путь сделать для себя необязательными эти слова — это сознательно сделать для себя необязательным Евангелие, т. е. отречься от Христа. Значит ли это, что надо немедленно бросить нашу работу, наши уютные квартиры, детей, семью, наши маленькие ежедневные радости и босыми странниками идти куда глаза глядят? — Это было бы неправильное решение вопроса, неправильное, потому что внешнее. Надо начинать не с этого, а с поисков того состояния души, когда внешние решения явятся сами собой, когда постоянная «радость о Господе» и сила благодати сами настойчиво продиктуют нам иной образ жизни взамен того эпикурейски-эгоистического, который мы ведем. А пока — хотя бы томиться и страдать о своей духовной нищете и убожестве, о своем недостоинстве, маловерии и духовной лени, а не возводить их в принцип и правило жизни. Если бы я мог заподозрить, что вы остановились на программе маленькой обывательской жизни, с максимумом развлечений и минимумом духовной жизни, то я серьезно бы встревожился. Но этого, конечно, нет; у вас, наверно, есть и внутренняя тревога о себе,

и скорбь о России и Церкви и желание высшего праведного и святого, и готовность на жертвы, и сознание своей духовной слабости — и слава Богу.»

«Как сделать, чтобы не сердиться, не обижаться, «когда обижают и оскорбляют»? Терпеть, стиснув зубы? Тренироваться в самообладании, развивать терпение? — Само по себе все это не плохо, но это не то, все это внешние, не благодатные, не христианские пути. Единственно верный путь — иметь постоянно, ежеминутно перед собой высокую цель, «всегда видеть перед собой Господа», как говорит псалмопевец — «презрех Господа моего выну (всегда), яко одесную меня есть». Помните ли вы рассказ из жизни Клемансо? — Обходя однажды траншею, он подошел сзади к стрелку и, хлопнув его по плечу, спросил: «Как дела, старина?», а тот, не оборачиваясь и не зная, кто с ним говорит, ударил его ногой и скверно выбранился; Клемансо, который никогда не прощал ни одной обиды, только улыбнулся и пошел дальше. Откуда этот язычник, этот страстный и гневный человек взял «кротость и терпение в перенесении обид»? — От великой идеи, которая всегда была у него перед глазами — «победа Франции». Да защитит и нас от греха непрестанная память о «победе Победившего мир». Когда мы унываем от обиды, злимся, то грех наш в том, что в эту минуту мы упустили из сердца нашего веру, любовь ко Христу, высоту нашего призвания; мы в этот момент сузились до того, что помним только о письме, которое нам помешали написать, о книге которую хотели прочесть, о тысяче мелочей, ранивших нас, а главное — все о себе, да о себе. «Презрех Господа моего выну, яко одесную мене есть» — вот единственный путь — на нем же да утвердит вас Господь.»

«Вы оправдываетесь тем, что проступок ваш невелик, не важен. Но нет неважного, ничтожного в мире — ни дурного ни хорошего. Самое незначительное действие, мимоходом брошенное слово, самое мимолетное чувство — важны и реальны, как реально все в мире. Поэтому, все самое малое должно соответствовать самому главному и ничто нельзя почитать недостойным внимания или свободным от нашей ответственности...»

«Обычные (юношеские) ошибки в богословствовании:

1. Предпосылка, что все вопросы разрешимы, и 2. Уверенность, что разрешение этих вопросов — процесс чисто интеллектуальный, дискурсив-

ный (значит, независимый от внутреннего подвига, очищения ума и сердца, молитвы).»

«Многие юношеские сомнения от гордости:

1) «Нужно сделать что-то решительное, выйти из компромиссов, отдать Богу все.»

2) «Нельзя часто приобщаться — чувство своего недостойнства.»

3) «Гордое чувство своей необычайной греховности.»

4) «Нельзя выходить замуж, т. к. слишком много берешь на себя — создание новых людей.»

«...Насчет семьи — не надо понимать буквально. Мы знаем, что апостолы (Петр) жили со своими семьями, что Лазарь и его сестры не бросили друг друга, принимали Христа в своей семье, оставаясь Ему верными. Знаем многих святых семейных. Нужно только уметь в душе поставить семейные отношения на второе место, быть готовым каждый момент поставить на первое место свою веру. Это так же как с имуществом — «можно владеть всем, но чтобы ничто не обладало тобою» (ап. Павел).»

«...Вы пишете о «холоде и одиночестве» Вашей жизни. Мне так хотелось бы утешить Вас! Но неужели молитвы, друзья, работа не выводят Вас из одиночества и не согревают Ваше сердце? Я уверен, что да, и что Ваши слова надо понимать в том смысле, что и и о г д а, может быть даже ч а с т о, Вам бывает холодно и одиноко; часто, но не всегда. Конечно, большую роль в этом одиночестве играют обстоятельства Вашей жизни, но будем мужественны и признаем, что не малое значение, может быть даже главнейшее, принадлежит Вам самим. Вы пишете сами, «что Вам трудно выходить из себя», т. е., что в Вас есть некоторая обращенность на себя, а это грех и не какой-нибудь, а коренной и первичный грех нашей человеческой природы. «Люди впали в с а м о в о ж д е л е н и е, предпочитая с о б с т в е н н о е созерцание божественному» (св. Афанасий Великий). Выход отсюда, из этой обращенности на себя — в раскрытии себя навстречу Объективному. Стремитесь к блаженной простоте и молитесь о ней, о той святой простоте, которая дается забвением себя и полной, без остатка, обращенностью к свету Божественному, к миру, к братьям. Тогда в Вашу душу снизойдут и полный мир и радость и покой. А путь к ним — послушание, быстрое, добровольное, радостное, нерассуждающее. Вы спросите: кому по-

слушание? — первому встречному, близким, голосу совести, уставам Церкви, духовному отцу. Замкнутость наша всегда грех, но только не всегда и а ш личный грех; часто это порок всего рода, семьи, предков. Но тогда тем больше побуждений бороться с грехом для спасения всего своего рода. Ведь всякое личное приобретение духовное таинственным путем сообщается всем нашим родным живым и умершим. Господь явно покажет это на Вашем опыте, если Вы преуспеете на этом пути. В Вашей семье Вам дано понимать в этих вопросах больше всех и, если Вы вымолите у Бога для себя кротость, душевный мир, терпение, то Вы обратите на духовный путь всю Вашу семью, и не проповедью, не поучениями, а молчаливым совершенствованием в добре...»

«Разрешите несколько слов о Вашем чтении. Все, что Вы читали до сих пор — все это было в развитие и укрепление Вашей христианской мысли, христианского мировоззрения. Но этого мало и не только мало, но этого рода чтение должно стать определенно на втором месте. Христианство не есть философская система, оно есть ж и з н ь, особый метод жизни, и вот этому надо поучаться непрестанно, буквально каждый день. Есть мастера этой божественной жизни, начавшие с первых ступенек и дошедшие до таких вершин, что их даже не всегда понимаешь, когда они говорят об этих вершинах. Их надо и читать. Это, конечно, св. отцы, аскеты, подвижники, богатыри веры и ревности о божественной жизни. В приблизительной последовательности вот главные из них: свв. Антоний Великий, Ефрем Сирий, Авва Дорофей, Макарий Великий, преподоби. Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Симеон Н. Богослов. До них можно прочесть наших русских — Иннокентия, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского. Они напитаны духом перечисленных выше отцов, но излагают их языком нашего времени и применительно к условиям нашей жизни. Многие из аскетических св. отцов собраны в ряде томов «Добротолубия», приблизительно в должной последовательности. Читать их надо медленно, с выписками, с размышлением, по тому в 2-3 месяца.»

«В нашем восприятии слова Божия различимы следующие моменты — слышание его, разумение, принятие сердцем и, наконец, — употребление его к жизни. Проверьте себя — в какой из этих стадий вы находитесь. Всегда ли вы хоть просто слышите его или часто ли берете в руки, чтобы прочесть. Слыша, читая, даете ли себе труд вникнуть и понять его? Доходит ли оно до вашего сознания, сердца, будит ли оно их? Если — да, то есть ли плоды

этого, сдвигает ли оно вас хоть немного с мертвой точки успокоенности обычной нашей жизнью? Проверьте себя — и медленно и упорно начните свой подъем по этим ступеням.»

«С участием и сочувствием прочел я длинный список Ваших душевных горестей и огорчался вместе с Вами. Но я все же верю в основную доброкачественность Вашей души. Дело в том, что жить по совести очень трудно, а жить как все очень легко и выходит как-то само собой. Есть хорошая русская поговорка: «Богово — дорого, бесово — дешево», и вот на это дешевое все и бросаются. Как легко жить без усилий, в непрерывном синематографе встреч, разговоров, не неся никаких обязанностей, ни к чему себя не принуждая, питая свое тщеславие, леность, легкомыслие. Но я твердо знаю, что в глубине души Вам противна такая жизнь, что Вы хотели бы быть доброй, внимательной ко всем, светлой, чистой.

Позвольте дать Вам маленький совет. Каждый день начинайте так (конечно, если есть для этого подходящие условия): прежде какого бы то ни было дела проведите хоть полчаса в молитве, чтении и размышлении. На молитве вспоминайте всех близких, больных, умерших, обращайтесь к Богу с просьбой о помощи в Ваших затруднениях внутренних и внешних. Потом читайте. Хорошо, если кроме Евангелия прочтете из какой-нибудь религиозной книги. Потом — подумайте о предстоящем дне, представьте себе все возможные трудности, которые Вас ждут, и приготовьтесь к ним а, главное — каждый день с утра давайте себе слово не сделать ни одного поступка против голоса совести. А вечером, даже уже лежа в постели, проверьте весь день с точки зрения этого правила. Я знаю как это трудно, но попробуйте — это настоящий, прямой путь к полному духовному исправлению. А мне напишите — вышло ли чтонибудь из этого.»

«...Будьте мудры и извлеките из тех испытаний, которые посылает Вам Бог, максимальную выгоду для себя. Что пользы, если мы прочли целые библиотеки мудрецов, философов, богословов, а спотыкаемся в жизни на каждом шагу, — «тем большее мы примем осуждение». Гершензон писал в «Вехах»: «все мы знаем так много божественных истин, что одной тысячной доли того, что мы знаем, было бы достаточно, чтобы сделать нас святыми, но з н а т ь истину и ж и т ь по истине, как известно, разные вещи». Не позволяйте же себе идти только легким путем накопления и расширения знаний, а зарывайте глубже в недра Вашей души металл Вашего плуга. Условия,

которыми окружил нас Господь, — это единственный возможный для нас путь спасения; эти условия переменятся тотчас же, как мы их до конца используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов — в золото терпения, безгневия, кротости. Не позволяйте так разделяться Вашей душе, чтобы одна ее часть воспаряла до седьмого неба с Дионисием Ареопагитом, а другая пресмыкалась на земле в унынии, мелкой обидчивости, может быть — злобе...»

«...Вы должны держать себя в чистоте и ясности, чтобы свет Ваш светил другим. А для этого надо любить Свет, не изменять ему: «веруйте, в Свет, да будете чадами света». — А практически? — Искать этого Света в себе и в других, поддерживать, культивировать в себе и других каждую искорку добра и света, радоваться о свете, н е в е р и т ь в тьму, ложь, закрывать на них глаза, потому что они — призрачны, и вспухают от устремленного на них внимания...»

«Для чего нужна вера? — ни для чего. Если б я сказал, что она нужна, чтобы быть хорошим человеком, чтобы помогать людям, чтобы познавать Бога, чтобы спасти свою душу — все это означало бы корыстное и эгоистическое отношение к вере. Мы верим н е д л я ч е г о - т о , а п о т о м у ч т о — мы любим Бога, потому что Бог есть для нас (в своем явлении на земле в качестве Богочеловека-Христа) — совокупность всего самого светлого, чистого, бесконечно прекрасного, короче — всего самого желанного. Л ю б о в ь к Б о г у ведет за собой веру в Бога. Когда Вы ищете истины среди противоречивых философских систем, это потому, что Вы любите И с т и н у; если всякая земная красота только томит Ваше сердце и никогда его не насыщает — это потому, что мы успокоимся только на Вечной Нетленной Красоте. Если Вы мучаетесь нечистотой Вашего сердца, — это потому, что сами того не зная, Вы жаждете абсолютной чистоты и святости.»

«Вы жалуетесь на «шероховатости» Вашей жизни — но таково все, совершаемое людьми — где люди, там и страсти, узость, эгоизм, самолюбие; тем более надо все время держать себя на известной глубине, не терять из виду общих, последних целей, истреблять в себе все мелкое и будничное; тогда станет легче переносить все это в людях. Пошли нам, Господи, терпения, великодушия, кротости. Мы все делаем не свое, а Божье, дело и поэтому все конфликты, улалятся не нашими великим усилиями, а Божьей мудростью.»

«То, что Вас тяготит Ваша жизнь, показывает, что в Вашей душе есть что-то светлое, что ужасается этой общей лжи и нечистоте. Каждый из нас — двойное существо: с одной стороны, достойное суда и осуждения, с другой — судящее, жаждущее правды и света. Чем больше будет вырастать в Вас внутренний человек, тем больше Вы будете видеть света и в окружающем и в окружающих, пока не достигнете такой чистоты сердца, что все кругом будет Вам казаться светлым и преображенным; это и есть — пребывание в раю еще до смерти. В этом состоянии живут праведники и святые, которых много среди нас, но которых мы не видим по нечистоте наших глаз и сердец. Т. е. мы их видим, но они нам кажутся или совсем обыкновенными людьми, или чудаками и юродивыми.»

«Опасность самочинных аскетических упражнений: по нашей крайней материальной чувственной плотности и тяжести мы мало проницаемы для воздействий духовного мира. Только с утончением нашего тела до нас доходят «звуки небес». Но дьявол тот же дух. И чувственный, отяжелевший человек недоступен одинаково воздействиям обоих миров. Но, самовольно утончая аскетическими упражнениями свое тело, человек делает его доступными и для злых духов.»

«...Не отвечаю на Вашу просьбу по существу, пишу по поводу нее то, что я неоднократно говорил и писал моим духовным чадам.

Я не могу, считаю неправильным брать на себя решение чьей бы то ни было судьбы, чьих бы то ни было семейных дел. Я не чувствую себя призванным к роли «старца» и сознаю для этого свое глубокое недостойнство. Вообще, «старчество», «послушание» вещи слишком ответственные и трудные для обеих сторон, чтобы можно было так вдруг взяться за них.»

«Разговоры о чувстве убивают самое чувство.»

«Если сердце холодно и молитва не идет, — обратиться к Евангелию; если не поможет — раскрыть любимого св. отца; такой «друг-святой» должен быть у каждого.»

«Вы жалуетесь на то, как трудно и даже просто скучно чтение свв. отцов. Но попробуйте поставить вопрос так, что трудны и скучны не они, а что может быть Ваша душа не готова еще увидеть тот свет, который видят же

в них другие. Все же не оставляйте это чтение, пытайтесь согреть свою душу теплом их веры, прикоснуться к их духовному опыту. Вы скажете, что слишком неизмеримы их высота и вся мелкая будничность, которая держит нас в своем плену. Но присмотритесь к себе — не может быть, чтобы всегда это было только трудно и скучно. В редкие минуты жизни — в испытаниях и горе или в большой радости душа ищет подняться и тогда может быть иначе звучат слова, которые раньше не доходили до Вас. А в обычное время нужен труд и некоторое насилие над собой, чтобы разбудить свою косность. И, будьте уверены, — эти усилия дадут свой плод, и невидимое пока для Вас накопление духовных богатств проявится в нужную минуту, может быть, спасет Вас в настоящей беде.

Тут же Вы пишете о своем одиночестве и покинутости. Конечно, Вам нужно живое общение с людьми и их близость. Но, подумайте, — уже в тех же свв. отцах — какое «избранное общество» Вы имеете, какие сокровища лучших душ, веками накопленные, даются Вам и всем нам в полное владение. В этом и радость церковного общения, — что все мы живы и все братья в Церкви и не может, не должно быть чувства покинутости у живого члена Церкви.»

«Как во многом, бесплодны индивидуальные усилия. Ищите дружбы. Вот случай когда $1 + 1$ не 2, а по крайней мере 3: это вы двое + то великое — взаимная любовь, что поддержит и укрепит Вас.»

«Обычно мы живем какими-то самыми поверхностными слоями нашей души и сознания. Видно это хотя бы по тому, как легко мы предаемся негодованию по пустякам, сколько значение придаем вещам вовсе нестоящим. Половина наших огорчений и жизненных трудностей исчезла бы, если бы мы перенесли центр наших интересов на большую глубину. Оттого так настоятельно я Вам и рекомендую чтение Евангелия именно по утрам — что это даст тогда несколько иной тон началу каждого дня и поможет провести его более достойно, поможет мирным сохранить свое сердце, какие бы жизненные бури ни случились в предстоящий день.»

«Всякое самое малое дело начинайте молитвой — призыванием силы Божией на Ваше дело и вознесения этого дела на высоту. Тогда не будет, не сможет быть у Вас плохих дел.»

«Наши беседы и открытые лекции — случайные лекторы, случайная публика — не рожденное существо, а механический искусственный продукт; никто не вложил сюда своей души, не родил этого в мучениях, не любит родительской любовью. Обратное — небольшие кружки, с постоянным составом слушателей, с руководителем, знающим всех — тут что-то органическое, что ведет и воспитывает. Это относится больше всего к кружкам молодежи, конечно.»

«Вот несколько впечатлений от моего общения с молодежью — выросшие в условиях революции, войны и эмиграции, молодые часто нервно неустойчивы, но практичны, реалисты; малый опыт добра; часто мало культурны, но со своеобразной честностью, прямоотой, непризнанием фраз и «идеалов» без дела. Чуткость ко лжи.

Сохранены ли они для России и как их сохранить? Но молодежь в праве спросить — для чего? Мы не хотим жить для каких-то целей, придуманных стариками.

— Для самих себя. Можно прожить и живут всю жизнь, слабой чьей-то тенью, копией, третьим сортом. Но, конечно, это плохой способ. Самый первый, примитивный смысл существования — быть самим собой.

Но личность — сложная постройка и национальность играет огромную роль, если не явно, то подсознательно, и это проявляется иногда неожиданно для самого себя.

Итак, если мы хотим быть самими собой, мы должны быть русскими.

Но разве нельзя целиком превратиться в англичанина, немца, француза? — только частично.

Иначе — длительный маскарад, истощающий силы, не дающий возможности творчества.

Но где же искать этого русского? — чем сохранялись великие нации? Что их сберегало или уничтожало? — Я з ы к и в е р а. И вера больше, чем язык.

...И мне хочется сказать нашей молодежи: вы молоды, у вас крылья молодости, вы сумеете совершить этот подвиг — остаться православными и русскими. Вы — православные, все сокровища Церкви к вашим услугам: ее молитвы, таинства, — знакомьтесь с этим сокровищем, изучайте его, питайтесь им.

Вы — русские. Все что накопили ваши предки, все культурное наследие, весь гений величайшей нации — это ваше добро, даром вам доставшееся. Ваша обязанность изучить это наследие, культивировать его в себе, принимать участие в общем русском деле.

Но тут трудность и, часто, бесплодность индивидуальных усилий. Сила соборности, дружбы. Для молодых — громадное значение имеют юношеские организации, помогающие сплочению.»

И еще одно наблюдение — все почти юноши унылы, мрачны, тяжелы. У всех девушек — легкость, простота, лучистость какая-то. Им все дается легче, в обращении их к христианству им легче дается с е р д е ч и о с т ь этого обращения. Для юноши надо преодолеть гораздо больше — прежде всего, рассудочность, самолюбие и т. д. Поэтому, в будущем русском церковном обновлении женщине предстоит, верно, не малая роль.»

Советы молодым священникам

Пастырская работа должна быть индивидуальной и творческой.

Метод, часто практикуемый, становится рутинной.

Всякое слово, поучение имеет смысл и цену только тогда, когда идет от собственного духовного опыта, знания. Всякое слово, сказанное только устами, мертво и ложно, и всегда слушающие безошибочно это различают.

«Пастырские» тексты (выписываю для руководства):

«Мы были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими». 1 Фесс. 2.

«Для всех я сделался всем, чтобы спасти некоторых». 1 Кор. 9.

Надо учить людей исповедываться. Как часто вместо исповеди слышишь совершенно житейские разговоры, хвастанье собой, цитирование хороших отзывов о себе, жалобы на близких и на трудности жизни. Отчасти это от незнания, от отсутствия церковной культуры, отчасти — от греховной запутанности, слабости, когда человек не умеет и не пытается увидеть себя, когда у него нет ни навыка, ни желания разобраться в своей душе, нет отвращения к греху, нет стремления к свету и жажды очищения.

Стараться, чтобы все приходящие к исповеди вынесли из каждого говения хоть одну добрую привычку — например, обязательную двукратную молитву, среди дня, неосуждение и т. д.; настойчиво прививать, проверять — потом само делается необходимостью.

Бывает, что, готовясь к исповеди, говеющий временами испытывает страх греха, искреннее покаяние до слез, и придя к священнику, не чувствует ничего, не имеет страха и сокрушения. Нельзя ли раздвинуть пределы таинства? Нельзя ли считать, что таинство покаяния включает в себя все говение, молитвы, покаянные чувства, а что момент самой исповеди, — только заключительный, хотя и важнейший момент?

Всякий священник должен быть хорошо осведомлен в области нервных и психических болезней — это совершенно необходимо в практике духовничества.

Обычный случай, когда исповедующийся, а с ним и духовник принимают явление чисто нервного порядка за переживания религиозные, или когда священник не умеет определить истерическую подкладку многих явлений и тем только ухудшает положение. А часто и обратное — за нервную болезнь принимается тяжелое состояние души, отягощенной грехом, запутанной и омраченной неразрешенными конфликтами. Известны случаи, когда одна исповедь бесследно излечивала застарелые и тяжелые, будто бы нервные заболевания, против которых бессильны были все медицинские средства.

Человек часто исповедующийся, не имеющий залежей греха в душе, не может не быть здоров. Исповедь — благодатный разряд души. В этом смысле громадное значение исповеди и вообще всей жизни в связи с благодатной помощью Церкви.

Первая, слишком ранняя исповедь (есть дети, в 6 лет — совершенные младенцы) не нарушает ли простоту, цельность, непосредственность искусственно пробуждаемым самоанализом? Для некоторых детей, особенно «детских», я бы переносил ее на год, два позже.

Сегодня дети (10-12 лет) спросили меня (очевидно после большого спора между собой), что такое а с к е т и з м. Я ответил — «система упражнений, приводящих тело в подчинение духу». «А какие самые первые упражнения?» — 1) дыхание носом — 2) еда не досыта (не брать второй раз) — 3) не валиться в постели.

Это может быть темой для большой самостоятельной беседы с детьми.

Мы, допуская частую исповедь и причащение, иногда забываем спасительную силу продолжительности говения, которое возможно только в Вели-

ком Посту — частые и особенные службы. Тогда в течение недели человек имеет живой и убедительный опыт борьбы с грехом, радость победы над ним, видит результаты своей молитвы.

Безвыходность положения многих кающихся, кажущаяся безнадежность их положения («все равно, вернусь к тому же, нет сил бороться с грехом») — в том, что люди эти стоят в и е Церкви. Спасение их в том, чтобы в о й т и в Церковь, в общение любви с братьями. В нашей церковной практике утрачивается с о б о р и й характер наших таинств, в том числе и таинства покаяния.

Замечая часто в исповедующихся желание безболезненно для себя пройти через исповедь: или отделяются общими фразами, или говорят о мелочах, умалчивая о том, что действительно должно бы тяготить совесть. Тут есть и ложный стыд перед духовником и вообще нерешительность, как перед каждым важным действием и, особенно, — малодушный страх всерьез начать ворошить свою жизнь, полную мелких и привычных слабостей. Настоящая же исповедь, как благое потрясение души, страшит своей решительностью, необходимостью что-то переменить, да даже просто хоть задуматься над собой. Здесь священник должен проявить решительность, не бояться разрушить эту успокоенность и пытаться вызвать чувство настоящего покаяния.

Мнительным людям, подозрительным ко всякому движению своей души, истязавшим себя и своего духовника непрерывным копанием в своей душе, приходящим в конце концов к полной путанице — им нужно запретить самоанализ и детальное испытание своей совести и перевести их на простую, но питательную диету: молитва и добрые дела. В этих двух упражнениях упрощается душа и развивается чувство Истины; после чего можно опять вернуться к испытанию себя.

Для нераскаянных, окаменелых, думаю, нужна бы публичная исповедь перед всей церковью, как в древней церкви.

В практике нашего пастырства мало разработан вопрос о том, как вести духовнику нервно-больных, истеричных, людей с ненормальной психикой. По моим наблюдениям, молитвенное напряжение и подвиги поста часто еще больше

усиливают их внутренний хаос и не только не выправляют их, но причиняют явный вред. Тут нужны свои приемы, может быть иногда прямо противоположные тем, которые применимы к людям нормальным.

Человек часто не знает, как приступить к исповеди. Надо помочь ему, разбудить в нем покаянное чувство, задать наводящие вопросы — была ли за этот период какая-либо духовная жизнь (борьба с грехом, молитва, самопринуждение, усилия стать лучше), успел ли в чем-нибудь, не двинулся ли назад? Какой грех считает самым тяжким? Какую добродетель самой важной?

Необходимо советовать возможно частое прибегание к таинству Причастия. Урок, получаемый раз в год, ничему не научит.

Во время исповеди очень многие, если не все, больше всего нуждаются, чтобы священник помолился с ними. Этой совместной молитвой смягчается сердце, обостряется покаяние, утончается духовное зрение.

Уроки истекшего поста:

Как бы ни был утомлен, прояви максимальную внимательность, не торопись.

Лучше всем оказывать полную любовь, снисхождение, сочувствие, никого не отпугивать строгостью.

Если даже неправильно ведут исповедь (тщеславятся, перечисляют свои добродетели, рассказывают подробно свои жизненные обстоятельства) — не будь резок, не останавливай — многие несчастные для того и приходят, чтобы поплакаться о своей тяжелой жизни.

Внятно читать исповедующемуся молитву перед исповедью: «...Коснись сердца его, отверзи очи его сердечные, даждь ему, Господи, зрети его прегрешения, пошли скорбь о грехах его, дух сокрушения сердечного и покаяние, да очистится, освятится...» и т. д. Часто у равнодушных, после молитвы, пробуждается чувство покаяния.

Главное — добиться искреннего покаяния, если можно — слез, п р и которых не нужны подробности, но д л я появления которых часто нужен подробный и конкретный рассказ.

Давать эпитимии в с е м. Эпитимия — это памятка, урок, упражнение; она приучает к духовному подвигу, рождает вкус к нему; необходимо ее ограничивать точным сроком, например, прочесть 40 акафистов и т. п. (рассказ X, как ему не хотелось бросать ежедневное чтение акафиста, когда срок прошел). Возможные виды эпитимии — поклоны, молитва Иисусова, вставание на полунощницу, чтение, пост, милостыня — кому что нужнее.

Н о р м а л ь н ы й п о р я д о к и с п о в е д и :

Молитва и краткий совет, как исповедываться.

Дать выговориться, не перебивая, только помогая, если молчит.

Молитва о ниспослании сердечного сокрушения кающемуся и прощении ему грехов;

Советы.

Разрешение.

Нельзя врачевать чужие души («помогать людям») не излечив себя, приводить в порядок чужое душевное хозяйство с хаосом в собственной душе, нести мир другим, не имея его в себе.

Наша помощь людям заключается часто не в системе обдуманых действий на их душу, а в невидимом и неведомом для нас действии наших духовных даров на них. Когда Антоний Великий спросил своего молчаливого посетителя: «Почему ты ничего меня не спросишь?», тот сказал: «Мне достаточно смотреть на себя, святой отец».

Как много значит костюм. С одеждой, формой связан целый комплекс чувств, понятий, душевных движений. В частности, священник не должен, я чувствую, надевать штатское. Снимая свою одежду, он неизбежно приобретает «несвященническое» самочувствие, в какой-то степени изменяет своему священству.

Всякий человек-христианин, а особенно священник, должен быть всегда готов отказаться для Бога от всего, когда Бог этого потребует.

Не надо колебаться посещать самые даже сомнительные в церковном смысле семьи. По опыту знаю — будут рады, всюду принимают с большой радостью, не отпускают, благодарят.

Советы о. Сергия Булгакова (идет от о. И. Кронштадтского).

Не привыкать служить, даже требы — всегда с благоговением.

Тщательно готовиться к Литургии (можно разделять на весь день).

Не поднимать глаз во время службы.

Не актерствовать.

Не закрывать дверей проходящим, кто бы ни был.

Не отказываться от денег (гордость).

Исповедывать каждого проходящего так, как будто это его последняя, предсмертная исповедь.

Выслушивает священник раздирающие исповеди и выслушивает с полным участием, и, вместе с тем, он не устает, не чувствует себя сломленным этой лавиной человеческого греха и скорби, которая на него обрушивается, — потому, что он принимает ее (силой благодати священства) н е н а с в о е сердце. Так надо и жить.

Нам нужно кроме приходов и общей церковной жизни то, что в древней Руси называлось «малой церковью» — т. е. такие сгустки церковной теплоты, малые церкви отдельных семей, где осуществлялось бы общение людей, невозможное в больших, пестрых по составу и текучих приходах. Обязанность священника руководить такими группами, цели которых могут быть разными — изучение Евангелия или церковных служб, обслуживание больных и бедных. Но главное даже не эти задачи, а общение людей друг с другом. Трудно даже представить себе, сколько одиноких и дичающих в этом одиночестве людей живет среди нас.

Когда я обдумываю, что сказать, почти всегда у меня начинается настоящий процесс богословского и словесного творчества, и сама проповедь, таким образом, становится репродукцией. Значит, надо этот первый процесс совершать вслух, при людях. Но для этого два условия — наполненное сердце и полная простота.

Чтобы говорить не приготовившись, надо иметь в голове точную тему, расчлененную на главные мысли. Но главное творчество должно происходить во время проповеди; иначе перегораешь готовясь, и слушающим приподносишь только холодный пепел.

Надо как-нибудь в проповеди или общей беседе разобрать типичные «преткания», «домашние ереси», которыми заражено большинство входящих на исповедь. Вот некоторые, наиболее распространенные: Бога не надо бояться, примат морали; святые — эгоисты; отрицание постов; отрицание Ветхого Завета; превосходство домашней молитвы.

Члены Christian Science укоряют нас, православных, в маловерии и неумении силой духа преодолевать свои болезни. Их аргумент — что Христос освободил нас от рабства плоти (гл. 8 Римл.).

Что сказать на это?

— Дар исцеления у христиан не есть дар всемогущества и божественной власти над природой...

Ведь и сами апостолы болели, многие праведники (св. Амвросий) до конца своих дней страдали неизлечимыми болезнями.

Объясняется это тем, что пока мы живем в этом «теле смерти», то несем и все последствия этого — до восстановления всеобщего — «всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса» (2 Кор. 4, 10).

План беседы о страдании (записано карандашом незадолго до смерти).

1. Факт безвинных страданий праведников.
2. Евангельские тексты: «узкий путь», «многими скорбями...», «в мире скорбны будете».
3. Виды страданий:
 - а) От грехов — «скорбь и теснота всякому человеку, творящему злое».
 - б) Отвержение себя — крест.
 - в) Несоответствие с миром.
4. Участие в страданиях Христа.
5. Созидание тела Христова в мире — приятием Христа, преображением себя.

Для погребального слова — мысль о хрупкости всего высокого и о прочности всего грубого и земного и о воскресении, как о финале этой трагедии.

Тема для погребения — наше обычное чувство единственности этого мира есть полное неверие в «Царство Небесное». Отсюда — скорбь по умершим, которая в основе своей — язычество и безбожие. Необходимо перейти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного.

Мысли для надгробного слова:

Понятны наши страдания, душевная боль, слезы: ведь мы так связаны с близкими нам ушедшими — их тело, наше тело; и вот эта плоть разлагается, умирает, обращается в землю. И душой нашей с ними — мы одно существо; и вот часть этого существа отрывается, уходит. Как же не страдать нам и душою, и телом?

Но отсюда и другой выход: душа, оставившая свое тело, находится в смутном, смятенном, скорбном состоянии, как бы праведна она ни была при жизни. Самое отделение от тела есть болезненный процесс. С другой стороны, у умерших — непосредственное ощущение и видение духовных сущностей, нападение демонов и т. д. Наше горе, смущение, слезы, а иногда и отчаяние, усугубляют смущение души: ведь она еще очень близка к нам, она — одно существо с нами, и, если при жизни, закрытая телом, она не всегда чувствовала душевное состояние близких, то сейчас она особенно беззащитна против нашего отчаяния, усиливающего ее смущение. Вот почему наш долг перед почившими — оказать им помощь приведением себя в состояние молитвы — гармонического светлого вибрирования, которое распространяется и на них.

Всякая смерть — урок для нас, оставшихся; она чудо, как и чудо рождения: «како предахомся тлению»: она — напоминание о нашей близкой смерти, и в построении плана нашей жизни надо ориентироваться и на смерть — «respice finem».

С родными умерших говорить о Воскресении Христа, советовать читать Евангелие о Воскресении, о мытарствах, о трагическом положении души умершего. О необходимости молитвы и для них, родных, молитвы об умершем — это отвлекает от скорби эгоистической, о теле умершего (этот вопрос смущает многих).

По окончании панихиды, некоторое время помолиться про себя об укреплении, утешении, даровании сил «предстоящим и молящимся».

Тема проповеди на Рождество — радость веры и чудо и радость созерцания чуда в противоположность кошмару и тяжести признания неизбежности законов природы.

Тема для водосвятного молебна — близость Бога, Духа Святого и Его благодатных действий — не только в молитве, но во всякой нашей чистой,

бескорыстной радости, даже в материи мира сего — в хлебе, елее и чистой-шей из стихий — воде. Освящение домов, предметов и т. д., не есть колдовство, магия, т. к. православие есть религия абсолютной свободы, и здесь благодать Божия, нисходящая на дом, ожидает встречного движения нашего сердца; вот почему мы могли слышать в молитвах и призыв к покаянию. Обращение к Богу и совместные молитвы — лучшее средство разрешения всех вопросов и затруднений.

Второй раз я совершал присоединение к православию. Вот что надо заметить на будущее:

1) Заранее дать присоединяемому выписку того, что он будет говорить, разобравши с ним и объяснивши все пункты.

2) Надо, чтобы он выучил хоть Символ Веры, знал чин Литургии, молитвы утренние и вечерние.

3) Исповедь за всю жизнь с детства.

4) Обставить это как религиозное торжество, особенно если это кто из молодежи: дважды я упустил этот прекрасный случай. Чин очень внушительный и многим полезно его выслушать и возобновить в своей памяти и сердце.

Символика брака, как тема для проповеди при венчании: мена кольцами — вечность, все общее; свечи — яркое горение душ; атлас под ногами — общность судьбы; венцы — знак победы, как награда за целомудрие до брака, как напоминание венцов мученических; общая чаша, хождение вокруг аналоя — вечность и т. д.

Раскрытие чуда в Кане Галилейской, как символа: вода — будничная жизнь — превращается в вино радости, творчества, необыкновенности взаимной любовью супругов.

Всякий дает сначала лучшее «вино», потом все хуже и хуже. Это закон мира сего, закон «прогресса». Ребенок, ангелоподобное существо, вырастая, приобретает черты грубости, лжи, вкуса ко злу. Простая цельная натура, пройдя через школу, университет, через жизнь — утрачивает все черты своей целостности, является раздвоенность, лживость, дряблость. Такова и история народов. Таков, в большинстве, и брак. В начале — взаимное сближение, легкость общения; потом приходит вялость, равнодушие и скука, или же, еще хуже: злоба, часто ненависть, и даже окончательный разрыв.

Не таковы законы Царствия. Вода, натуральная простая стихия, обращается в высшую стихию, в Евхаристическую влагу.

И брак — в его данности, не плохой, но человеческий, натуральный мы должны не только снижать в более низкие плоскости, — но мы должны стремиться и достигать настоящего единения духом, быть не только «в плоть едину», но и «в дух един», в подобие брака Христа и Церкви, с о з и д а т ь свой брак.

Тема для слова на браке:

Есть три врага нормальной семейной жизни:

Разочарование друг в друге — следствие слепой идеализации в период жениховства.

Самолюбие, третирование другого как собственность.

Скука.

Пусть праздничная радость сегодняшнего дня продлится на всю вашу жизнь, пусть никогда в вашу жизнь не войдет обыденность и скука, пусть каждый день и всю вашу жизнь вы будете новы и необыкновенны друг для друга — а для этого единственный путь: углубленная духовная жизнь каждого из вас (работа над собой, интерес к людям, изучение слова Божия, самообразование).

Тема для проповеди причастникам — от Тайной Вечери есть три пути: Путь Христа — подвиг, страдание, смерть и воскресение.

Апостолы дремали в Гефсиманском саду.

Иуда пошел на предательство, отчаяние, гибель.

Несколько советов к преподаванию Закона Божия:

Современные дети (особенно мальчики) представляют собою трудный материал для педагогической работы законоучителя. Они рассудочны, рано теряют творческую непосредственность, имеют слабо развитое воображение, трезвы и практичны, склонны к скептицизму и насмешке. Эстетическое чувство развито слабо, как и вообще вся область чувств, нет благоговения, чувства тайны, иерархии. Поэтому большой ошибкой было бы свести уроки Закона Божия к усвоению памятью определенного материала.

Преподаватель должен на первое место выдвинуть воспитательный момент, вовлечение детей в область религиозных переживаний, укоренение в них религиозных привычек. Часть урока должна непременно посвящаться

беседе на моральные и религиозные темы. Преподаватель, путем беседы, должен быть осведомлен о домашней молитве ребенка, о посещении им церкви, и о том, насколько ему удастся применять к жизни те уроки веры и поведения, которые он получает в классе. Только таким путем Закон Божий перестанет быть «учебным предметом», а станет душевным делом и жизнью для ребенка.

Молитва на уроках Закона Божия есть самый важный элемент этого преподавания. Вместе с тем — это способ повторять выученные молитвы, меняя их в зависимости от обстоятельств — ближайшего праздника, святого дня, поста, чьей-нибудь болезни, какого-нибудь либо радостного или печального события.

Важным средством для возбуждения в детях моральных и религиозных эмоций является предоставление им соответственной деятельности. Возможные формы — уход за классной иконой, украшение ее цветами, зажжение лампады, прислуживание в церкви, сбор в пользу нуждающихся, составление альбома иллюстраций к Священному Писанию. Формы внутренней религиозной активности: молитва о больных, работа над собой для выработки в себе послушания, терпения, правдивости и т. п., приготовление к исповеди и Причастию.

Во время урока все евангельские рассказы должны быть прочитаны в классе по Евангелию (а не по учебнику). Евангелия должны быть на руках у всех детей, и они должны к концу учебного года знать точно его состав, порядок отдельных частей, уметь находить выученные рассказы.

Очень важно, чтобы все преподавание шло в постоянной связи с богослужбной жизнью Церкви, с церковным годом, чтобы дети могли посещать богослужения, будучи подготовлены к нему законоучителем. Это один из самых действительных способов сделать преподавание Закона Божия живым и действенным.

Полезность веры

(Конспект)

Тема — эта — для неверующих, о том, что дает религия с их материалистической точки зрения. Верующим это безразлично — плоды веры они получают, как результат, а не как самоцель.

Факт религии, даже эмпирически коренящийся в природе человека, не нуждается в утверждении такого временного и относительного явления, как европейская наука данного десятилетия. Но так как все мы живем в значительной степени по стихиям мира сего, в том числе в связях с наукой, то для многих этот вопрос не безразличен.

Образованное общество Европы давно ушло из под сводов своих храмов. Протестантство было первой к этому ступенькой. Был боевой период безверия и борьбы. Потом явилось безразличие. Чехов пишет в письме к Дягилеву: «Я давно растерял свою веру и с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего». Такой взгляд уже превзойденная точка зрения. Европа прошла фазу религиобоязни, одержимости материалистическими и позитивистическими теориями. Она так далеко ушла от религии, что смогла снова повернуться к ней лицом и исследовать ее со стороны, как объективный факт, в ряду других фактов.

Теперь для науки религия — предмет изучения, с опытами по новейшим научным методам, с выводами, теориями, открытиями. И вот научная мысль делает (для себя) целый ряд открытий:

1) История культуры: открытие богатой религиозной культуры у примитивных народов. «Вся культура — из храма» (Фрэзер). Религия — обильный родник. «Суеверия» являются корнем, откуда выросли государственная

власть, собственность, брак, уважение к личности, все искусства и все науки. «Самое интересное и ценное в человеке, это — его идеалы и верования. Это же приложимо и к нациям и историческим эпохам» (Джемс).

Религиозное брожение — симптом жизни общества и знамение богатых жатв во всех сферах.

2) Психология. Изучение религиозной психологии. Религия — целесообразное установление, воспитательное средство. Дисциплина внимания (молитва). Ритм.

Обряды — организация эмоций и аффектов («плакальщицы»).

3) Психиатрия. Вред эгоизма. Эгоцентризм — основное явление психопатологии. Полезность объективного, как выход из себя, увлечение, идеализация. Помещение центра своей души в надежное место. «Я ощущаю чье-то мощное и сладостное присутствие», «Бог окружает меня, как физическая атмосфера, Он ближе ко мне, чем мое собственное дыхание». (Джемс).

Терапия, связь религии с невропатией.

Душевные болезни — от задержки эмоций. Исповедь, с точки зрения медицины — разряд эмоций. (Фрейд и его школа). Преодоление в религии эгоцентризма и солипсизма. Любовь — якорь в объективное. Эгоизм, как источник болезней. «Боязнь — основное явление психопатологии» (Дюбуа). «Идеализм — физиологический фактор» (Яроцкий). «Душевный мир — единственная панацея.»

Признание одного доктора — «Я предписал моей больной исповедаться, и загадочные припадки, против которых бессильно было трехмесячное пребывание в водолечебнице, прошли после одного часа исповеди».

«Лучшее лекарство от всех душевных болезней — радость» (Штокль). «Религия — лучшая профилактика» (Дежерин и Гоклэр). Практичность религии, ценность святости, вред греха. Сойти с ума — это значит потерять какую-то твердую точку, закружиться в солипсизме. Противоположение — молитва, Бог, любовь, объективное.

Таким образом, мы видим, что христианство открыто внерелигиозной Европой как могучее профилактическое средство.

Беседа перед исповедью

«Се время благоприятно, и день очищения». Время, когда мы можем отложить тяжкое бремя греховное, разорвать вериги греха: «скинию падшую и сокрушенную» нашей души увидеть вновь обновленной и светлой. Но к этому блаженному очищению ведет не легкий путь.

Мы еще не приступили к исповеди, а душа наша слышит искушающие голоса: «Не отложить ли? достаточно ли приготовлен, не слишком ли часто говею?» Нужно дать твердый отпор этим сомнениям. «Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сирах, 2, 1). Если ты решил говеть, — явится множество препятствий, внутренних и внешних: они исчезают, как только проявишь твердость в своих намерениях.

В частности, вопрос о частой исповеди: надо исповедываться много чаще, чем это у нас принято; по крайней мере во всех четырех постах. Нам, одержимым «дреманием ленистым», неискусным в покаянии, необходимо вновь и вновь учиться каяться; это, во-первых; а во-вторых — необходимо тянуть какую-то ниточку от исповеди к исповеди, чтобы промежутки между периодами говения были наполнены духовной борьбой, усилиями, питаемыми впечатлениями от последнего говения и возбуждаемыми ожиданием близкой новой исповеди.

Другой смущающий вопрос, это вопрос о духовнике: к кому идти? Держаться ли одного во что бы то ни стало? Можно ли менять? В каких случаях? Опытные в духовной жизни отцы утверждают, что менять не следует, даже если это только твой духовник, а не духовный отец, руководитель твоей совести. Бывает, правда, что после удачной исповеди у священника, последующие исповеди у него же выходят какими-то вялыми и слабо переживаются, и тогда является мысль о перемене духовника.

Но это — недостаточное основание для такого серьезного шага. Не говоря уже о том, что наши личные ощущения на исповеди не касаются существа таинства, — недостаточный духовный подъем во время исповеди часто бывает знаком нашего собственного духовного неблагополучия. Об этом о. Иоанн Кронштадтский говорит: «Покаяние должно быть совершенно свободное и никак не вынужденное лицом исповедующим». Для человека, действительно страдающего язвой своего греха, — безразлично, через кого он исповедует этот томящий его грех; лишь бы как можно скорее исповедать его и получить облегчение. Другое дело, если мы, оставив существо таинства покаяния, идем на исповедь для беседы. Вот тут-то и важно различать и с п о в е д ь о т д у х о в и о й б е с е д ы, которая может совершаться и вне таинства, и лучше, если совершается отдельно от него, так как беседа, хотя и о духовных предметах, может рассеять, расхолодить исповедующегося, вовлечь в богословский спор, ослабить остроту покаянного чувства.

Исповедь не есть беседа о своих недостатках, сомнениях, не есть осведомление духовника о себе и менее всего — не «благочестивый обычай». Исповедь — горячее покаяние сердца, жажда очищения, идущая от ощущения святости, умирание для греха и оживание для святости. Раскаянность — уже степень святости, и бесчувственность, неверие — положение вне святости, вне Бога.

Разберемся, как нам относиться к таинству покаяния, что требуется от приходящего к таинству, как к нему готовиться, что считать важнейшим моментом (в той части таинства, которая касается исповедующегося).

Несомненно, первым действием будет и с п ы т а н и е с е р д ц а. Для этого и положены дни подготовки к таинству (говение). «Видеть грехи свои в их множестве и во всей их гнусности — действительно, есть дар Божий», говорит о. Иоанн Кронштадтский. Обычно, люди неопытные в духовной жизни, не видят ни множественности своих грехов, ни их «гнусности». «Ничего особенного», «как у всех», «только мелкие грехи» — «не украл, не убил» — таково обычное начало исповеди у многих. А самолюбие, перенесение укоров, черствость, человекоугодие, слабость веры и любви, малодушие, духовная леность — разве это не важные грехи? Разве мы можем утверждать, что достаточно любим Бога, что вера наша действительна и горяча? Что каждого человека мы любим, как брата во Христе? Что мы достигли кротости, безгневия, смирения? Если же нет, то в чем заключается наше христианство? Чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не «каменным нечувствием», как не «мертвостью сердечной, душевной смер-

тью, телесную предворящей»? Почему святые отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников, с искренней убежденностью взывали к Иисусу Сладчайшему: «Никто же согреши на земли от века, якоже согреших аз окаянный и блудный», а мы убеждены, что у нас все благополучно! Чем ярче свет Христов озаряет сердца, тем яснее сознаются все недостатки, язвы и раны. И наоборот: люди, погруженные в мрак греховный, ничего не видят в своем сердце; а если и видят, то не ужасаются, так как им не с чем сравнивать.

Поэтому прямой путь к познанию своих грехов, это — приближение к свету и молитва об этом свете, который есть суд миру и всему «мирскому» в нас самих (Ио. 3, 19). А пока нет такой близости к Христу, при которой покаянное чувство является нашим обычным состоянием, надо, готовясь к исповеди, проверять свою совесть — по заповедям, по некоторым молитвам (например, 3-ья вечерняя, 4-ая перед причащением), по некоторым местам Евангелия (например, По. 5 гл., Римл. 12 г., Ефесс. 4, посл. Иакова, особенно гл. 3).

Разбираясь в своем душевном хозяйстве, надо постараться различать основные грехи от производных, симптомы от более глубоких причин. Например, очень важны, — рассеянность на молитве, дремота и невнимание в церкви, отсутствие интереса к чтению Священного Писания; но не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу? Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, неуступчивость, упрямство; но еще важнее открыть их связь с самолюбием и гордостью. Если мы замечаем в себе стремление к обществу, словоохотливость, насмешливость, усиленную заботу о своей наружности и не только своей — но своих близких, обстановке дома — то надо внимательно исследовать, не является ли это формой «многообразного тщеславия». Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим об отшедших, то, кроме силы и глубины наших чувств, не свидетельствует ли все это также о неверии в Промысел Божий?

Есть еще одно вспомогательное средство, ведущее нас к познанию своих грехов, — вспоминать, в чем обычно обвиняют нас другие люди, особенно бок-о-бок с нами живущие, близкие: почти всегда их обвинения, укоры, нападки имеют основания.

Необходимо еще перед исповедью просить прощения всех, перед кем виновен, идти к исповеди с неотягощенной совестью.

При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; ставши на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах. В таких случаях надо временно оставить испытание своей души и, посадивши себя на простую и питательную духовную диету, молитвой и добрыми делами упростить и прояснить свою душу.

Приготовление к исповеди не в том, чтобы возможно полно вспомнить и записать даже свой грех, а в том, чтобы достигнуть того состояния сосредоточенности, серьезности и молитвы, при которых, как при свете, станут ясны грехи. Иначе — приносить духовнику надо не список грехов, а покаянное чувство, не детально разработанную диссертацию, а сокрушенное сердце.

Но знать свои грехи, это еще не значит — к а я т ь с я в них. Правда, Господь принимает исповедание — искреннее, добросовестное, — когда оно и не сопровождается сильным чувством раскаяния (если мы исповедуем мужественно и этот грех — наше «окамененное нечувствие»). Все же «с о к р у ш е н и е с е р д ц а», скорбь о грехах своих, есть важнейшее из всего, что мы можем принести на исповедь. Но что же делать, если «иссохшее греховным пламенем» наше сердце не орошается живительными водами слез? Что, если «немота душевная и плоти неможение» так велики, что мы не способны на искреннее покаяние? Это все-таки не причина откладывать исповедь — Бог может коснуться нашего сердца и в течение самой исповеди: само исповедывание, наименование наших грехов может смягчить наше сердце, утончить духовное зрение, обострить покаянное чувство. Больше же всего к преодолению нашей духовной вялости служат приготовления к исповеди, пост, который, истощая наше тело, нарушает губительное для духовной жизни наше телесное благополучие и благодушие, молитва, ночные мысли о смерти, чтение Евангелия, житий святых, творений св. отцов, усиленная борьба с собой, упражнение в добрых делах. Наше бесчувствие на исповеди большею частью имеет своим корнем отсутствие страха Божия и скрытое неверие. Сюда и должны быть направлены наши усилия. Вот почему так важны слезы на исповеди, — они размягчают наше окаменение, потрясают нас «от верху до ногу», упрощают, дают благодетельное самозабвение, устраняют главное препятствие к покаянию, нашу «самость». Гордые и самолюбивые не плачут. Раз заплакал, значит — смягчился, истаял, смирился. Вот почему после таких слез — кротость, безгневие, умягченность, умиленность, мир в душе у тех, кому Господь послал «радостотворный» (творящий радость) плач». Не нужно

стыдиться слез на исповеди, нужно дать им свободно литься, омывая наши скверны. «Тучи ми подаждь слез в поста красный день, яко да восплачу и омыю скверну, яже от сластей, и явлюся тебе очищен» (1-ая седмица Великого Поста, пон. вечера).

Третий момент исповеди — словесное исповедание грехов. Не нужно ждать вопросов, надо самому сделать усилия; исповедь есть подвиг и самопринуждение. Говорить надо точно, не затемняя неприглядность греха общими выражениями (например, «грешен против 7-ой заповеди»). Очень трудно, исповедуясь, избежать соблазна самооправдания, попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», ссылок на третьих лиц, введших нас в грех. Все это признаки самолюбия, отсутствия глубокого покаяния, продолжающегося косяния в грехе. Иногда на исповеди ссылаются на слабую память, не дающую, будто, возможности вспомнить грехи. Действительно, часто бывает, что мы легко забываем свои грехопадения; но происходит ли это только от слабой памяти? Ведь, например, случаи, особенно больно задевшие наше самолюбие, или, наоборот, польстившие нашему тщеславию, наши удачи, похвалы по нашему адресу — мы помним долгие годы. Все, что производит на нас сильное впечатление, мы долго и отчетливо помним, и, если мы забываем наши грехи, то не значит ли это, что мы не придаем им серьезного значения?

Знак совершившегося покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъясимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как только что далека была эта радость.

Раскаяние наше не будет полным, если мы, каясь, не утвердимся внутренне в решимости не возвращаться к исповеданному греху. Но, говорят, как это возможно? Как я могу обещать себе и своему духовнику, что я не повторю своего греха? Не будет ли ближе к истине как раз обратное — уверенность, что грех повторится? — Ведь, опытом своим, всякий знает, что через некоторое время неизбежно возвращаешься к тем же грехам; наблюдая за собой из года в год, не замечаешь никакого улучшения, «подпрыгнешь — и опять останешься на том же месте!» — Было бы ужасно, если бы это было так. Но, к счастью, это не так. Не бывает случая, чтобы при наличии доброго желания исправиться, последовательные исповеди и св. Причастие не произвели бы в душе благодетельных перемен. Но дело в том, что — прежде всего — мы не судьи самим себе; человек не может правильно судить о себе, стал ли он хуже или лучше, так как и он, судящий, и то, что он судит, — величины меняющиеся. Возросшая строгость к себе, усилившаяся зречьность духовная,

обостренный страх греха могут дать иллюзию, что грехи умножились и усилились: они остались те же, может быть, даже ослабели, но мы их раньше не так замечали. Кроме того, Бог, по особому Промыслению Своему, часто закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы защитить нас от злейшего греха — тщеславия и гордости. Часто бывает, что грех-то остался, но частые исповеди и причащение Св. Тайн расшатали и ослабили его корни. Да сама борьба с грехом, страдания о своих грехах — разве не приобретение? «Не усташайся», говорил Иоанн Лествичник, «хотя бы ты падал каждый день, и не отходил от путей Божьих; стой мужественно и Ангел, тебя охраняющий, почтит твое терпение.»

Если же нет этого чувства облегчения, возрождения, надо иметь силы вернуться опять к исповеди, до конца освободить свою душу от нечистоты, слезами омыть ее от черноты и скверны. Стремящийся к этому всегда достигнет того, чего ищет.

Только не будем приписывать с е б е свои успехи, рассчитывать на с в о и силы, надеяться на свои усилия. — Это бы значило погубить все приобретенное. «Рассеянный мой ум собери, Господи, и оледеневшее сердце очисти; яко Петру, дай ми покаяние, яко мытарю — воздыхание и якоже блуднице — слезы».

Беседа о Католичестве и Православии

(С юношей М. по просьбе его отца)

Понимание вещей дается очищенному сердцу и это понимание вырастает по мере нашего духовного роста. Но сейчас я буду говорить, главным образом, о католическом официальном учении в Церкви.

Для начала же хочу сказать, что, несмотря на все различия с нашей Православной Церковью, в Католической Церкви были великие святые, и есть настоящая вера и в служителях Церкви и в отдельных людях. Мы же, несмотря на полноту Истины, которою обладает наша Православная Церковь, во многом недостойны Ее и должны учиться у тех же католиков — их церковной и педагогической работе, хотя бы.

Не надо также забывать, что, в самом центральном, в самом основном, что составляет сущность христианства, мы с католиками объединены, несмотря на все наши различия. Это основное — вера в святую Троицу и в Христа, как Богочеловека.

Что же в Католической Церкви является искажением Истины, в чем она отошла от полноты христианского вероучения?

Р а з л и ч и я ф о р м а л ь н ы е: Filioque. Ватиканский догмат о примате и непогрешимости Папы, Immaculata concepcio (догмат о непорочном зачатии Божией Матери), чистилище, индульгенции, учение о человеке.

Корни этого различия: «латинство», унаследованное от формально и юридически мыслящего древнего Рима, с его идеей «ordo» — прежде всего. Эта идея порядка, единовластное юридическое понимание структуры общества отразилось прежде всего на том, что нас с католиками больше всего разделяет — на учении о Церкви.

В католичестве Церковь мистически обоснована и переживается верующими прежде всего как о р г а н и з а ц и я, а не как Организм. Организация во главе с Папой-монархом. Это учение, введенное в III веке, и догмат о примате и непогрешимости Папы, как Викария Христа (утвержденный на Ватиканском Соборе в 1870 г.), абсолютно чужды букве и духу Евангелия. Все евангельские тексты относятся к первенству Ап. Петра среди Апостолов. Епископом он никогда не был. И никакой связи между первенством Петра в апостольские времена и первенством и непогрешимостью Папы в католической церкви во все последующие века нет.

Исторически же власть Папы возникла вследствие первенственного места Римского Епископа, как Епископа столицы Римской Империи. Это первенство ч е с т и, а не в л а с т и. Римский Епископ мог бы считаться первым среди равных (*primus inter pares*), т. е. среди других епископов. Таким же, и с большим основанием, мог бы быть и Епископ Иерусалимский.

Сила власти, стройность структуры, рациональная ясность в богословии, юрицизм в морали и церковных правилах, могущество Рима — все это создавалось и создается за счет с о б о р н о й природы Церкви, где внутренняя свобода и любовь являются основными созидательными силами Церкви.

Такое формально-юридическое понимание далеко от евангельского перво-христианского и православного учения о Церкви, как Организме, где соборное начало не отрицает иерархической структуры Церкви, но дает этой структуре надлежащее, а не первенствующее место.

Конечно, у нас в Православной Церкви много «нестроений», которые почти немислимы в католичестве, где централизация власти в руках Папы (через голову епископов) делает такие «нестроения» почти невозможными.

Но не надо забывать, что «нестроения» были и в древней Церкви и что побеждались они не через подчинение авторитету Римского первосвященника, а изживались и изживаются изнутри. И такое повиновение авторитету бывает часто внешним подчинением, не означающим внутреннего единства. Надо заметить, что многие католики и даже католические богословы часто в н у т р е н н е и е п р и и м а ю т это формально-юридическое подчинение Церкви.

Католическое учение об *Immaculata concepcio* Божией Матери, принятое Католической Церковью в 1845 г., лишает Ее, а также самого Христа полноты человеческой природы. По православному учению, согласному с Еван-

гелием, Божия Матерь имела по своей природе и рождению человеческое естество, но не имела личного греха. Приписывая Божией Матери сверх-натуральное рождение и изымая Ее этим из всего человеческого рода, Католическая Церковь этим самым не признает в Христе Богочеловечества, т. е. искажает самую сущность христианства.

Filioque — было прибавлено в 589 году к Символу Веры в местной церкви в Toledo (Испания). Император Карл Великий своим авторитетом ввел эту прибавку в Риме — только в XI веке. Эта прибавка была внесена в католический Символ Веры, без созыва Вселенского Собора, что противоречит всем правилам Церкви, т. к. всякое добавление к Символу Веры может быть сделано только Вселенским Собором.

Этот догмат Католической Церкви против слова Божия, т. к. Ап. Иоанн (15, 26) приводит слова Христа: «Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне».

Таким образом, мы видим, в главных чертах, что именно Православная Церковь сохранила неизменно и полностью чистоту Христова учения.

Говение в монастыре

(Запись гимназических лет)

О, Господи, этот подъем никогда не кончится! Вместо тропинки — пересохшее русло потока, усыпанное круглыми, скользящими под ногой камнями. Лес вырублен кругом, а вместо него — какая-то щетина низкого кустарника. Но, наконец, перевал! Тропинка пошла по боку горы, кругом шумел большой лес. Ничто не может сравниться с той радостью, которую испытываешь на перевале, поднимаешься без конца в гору, перед тобой скалы и только назад — все больше уходящая вниз туманная долина. И, когда устанешь совсем, идешь механически, ничего уже не замечая кругом, вдруг кончается подъем, веет горным воздухом, дорожка бежит вниз и глазам открываются бесконечные синие дали.

Чуть-чуть кружилась голова и быстрее билось сердце, когда тропинка пошла ровно, и вот передо мной уже вход — две круглые с рассыпавшимися верхушками каменные башни, поросшие темным мхом.

Мне было необычно прийти сюда одному. Я часто бывал здесь шумной компанией: входили со смехом, требовали чаю и легкомысленно болтали с монахами. Сейчас я шел как проситель, с надеждой. И все выглядело совсем иначе.

Я сбросил свои вещи на столик у большого ясеня, где мы обычно пили чай, и ожидал. Меня уже заметили — ко мне навстречу шел монах с огромной черной бородой.

«Александр, дорогой, наконец то вы пришли». Он говорил с сильным грузинским акцентом, и лицо его сияло улыбкой. «Пойдем, пойдем — вот ваша келья». Мы подошли к каменной пристройке, вплотную подходившей к церкви. О. Иона отворил дверь в маленькую сырую комнату со сводчатым потолком и нишами в каменных стенах.

Незаметно полетели дни. Они были внешне однообразны, но так же легки и светлы, как холодный и солнечный воздух этих высоких мест.

Я просыпался рано — часов в пять. Быстро умывался и бежал на угловую восточную башню; мокрая трава была холодна и как маленькими льдинками колола ноги; потом поднимался прямо по стене, рассыпавшейся и поросшей травой, к круглой башне. Внизу, сейчас же за стеной и доставая до нее верхушками, рос буковый лес. Уступами он спускался к голубой Арагве, текущей среди серых отmelей. Дальше, затянутые утренним туманом, вырисовывались цепи лесистых темных гор, одна выше другой, и над ними, совсем высоко, опираясь на туманы своими легкими очертаниями, белели снежные горы главного Кавказа. Их было так много, что надо было обвести глазами пол горизонта, с востока на запад, чтобы увидеть всю цепь.

Тени от старых ясеней еще тянулись через всю зеленую, мокрую от росы площадку, а мы уже пили чай в беседке, прислоненной к стене. Серый от дождя дощатый стол о. Иона покрывал грязноватым красным платком, который он называл скатертью, расставлял глиняные кружки, расписанные деревьями и всадниками, приносил хлеб коричнево-лилового цвета с зелеными прожилками плесени, безвкусный и сухой как земля (они его пекли раз в месяц и хранили в церкви). Солнце блестело на самоваре и чашках, грело сквозь тонкие прутья беседки, и мы пили чай «в прикуску» и предавались «сладкой беседе», по выражению о. Ионы.

Год тому назад «настоятеля», о. Иону, разбойники при нападении на монастырь, сбросили со скалы на снег; при падении он повредил себе бок и схватил ревматизм, который согнул его в дугу. Сейчас о. Иона выглядит совсем стариком, его коричневое лицо покрыто сплошной сеткой морщин, он еле двигается и никак не может согреться. Он знает, что скоро умрет и равнодушно показывал мне место, где его похоронят. По отношению к «миру» он в самом раздраженном состоянии: «Разве теперь есть монахи! — говорил он, — наденут себе митру на голову, сядут в карету, живот — вот какой!» Зато он был самого высокого мнения о своем монастыре — «Сам видишь — мы живем как пустыnnики. Вода у нас вон где — под горой, верста будет. Как надо по правилам — монах трудиться должен».

О. Иоанн, попросту — Иванэ, с почтением слушал о. Иону, старшего; сам он был веселее — живой и деятельный.

После чая я читал Евангелие, сидя на камнях, подставив спину солнцу — жарко у нас никогда не было. Помогал о. Ионе на огороде — маленьком клочке земли, прилепившемся к скалам, большими трудами отвоеванным у

леса. Все рядки стояли наклонно, и земля перемешана с мелкими камушками. Там мы пололи траву, расставляли колья для бобов. Я смотрел на о. Иону — его склоненная фигура в черном колпачке и темно фиолетовом подряснике красиво выделялась сквозь строй воткнутых палок.

Около 12 обедали — ели вареные бобы и тот же черный хлеб, иногда — овечий сыр, острый и маслянистый.

Стало тепло. О. Иона задремал на бревнах, сложенных у церкви. О. Иоанн вышел на балкончик своей кельи и починает свою выцветшую коричневую рясу. Я иду бродить по лесу: мне хочется пройти к скале, которую я видел по дороге сюда, возвышающуюся в стороне над лесом; она вся в каких-то пещерах: там должны быть орлы.

Славно в лесу: палевые стволы буков гладко обтянуты крепкой корой, а внизу все устлано желтой листвой — как хороший паркет в зале с колоннами. По стволам тянутся длинные побеги плюща с кожистыми, как будто искусственными листьями. Далее, по склону оврага какие-то ярко красные цветы. Странное растение: мясистый прямой стебель фиолетового цвета вместо листьев покрыт тонкими фиолетовыми чешуйками, а на верхушке — огненный цветок. Впечатление ядовитости и тайны.

Солнце повернуло к западу. Все подернулось дымкой — внизу должно быть жарко, но все же видно далеко. Мутным блеском сверкает Кура среди темных пятен леса, от нее уступами — горы. Внизу, прямо под нашей горой, под обрывом желтая стена и башни монастыря Святого Креста, в том самом месте, где

«Обнявшись будто две сестры
Струи Арагвы и Куры».

Возвращаюсь я, когда солнце уже низко. Лучи его совсем желтые, и длинные теплые тени протягиваются по долине.

В своей келье я убираю нишу плющом и ставлю плоскую чашку с цветами у иконы.

К вечеру иду за водой. Родник далеко внизу, обделан тесанным камнем и из него бьет холодная струя. Чуть жутковато — так тихо среди старых буков, так глуха тропинка, усыпанная желтыми листьями.

Чьи-то шаги. В глубине тропинки появляются три мужские фигуры — это, очевидно, угольщики. Их бородатые крестьянские лица кажутся зверскими от угольной копоти и покрасневших от дыма глаз. «Гамарджоба» при-

ветствует меня одни из них и снимает свою круглую шапочку. Я кланяюсь и отвечаю «Гагимарджос». Они проходят мимо, не в такт шлепая кожаными лаптями. Один отстал, он положил у родника свой узелок в красном платке и нагнулся над моим ведром. Потом благодарит и догоняет других. Я поднимаюсь с ведром на гору. Посреди пути отдыхаю в маленькой деревянной часовенке. В ней икона местного святого, который подвизался в нашем монастыре — святого Иоанна Зедазенского с волком. Стены и деревянные скамьи изрезаны именами посетителей, на полу — иссохший букет полевых цветов.

Как свой уже прохожу в ворота, в которые проходил когда-то как гость, и чувствую глубокую благодарность к этим мшистым башням, вросшим в скалу, к тишине зеленого двора, который как-то вдруг широко развертывается после узкой и темной лесной тропы.

Одновременно с моим приходом ударил маленький колокол на башне. Это было так неожиданно в этой горной глуши. Потом еще раз, еще — да, ведь сегодня суббота. Но как странно звучит этот колокол на вершине пустой горы — ведь никто не услышит, никто не придет. И эта бесцельность звона делает его особенно волнующим, особенно значительным.

Выходит о. Иоанн, торжественный и строгий, совсем другой по сравнению с тем Иванэ, который работал киркой там внизу на огороде и болтал со мной всякий смешной вздор.

Прошел в церковь и о. Иона. Я вошел за ним. В притворе намазаны грубые фрески, в которых преобладает красный, оранжевый и синий цвет. Сама церковь холодная, полутемная; каменные стены голы, и новый низкий деревянный иконостас кажется картонным рядом с тяжелой архитектурой храма.

Я иду вглубь за колонну, стараясь не производить шума, но даже легкий шорох подошв по каменному полу отдается гулом по углам и под сводами. Служит о. Иоанн, а о. Иона — за чтеца, за дьякона, за хор. Их только двое осталось здесь. Он читает громко, быстро, надорванным, старчески-высоким голосом, наполняя церковь шумом перебивающих друг друга звуковых отражений. Я стою за четырехугольной колонной, иногда подхожу по знаку о. Ионы, раздуваю и подаю ему кадило, потом опять захожу за колонну. Немного скучаю, т. к. служат по старо-грузински, я ничего не понимаю. Если бы по-русски — я бы с жадностью слушал, запоминал. Но тут я скучал, мечтал даже о горячем чае. Но вот, кажется, конец, — как неожиданно они кончили. Мы выходим. На дворе холодно. Я один у двери своей кельи и уже привычным жестом поворачиваю голову туда, на север, где глубоко в

долине горят, дрожат, переливаются огни далекого города. И невероятно подумать, что в этом далеком искристом пятне живут и ходят люди, что там все мои близкие, что сейчас в столовой за большим белым столом под висячей лампой мама разливает чай, а рядом в зале брат играет *Appassionat'u*.

Темнеет, холодно. Лунный свет ползет по стене; вот он поблек — над крышей церкви, задевая ее, проносится волна тумана. Другая проходит совсем низко, закутав на несколько мгновений старые ясени у обрыва. Город тоже закрыт сейчас... но вот он снова возникает в глубине долины...

Я не там, не с вами... и вас ведь нет сейчас — есть только искристое пятно в долине. И если бы вы все умирали сейчас — я не почувствую этого.

Давно, еще ранней весной, я промывал ночью фотографические пластинки в темной кухне под краном. Вода была такая холодная, а на стене, у самой воды были пятна лунного света; изредка они падали на мои мокрые руки и блестели на стекле негативов. Я вздрогнул. Мне отчетливо ясно ощутилось вдруг предчувствие тоски там на горе, залитой лунным светом, мое одиночество там и холод. Тогда я задумал уйти сюда. Но сейчас, когда я ушел уже, когда я действительно далек от всех, мое одиночество иное, я рад, что я здесь.

Вот я в своей келье. Свечка, приклеенная к столу, освещает каменные стены и ее свет не достигает темных сводов. Закутавшись в бурку я пишу, читаю. Поздно уже. Я тушу свечу и ярче вспыхивает огонек лампы в нише у иконы. Стараюсь не стать ногой на вделанную в пол могильную плиту — памятник какому-то архимандриту, похороненному здесь. Она постоянно остается холодной и от нее как-будто идет холод по всей комнате.

Шопотом повторяю молитвенные прошения. Потом находит полоса невнимания, потом опять слова молитвы.

Подхожу к открытому окну и смотрю во влажную темноту. Все утопает в черно-зелено-синих тонах и вдоль долины, перерезывая ее пополам, лежит пухлое облако тумана, неподвижное и тихое.

Демонская твердыня

(О гордости)

Величайший знаток глубин человеческого духа, преп. Исаак Сирий в своем 41-м слове говорит:

«Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых; кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть Ангелов».

Вот к этому познанию самого себя и ведет рассмотрение вопроса, который мы поставили в заголовке.

И гордость, и самолюбие, и тщеславие, сюда можно прибавить — высокомерие, надменность, чванство, — все это разные виды одного основного явления — «обращенности на себя», — оставим его как общий термин, покрывающий все вышеперечисленные термины.

Из всех этих слов наиболее твердым смыслом отличаются два: тщеславие и гордость; они, по «Лестнице», как отрок и муж, как зерно и хлеб, начало и конец.

Симптомы тщеславия, этого начального греха: нетерпение упреков, жажда похвал, искание легких путей, непрерывное ориентирование на других — что они скажут? как это покажется? что подумают? «Тщеславие издали видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных — серьезными, рассеянных — сосредоточенными, обжорливых — воздержанными и т. д.» — все это, пока есть зрители.

Детская и юношеская застенчивость часто ни что иное, как то же скрытое самолюбие и тщеславие.

Той же ориентировкой на зрителя объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: «грешен как и в с е», — «только м е л к и е грехи — никого не убил, не украл». В

дневниках гр. С. А. Толстой есть такое характерное место: «И то, что я не умела воспитать детей (вышедши замуж девочкой и запертая на 18 лет в деревне), меня часто мучает». Главная покаянная фраза совершенно отменяется самооправданием в скобках.

Бес тщеславия радуется, говорит преп. Иоанн Лествичник, видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. «Когда я храню пост, я тщеславлюсь; когда же, для утаения подвига моего, скрываю его — тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, а переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану — тщеславию обладаю; соблюдаю молчание — паки оному предаю. Куда сие тернии не поверни, все станет оно вверх своими спицами».

Ядовитую сущность тщеславия хорошо знал Лев Толстой. В своих ранних дневниках он жестоко обличает себя за тщеславие. В одном из дневников 50-х годов он горько жалуется, что стоит появиться в его душе доброму чувству, непосредственному душевному движению, как сейчас же появляется оглядка на себя, тщеславное ощупывание себя, и вот — драгоценнейшие движения души исчезают, тают, как снег на солнце. Тают, значит, умирают; значит — благодаря тщеславию — умирает лучшее, что есть в вас, значит, — мы убиваем себя тщеславию; реальную, простую, добрую жизнь заменяем призраками. Тщеславный стремится к смерти и ее получает.

«Я редко видел, — пишет один из современных писателей, — чтобы великая немая радость страдания проходила далями человеческих душ, не сопровождаемая своим отвратительным спутником — суетным, болтливым кокетством (тщеславию). В чем сущность кокетства? По моему, в неспособности к бытию. Кокетливые люди — люди, в сущности, не существующие, ибо бытие свое они сами приравнивают к мнению о них других людей. Испытывая величайшие страдания, кокетливые люди органически стремятся к тому, чтобы показать их другим, ибо посторонний взгляд для них то же, что огни рампы для театральных декораций» (Степун, «Николай Переслегин», стр. 24).

Усилившееся тщеславие рождает г о р д о с т ь .

Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи, «демонская твердыня». Она — «медная стена» между нами и Богом (Авва Пимен); она — вражда к Богу, начало всякого греха, она — во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя с в о е й страсти, сознательное попра-

не Божьего закона, дерзость против Бога, хотя «гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут». («Леств.»).

Откуда же берется эта страсть? Как она начинается? Чем питается? Какие степени проходит в своем развитии? По каким признакам можно узнать ее?

Последнее особенно важно, так как гордый обычно не видит своего греха. «Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился: а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!»

Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это все — несомненно признаки гордости.

Об этом прекрасно пишет Симеон Новый Богослов:

«Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болеет от этого сердцем, о том человеке ведомо да будет, что он носит древнего змия (гордость) в недрах своих. Если он станет молча переносить обиды, то сделает змия этого немощным и расслабленным. А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то придаст силы змию изливать яд в сердце его и немилосердно пожирать внутренности его».

В «Слове на язычников» Св. Афанасия Великого есть такое место:

«Люди впали в самовожделение, предпочтя собственное созерцанию божественному» (Творения, т. 1, стр. 8, изд. 1851 г., М.). В этом кратком определении вскрыта самая сущность гордости: человек, для которого доселе центром и предметом вождения был Бог, отвернулся от Него, «впал в самовожделение», восхотел и возлюбил себя больше Бога, предпочел божественному созерцанию — созерцание самого себя.

В нашей жизни это обращение к «самосозерцанию» и «самовожделению» сделалось нашей природой и проявляется хотя бы в виде могучего инстинкта самосохранения, как в телесной, так и в душевной нашей жизни.

Как злокачественная опухоль часто начинается с ушиба или продолжительного раздражения определенного места, так и болезнь гордости часто начинается или от внезапного потрясения души (например, большим горем), или от продолжительного личного самочувствия, вследствие, например, успеха, удачи, постоянного упражнения своего таланта.

Часто это — так называемый «темпераментный» человек, «увлекающийся», «страстный», талантливый. Это — своего рода извергающийся гейзер, своей непрерывной активностью мешающий и Богу, и людям подойти к нему. Он полон, поглощен, упоен собой. Оно ничего не видит и не чувствует, кроме своего горения, таланта, которым наслаждается, от которого получает полное счастье и удовлетворение. Едва ли можно сделать что-нибудь с такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулкан не погаснет. В этом опасность всякой одаренности, всякого таланта. Эти качества должны быть уравновешены полной, глубокой духовностью.

В случаях обратных, в переживаниях горя — тот же результат: человек «поглощен» своим горем, окружающий мир тускнеет и меркнет в его глазах; он ни о чем не может ни думать, ни говорить, кроме, как о своем горе; он живет им, он держится за него, в конце концов, как за единственное, что у него осталось, как за единственный смысл своей жизни. Ведь есть же люди, «которые даже в самом чувстве собственного унижения посягнули отыскать наслаждение». (Достоевский, «Записки из подполья»).

Часто эта обращенность на себя развивается у людей тихих, покорных, молчаливых, у которых с детства подавлялась их личная жизнь, и эта «подавленная субъективность порождает, как компенсацию, эгоцентрическую тенденцию (Юнг. «Психологические типы»), в самых разнообразных проявлениях: обидчивость, мнительность, кокетство, желание обратить на себя внимание даже поддержанием и раздуванием дурных о себе слухов, наконец, даже в виде прямых психозов характера навязчивых идей, манией преследования или манией величия (Поприщин у Гоголя).

Итак, сосредоточенность на себе уводит человека от мира и от Бога; он, так сказать, отщепляется от общего ствола мироздания и обращается в стружку, завитую вокруг пустого места.

Попробуем наметить главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели.

Вначале это только занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошим настроением, переходящим часто в легкомыслие. Человек доволен собой, часто хохочет, посвистывает, напевает, прищелкивает пальцами. Любит казаться оригинальным, поражать парадоксами, острить; проявляет особые вкусы, капризен в еде. Охотно дает советы и вмешивается по-дружески в чужие дела; невольно обнаруживает свой исключительный интерес к себе

такими фразами (перебивая чужую речь): «нет, что я вам расскажу», или «нет, я знаю л у ч ш е случай», или «у меня обыкновение...», или «я придерживаюсь правила...», «я имею привычку предпочитать» (у Тургенева).

Говоря о чужом горе, бессознательно говорят о себе: «Я так была потрясена, до сих пор не могу придти в себя». Одновременно, огромная зависимость от чужого одобрения, в зависимости от которого человек то внезапно расцветает, то вянет и «скисает». Но в общем, в этой стадии настроение остается светлым. Этот вид эгоцентризма очень свойственен юности, хотя встречается и в зрелом возрасте.

Счастье человеку, если на этой стадии встретят его серьезные заботы, особенно о других (женитьба, семья), работа, труд. Или пленит его религиозный путь, и он, привлеченный красотой духовного подвига, увидит свою нищету и убожество и возжелает благодатной помощи. Если этого не случится, болезнь развивается дальше.

Является искренняя уверенность в своем превосходстве. Часто это выражается в неудержимом многословии. Ведь что такое болтливость, как, с одной стороны, отсутствие скромности, а с другой — самоуслаждение примитивным процессом самообнаружения. Эгоистическая природа многословия ничуть не уменьшается от того, что это многословие иногда на серьезную тему: гордый человек может толковать о смирении и молчании, прославлять пост, дебатировать вопрос, — что выше — добрые дела, или молитва.

Уверенность в себе быстро переходит в страсть командования; он посягает на чужую волю (не вынося ни малейшего посягания на свою), распоряжается чужим вниманием, временем, силами, становится нагл и нахален. Свое дело — важно, чужое — пустяки. Он берется за все, во все вмешивается.

На этой стадии настроение гордого портится. В своей агрессивности он, естественно, встречает противодействие и отпор; является раздражительность, упрямство, сварливость; он убежден, что его никто не понимает, даже его духовник; столкновения с «миром» обостряются, и гордец окончательно делает выбор: «я» против людей, но еще не против Бога.

Душа становится темной и холодной, в ней поселяется надменность, презрение, злоба, ненависть. Помрачается ум, различение добра и зла делается спутанным, так как оно заменяется различием «моего» и «не моего». Он выходит из всякого повиновения, невыносим во всяком обществе; его цель — вести свою линию, посрамить, паразитировать других; он жадно ищет известности, хотя бы скандальной, мстя этим миру за непризнание и беря у него

реванш. Если он монах, то бросает монастырь, где ему все невыносимо, и ищет собственных путей. Иногда эта сила самоутверждения направлена на материальное стяжение, карьеру, общественную и политическую деятельность, иногда, если есть талант — на творчество, и тут гордец может иметь, благодаря своему напору, некоторые победы. На этой же почве создаются расколы и ереси.

Наконец, на последней ступеньке, человек разрывает и с Богом. Если раньше он делал грех из озорства и бунта, то теперь разрешает себе все: грех его не мучит, он делается его привычкой; если в этой стадии ему может быть легко, то ему легко с диаволом и на темных путях. Состояние души мрачное, беспросветное, одиночество полное, не вместе с тем искреннее убеждение в правоте своего пути и чувство полной безопасности, в то время, как черные крылья мчат его к гибели.

Собственно говоря, такое состояние мало чем отличается от помешательства.

Гордый — и в этой жизни пребывает в состоянии полной изоляции (тьма кромешная). Посмотреть, как он беседует, спорит: он или вовсе не слышит того, что ему говорят, или слышит только то, что совпадает с его взглядами; если же ему говорят что-либо, несогласное с его мнениями, он злится, как от личной обиды, издевается и яростно отрицает. В окружающих он видит только те свойства, которые он сам им навязал, так что даже в похвалах своих он остается гордым, в себе замкнутым, непроницаемым для объективного.

Характерно, что наиболее распространенные формы душевной болезни — мания величия и мания преследования — прямо вытекают из «повышенного самоощущения» и совершенно немислимы для смиренных, простых, забывающих себя людей. Ведь и психиатры считают, что к душевной болезни (паранойя) ведут, главным образом, преувеличенное чувство собственной личности, враждебное отношение к людям, потеря нормальной способности приспособления, извращенность суждений. Классический параноик никогда не критикует себя, он всегда прав в своих глазах и остро недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни.

Вот где выясняется глубина определения преп. Иоанна Лествичника: «Гордость есть крайнее души убожество».

Гордый терпит поражение на всех фронтах:

Психологически — тоска, мрак, бесплодие.

Морально — одиночество, иссякание любви, злоба.

С богословской точки зрения — смерть души, предворяющая смерть телесную, геенна еще при жизни.

Гносеологически — солипсизм.

Физиологически и патологически — нервная и душевная болезнь.

В заключение естественно поставить вопрос: как бороться с болезнью, что противопоставить гибели, угрожающей идущим по этому пути?

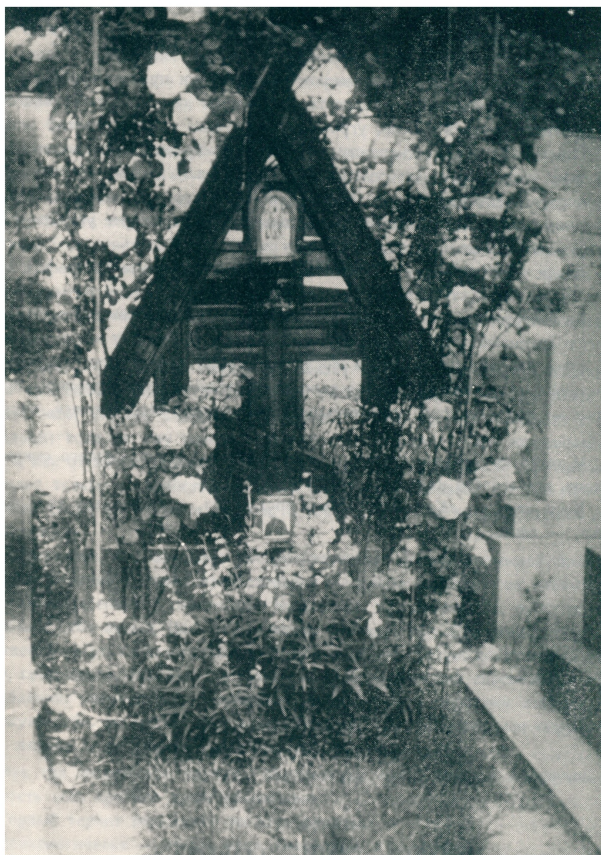
Ответ вытекает из сущности вопроса — смирение, послушание объективному; послушание, по ступенькам — любимым людям, близким, законам мира, объективной правде, красоте, всему доброму в нас и вне нас, послушание Закону Божию, наконец — послушание Церкви, ее уставам, ее заповедям, ее таинственным воздействиям.

А для этого — то, что стоит в начале христианского пути: «Кто хочет идти за Мною, пусть отвержется себя».

Да отвержется,... да отвергается каждый день; пусть каждый день — как стоит в древнейших рукописях — берет человек свой крест — крест терпения обид, поставления себя на последнее место, перенесения огорчений и болезней и молчаливого принятия поношения, полного безоговорочного послушания — немедленного, добровольного, радостного, бесстрашного, постоянного.

И тогда ему откроется путь в царство покоя, «глубочайшего смиренномудрия, все страсти истребляющего».

Богу нашему, «Который гордым противится, а смиренным дает благодать», — слава.

Могила о. Александра на Лесном кладбище в Медоне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
О. Александр Ельчанинов — прот. С. Булгаков	19
Отрывки из дневника	23
Из писем к молодежи	119
Советы молодым священникам	137
Полезность веры	149
Беседа перед исповедью	151
Беседа о Католичестве и Православии	157
Говение в монастыре	161
Демонская твердыня	167

